

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 25 ИЮНЬ 1982

Латвийская ССР

ГОДЫ И СВЕРШЕНИЯ

ПЛОЩАДЬ — 64 ТЫСЯЧИ КВАДРАТНЫХ КИЛОМЕТРОВ.
НАСЕЛЕНИЕ — 2 МИЛЛИОНА 552 ТЫСЯЧИ ЧЕЛОВЕК НА 1 ЯНВАРЯ 1982 ГОДА.
НАСЕЛЕНИЕ РИГИ — 858 ТЫСЯЧ ЧЕЛОВЕК.
ПРОИЗВОДСТВО ПРОМЫШЛЕННОЙ ПРОДУКЦИИ ЗА 1940—1981 ГОДЫ УВЕЛИЧИЛОСЬ В 46,2 РАЗА.
ПРОИЗВОДСТВО СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ — В 1,5 РАЗА.
ПРОИЗВОДСТВО ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ — БОЛЕЕ ЧЕМ В 19 РАЗ.

МЫ ЛЕНИНСКИМ БРАТСТВОМ СИЛЬНЫ

**Арвид ГРИГУЛИС,
народный писатель
Латвии,
академик АН ЛССР**

«Свободная Латвия в свободной России!» Этот призыв был высказан одним из выдающихся вождей латышской социал-демократии, соратником В. И. Ленина Петром Стучкой в жаркие дни борьбы за Советскую Латвию в 1919 году. Таковой позже и стала Советская Латвия, одна из младших республик в братской семье народов СССР. Событие это имеет свою предысторию.

В годы гражданской войны во время грозных битв с контрреволюцией советские народы объединились с Российской Федерацией в тесный военно-политический союз. Среди его участников была и Советская Латвия.

Когда в 1922 году был образован Союз Советских Социалистических Республик, 60-летие которого скоро отметит наш народ, Латвия не сразу смогла вступить в него: международная контрреволюция уничтожила здесь Советскую власть. Но трудовой народ Латвии на протяжении долгих двадцати лет господства буржуазной власти не забывал о цели своей борьбы — расти и крепнуть в братской семье советских народов. Эта борьба увенчалась победой лишь в 1940 году. В битвах за социальную справедливость были обретены соратники, истинные друзья. Таковыми всегда были для нас русский народ, русское общество.

Вплоть до первой мировой войны в книгах немецких авторов, вы-

Продолжение см. на стр. 13.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 25 (2866)

19 ИЮНЯ 1982

Во время вручения награды. Фото В. Будана и И. Будневича (ТАСС)

НЕРАСТОРЖИМЫЕ УЗЫ

11 июня в Алма-Ате состоялось торжественное заседание Центрального Комитета Компартии Казахстана и Верховного Совета республики с участием представителей партийных, советских и общественных организаций, трудовых коллективов и Советской Армии, посвященное 250-летию добровольного присоединения Казахстана к России и вручению высокой награды.

В президиуме — делегации Москвы, Ленинграда, Российской Федерации, других братских союзных республик, знатные люди Казахстана, представители партийных, советских, общественных организаций и Вооруженных Сил СССР, ветераны войны и труда, передовики соревнования, почетные гости, прибывшие на торжества.

С большим воодушевлением избирается почетный президиум в составе Политбюро ЦК КПСС во главе с товарищем Л. И. Брежневым.

Выступивший на торжественном собрании член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин сказал:

— Прежде всего разрешите передать самые сердечные поздравления казахскому народу, горячие пожелания новых успехов и счастья руководителям, коммунистам, всем трудящимся республики от Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Леонида Ильича Брежнева.

Передавая слова глубокого уважения трудолюбивому казахскому народу, Леонид Ильич Брежнев выразил твердую уверенность, что Советский Казахстан и впредь будет неуклонно наращивать темпы социально-экономического и культурного развития, уверенно идти ленинским путем коммунистического строительства.

В. В. Гришин огласил Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Казахской ССР орденом Ленина и под продолжительные аплодисменты собравшихся прикрепил высокую награду Родины к знамени республики.

Затем с докладом «Великая сила дружбы и братства» выступил член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Д. А. Кунаев.

Участников торжественного заседания, всех трудящихся республики сердечно поздравили руководители делегаций: Ленинграда — член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь Ленинградского обкома КПСС Г. В. Романов; РСФСР — кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров РСФСР М. С. Соломенцев; Украинской ССР — Председатель Президиума Верховного Совета Украинской ССР А. Ф. Ватченко; Белорусской ССР — Председатель Президиума Верховного Совета Белорусской ССР И. Е. Поляков; Узбекской ССР — кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидов; Грузинской ССР — Председатель Президиума Верховного Совета Грузинской ССР П. Г. Гилашвили; Азербайджанской ССР — Председатель Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР К. А. Халилов; Литовской ССР — Председатель Совета Министров Литовской ССР Р.-Б. И. Сонгайла; Молдавской ССР — Председатель Президиума Верховного Совета Молдавской ССР И. П. Калин; Латвийской ССР — Председатель Совета Министров Латвийской ССР Ю. Я. Рубэн; Киргизской ССР — первый секретарь ЦК Компартии Киргизии Т. У. Усубалиев; Таджикской ССР — первый секретарь ЦК Компартии Таджикистана Р. Набиев; Армянской ССР — Председатель Президиума Верховного Совета Армянской ССР Б. Е. Саркисов; Туркменской ССР — первый секретарь ЦК Компартии Туркменистана М. Г. Гапуров; Эстонской ССР — Председатель Президиума Верховного Совета Эстонской ССР И. Г. Кэбин.

Участники торжественного заседания с подъемом приняли приветственное письмо Центральному Комитету КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР, Совету Министров СССР, товарищу Л. И. Брежневу.

Для участников торжественного заседания был дан большой праздничный концерт.

СОТРУДНИЧЕСТВО РАСШИРЯЕТСЯ

8—10 июня 1982 года в Будапеште состоялось очередное, XXXVI заседание сессии Совета Экономической Взаимопомощи.

В работе сессии участвовали делегации стран — членов СЭВ, возглавляемые Председателем Совета Министров Народной Республики Болгарии Г. Филиповым, Председателем Совета Министров Венгерской Народной Республики Д. Лазаром, заместителем Председателя Совета Министров Социалистической Республики Вьетнам То Хыу, Председателем Совета Министров Германской Демократической Республики В. Штофом, заместителем Председателя Государственного совета и заместителем Председателя Совета Министров Республики Куба К. Р. Родригесом, Председателем Совета Министров Монгольской Народной Республики Ж. Батмунхом, Председателем Совета Министров Польской Народной Республики В. Ярузельским, премьер-министром правительства Социалистической Республики Румынии К. Дэскэлеску, Председателем Совета Министров Союза Советских Социалистических Республик Н. А. Тихоновым, Председателем правительства Чехословацкой Социалистической Республики Л. Штроугалом.

В соответствии с соглашением между СЭВ и правительством СФРЮ в заседании сессии приняла участие делегация СФРЮ во главе с заместителем Председателя Союзного исполнительного веча З. Драганом.

В качестве наблюдателей в работе сессии по приглашению участвовали представители Народной Республики Ангола, Демократической Республики Афганистан, Народной Демократической Республики Йемен, Лаосской Народно-Демократической Республики, Народной Республики Мозамбик, Социалистической Эфиопии.

В работе сессии приняли участие секретарь Совета Экономической Взаимопомощи Н. В. Фаддеев, представители комитетов СЭВ и некоторых международных экономических организаций, созданных социалистическими странами.

Председательствовал глава делегации Венгерской Народной Республики Председатель Совета Министров ВНР Д. Лазар.

Сессия Совета одобрила деятельность Исполнительного комитета СЭВ между XXXV и XXXVI заседаниями сессии Совета Экономической Взаимопомощи.

Сессия рассмотрела и одобрила программу координации народнохозяйственных планов на 1986—1990 гг., которая должна способствовать реализации курса коммунистических и рабочих партий на интенсификацию производства в интересах роста благосостояния народов братских стран.

Главы делегаций стран — членов СЭВ подписали генеральные соглашения о сотрудничестве по развитию и широкому использованию в народном хозяйстве микропроцессорной техники, а также по разработке и организации специализированного и кооперированного производства промышленных роботов.

Сессия приняла рекомендации по дальнейшему развитию сотрудничества в области атомной энергетики, специализации и кооперирования производства оборудования для АЭС.

XXXVI заседание сессии СЭВ прошло в обстановке единодушия, полного взаимопонимания и товарищеского сотрудничества.

Во время работы сессии. Телефото МТИ — ТАСС

На избирательном участке № 18 Сокольнического района Москвы. Фото И. Гаврилова

СОВЕТСКОЕ НАРОДОВЛАСТИЕ

20 ИЮНЯ — ДЕНЬ ВЫБОРОВ В МЕСТНЫЕ СОВЕТЫ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ И В НАРОДНЫЕ СУДЬИ

Дорогой читатель!

Сегодня вам предстоит исполнить высокий гражданский долг — на своем избирательном участке опустить в урну бюллетени с фамилиями кандидатов в депутаты местного Совета и народного судьи. Человек, за которого вы голосуете, может быть вашим товарищем по работе — передовиком производства, коллегой по научной лаборатории, строителем, возводящим дом, где вы получили хорошую квартиру, или воином, хранящим наш мир на земле.

За последние недели редакция получила немало сообщений своих читателей о радостных переменах, которые произошли в их судьбе, в жизни советских людей за период после предыдущих выборов. У нынешних выборов — особая примета: они проходят в обстановке большого политического и трудового подъема, вызванного решениями майского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС.

И каждый из нас знает: наши избранники — народные депутаты и судьи используют все свои права и полномочия в интересах советских людей. Вот почему как к большому празднику готовились мы к этому дню.

СТЕРВЯТНИКИ НАД БЕЙРУТОМ

«Попадания наших летчиков предельно точны. Наша цель — уничтожение баз палестинских террористов. Операция «Мир для Галилеи» продолжается». Так прокомментировало тель-авивское радио очередную бомбежку Бейрута.

Я включил приемник сразу же после окончания очередного воздушного налета на ливанскую столицу. Примерно в километре от квартала, где расположен корпункт АПН, находятся густонаселенные районы Сабра и Фаххани, факультеты арабского университета Бейрута. Именно их безжалостно бомбили израильские «фантомы». Две тройки грязно-рыжих самолетов утюжили жилые массивы.

Гигантское облако черного дыма окутало Фаххани и Сабру. На полной скорости туда помчались санитарные и пожарные автомашины. Беспрерывно били по налетчикам зенитные батареи Национально-патриотических сил Ливана и Палестинского движения сопротивления. От разрывов ракет и бомб сотрясались здания, с треском вылетали стекла.

Тель-авивская пропаганда нагло лгала, когда утверждала, будто израильская армия не атаковала гражданские объекты в Ливане. На совести агрессоров уже многие тысячи убитых и искалеченных людей — женщин, стариков, детей.

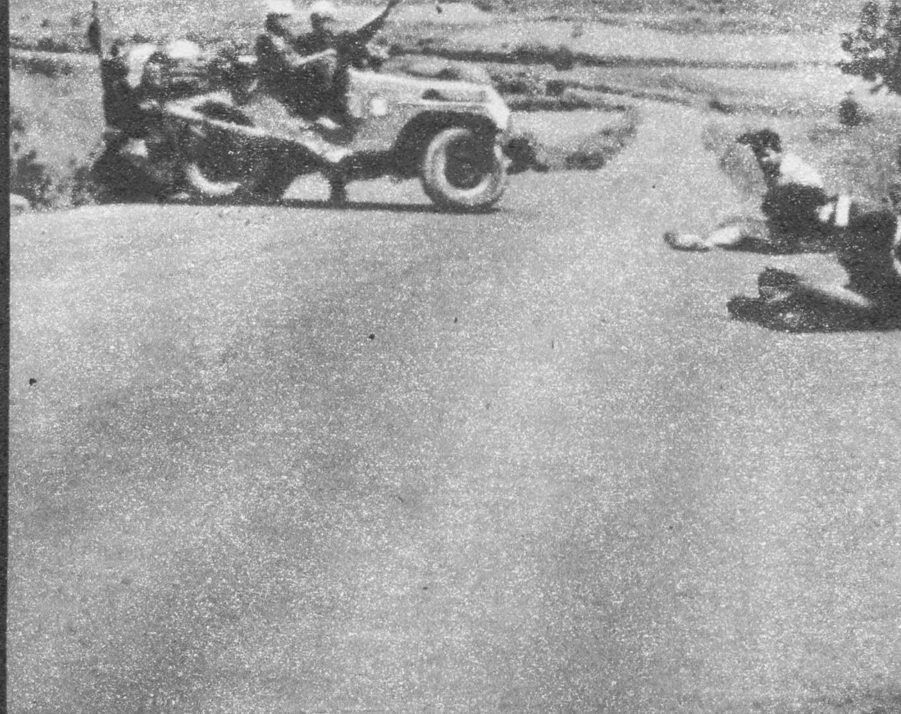
На ливанцев и палестинцев падали шариковые и фосфорные бомбы, ракеты с термитными зарядами. Жилища превращались в могилы для сотен мирных людей. Смерть настигала школьников в классах и автобусах. Сайда — главный город ливанского юга, где до сих пор в окружении сражаются палестинцы и местные жители, — полыхает пожарами. Поступают зловещие сообщения о массовых расправах израильской военщины с палестинскими и ливанскими патриотами. Практически обезлюдел древний Тир. Война на истребление, геноцид — вот подлинное лицо воинствующего сионизма.

От южной границы Ливана до Бейрута, от ливанского побережья до долины Бекаа проходит фронт борьбы с оккупантами. Не щадя жизни сражаются бойцы Палестинского движения сопротивления и Национально-патриотических сил Ливана. Большой кровью даются километры ливанской земли агрессору. Израильская армия вторжения несет ощутимые потери: убиты сотни израильских солдат, уничтожены десятки танков, самолетов и вертолетов.

С удовлетворением воспринято в Бейруте заявление ТАСС, требующее немедленного прекращения агрессии против суверенного Ливана и вывода войск Израиля с его территории. Оно широко комментировалось местной печатью. Советское заявление, отмечали ливанские газеты, вновь продемонстрировало твердую и последовательную позицию Советского Союза в поддержку правого дела арабов в их борьбе с израильской агрессией.

С. ЕВСЮКОВ,
соб. корр. АПН.
Специально для «Огонька»

Бейрут.

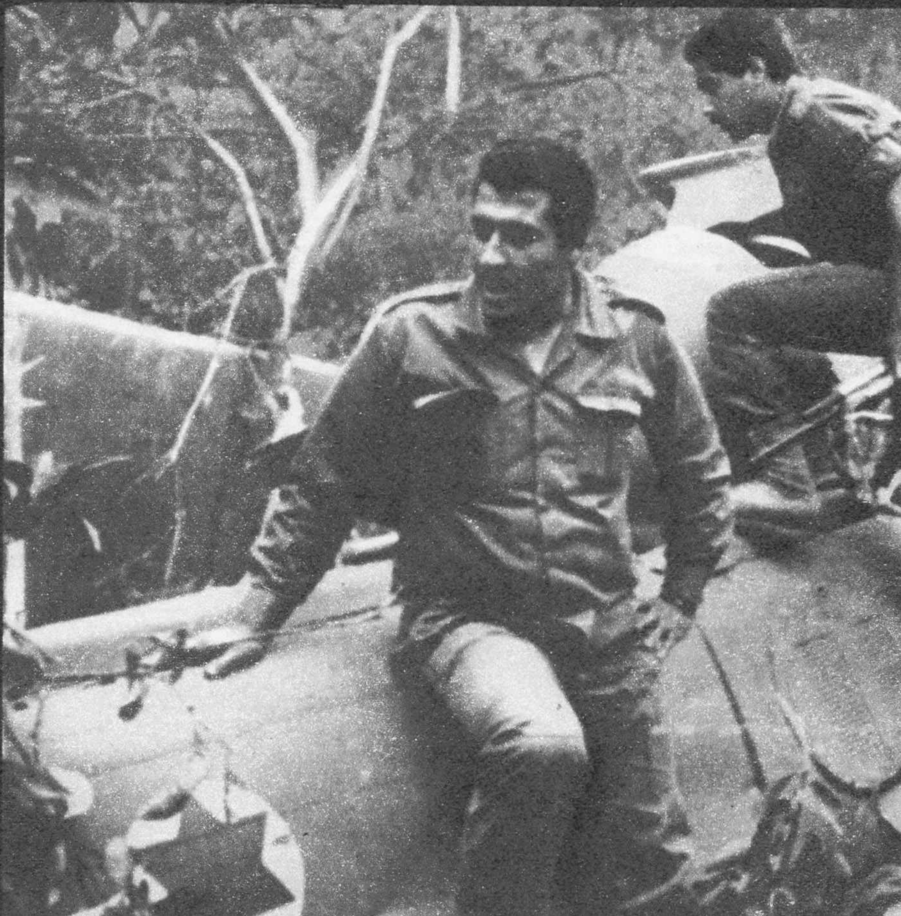

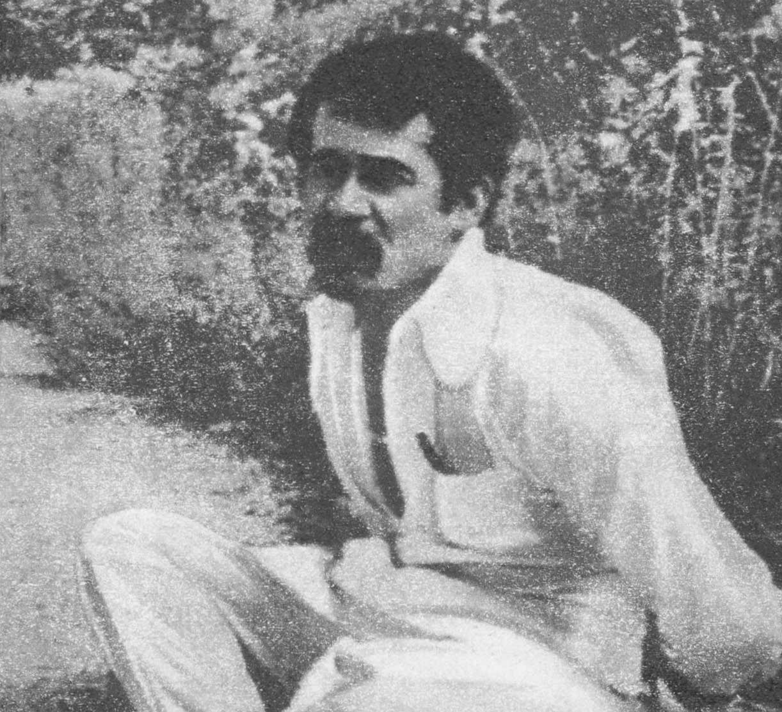
Так израильские оккупанты обращаются с арабским населением.

Налет израильской авиации на Бейрут.

Останки воздушного пирата.

ПОДЛИННОЕ ЛИЦО НАТО

Во время бомбардировки.

Телефото АП — ТАСС

Какой удивительный разрыв бывает порой между формой и содержанием! Если судить по форме, то боннская встреча на уровне глав государств и правительств стран — участниц НАТО была великолепна. Рассчитанная с точностью до минуты программа, блеск приемов, овации званой публики на официальном открытии, две с половиной тысячи журналистов, 17 тысяч полицейских. Список можно было бы продолжить. Однако политические события подобного рода непригодны для «книги рекордов Гинесса». О них судят по содержанию принятых документов, по серьезности дискуссии, по ответственности участников за судьбы мира. Здесь, увы, рекордов не было, если не считать некоторые решения НАТО рекордом ханжества и демагогии.

Претензии были велики. Генеральный секретарь НАТО Йозеф Лунс, например, пообещал журналистам на пресс-конференции перед открытием сессии совета НАТО, что в Бонне «будет положено начало новому этапу в отношениях между Западом и Востоком». Опытные журналисты, знающие цену заявлениям г-на Лунса, встретили его очередное откровение скептически. Теперь, после закрытия сессии, можно сказать: в Бонне была сделана очередная и опасная попытка ликвидировать основы тех новых отношений между двумя социально-политическими системами, которые были заложены в 70-х годах нашего века. Как выяснилось, деятели некоторых стран НАТО приложили невероятные усилия, чтобы в многостраничных боннских решениях только один раз (!) было упомянуто слово «разрядка». Это понятие, содержащееся в десятках международных документов, освященное авторитетом ООН, завоевавшее доверие миллионов людей во всем мире, оказалось чуждо политической философии НАТО.

Правда, в эти дни можно было ощущать, что и атлантическим политикам становится не по себе, когда они превращаются в символ, враждебный разрядке. Тот же г-н Лунс на открытии сессии жаловался, что молодежь стран Запада не понимает НАТО и считает ее «угрозой миру и национальной безопасности». Он призывал «поправить испорченную репутацию» блока. Даже президент Рейган старался заигрывать с этой молодежью, предлагая «встать во главе ее движения».

Что же взамен предложили участники боннской встречи? Старые, истрепанные лозунги и старые, изжившие себя методы. Не говоря уже о жупеле «советской опасности», которым вновь размахивают. Применяются и другие шаблоны: например, требование поставить процесс международного сотрудничества в зависимость от «надлежащего поведения Советского Союза». Снова и снова звучит угроза ограничить экономические связи с СССР. Вместе с тем в Бонне были приложены немалые усилия, чтобы «быть в духе времени», а значит— говорить о разоружении.

Однако принятые здесь документы по вопросам контроля над вооружениями и разоружению показывают полную политическую нищету НАТО. В них нет ни одной новой идеи. Повторяются старые американские предложения, которые, как известно, лишь маскируют стремление Запада обеспечить себе военное превосходство.

В качестве «открытия» выдвинуты «новые планы» для венских переговоров, хотя планы сокращения войск и вооружений в Центральной Европе уже давно положены на стол переговоров, положены социалистическими государствами. Зато в Бонне официально одобрены все новые программы «модернизации» войск НАТО, провозглашенные Рейганом.

Боннские решения вызывают тревогу многими своими пунктами. В них прямо говорится, что Североатлантический блок начнет интенсивное обсуждение вопроса о том, какие последствия вытекают для НАТО из-за дислокации войск отдельных стран-участниц «вне сферы действия» этого пакта. Если соединить это положение с единодушной поддержкой агрессивных действий Англии (об этом было официально заявлено от имени всех 16 стран), то становится ясным, что экспансионизм атлантического блока вступает в новую фазу.

В дни встречи глав государств и правительств НАТО в Бонне местное телевидение перемежало кадры помпезного приема во дворце Аугустусбург кадрами кровавых боев в Ливане и на Мальвинах. Многие ждали: что скажут ведущие политические деятели 16 стран Запада об угрозе миру? Не мнимой советской, а подлинной угрозе?

И вот результат: в Бонне действия Англии были одобрены. В документах вы не найдете ни строки, осуждающей израильскую агрессию в Ливане. На пресс-конференции г-ну Лунсу был задан вопрос: осуждает ли НАТО агрессора? «Нет, этого я не сказал,— ответил генеральный секретарь НАТО.— Мы только выражаем серьезную озабоченность, сожалеем по поводу человеческих жертв и надеемся на решение проблемы». Ответ циничный. Особенно если учесть, что 10 стран ЕЭС за день до этого все-таки собрались с духом, чтобы хотя бы словесно осудить вторжение Израиля в Ливан. Но ежели президент Рейган этого не хочет, НАТО молчит.

НАТО показала в Бонне свое подлинное лицо, вновь подтвердив, что и впредь ее действия будут направлены на конфронтацию, подрыв разрядки, что и впредь она будет поощрять агрессоров и цементировать американские претензии на господство в мире.

Лев БЕЗЫМЕНСКИЙ,
соб. корр. АПН.
Специально для «Огонька»

Бонн.

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ГЕОРГИЯ ДИМИТРОВА

НЕПОДВЛАСТНЫЙ ВРЕ

Серафим СЕВЕРНЯК,
болгарский писатель

Однажды в душную тропическую ночь я отправился на встречу с журналистами в городе Антананариву, столице Демократической Республики Мадагаскар. Собралось человек тридцать, представители разных поколений. На этот остров я приехал, охваченный романтическим порывом — найти там болгар-переселенцев старого времени. Я слышал, что в прошлом веке большая группа моих соотечественников переселилась в Южную Францию, а оттуда они отправились искать счастья под небом Индийского океана. Меня все тут интересовало: и экзотика под созвездием Козерога, и первые социальные преобразования в республике, и все еще дикая, необузданная природа. Здесь остро ощущалось, как далеко ты от своего дома. Мне было интересно, что знают эти милые, скромные люди о Болгарии. Я их прямо спросил: «Что вы слышали о моей родине и о моем народе?»

И услышал в ответ то, что слышал уже не раз в ближних и дальних краях, среди друзей и врагов. Я услышал имя Георгия Димитрова. Оно прозвучало здесь и естественно и в то же время неожиданно. Это имя сблизило нас. А на мою настойчивую просьбу рассказать о том, чтó они еще знают о моей стране, журналисты добавляли, что им известно о долине роз, о фестивале юмора в городе Габрово... и это, кажется, все, что им было известно о Болгарии. Много это или мало? Я думаю, что этого достаточно, так как Димитров выражает и символизирует многое из того, что именуется Болгарией...

Его деятельность была связана с началом борьбы и победой. Димитров знал о надеждах молодежи — жаворонков, шагавших в рядах демонстрантов с песней «Поднимите голову, рабы, рабы труда!». Он пережил порывы и мужество восстания и горечь поражений.

Сын рабочего класса Болгарии, Димитров стал убежденным ленинцем. В ленинизме обрел он знамя, которому оставался верен до конца жизни. Как руководитель Коммунистического Интернационала Димитров действовал вместе с партией Ленина, вместе с международным коммунистическим движением. Когда журналист с Мадагаскара назвал имя Димитрова, мое сердце наполнилось гордостью. Это имя стало символом мужества, стойкости, верности ленинизму, пролетарскому интернационализму. С его именем мы связываем призыв к единству и борьбе. Оно означает самопожертвование и бесстрашие, гуманизм и непримиримость. И в конечном итоге — победу! Победу в стачке, судебном процессе или в войне. Победу рабочего над хозяином, труда над капиталом!

...Под бездонным июньским небом в теплой ладони пологой долины родился мальчик. В небольшом, всего из нескольких изб, селе под названием Ковачевцы. Вероятно, в далеком прошлом мужчины этого села были пахарями и кузнецами. И Димитров должен был стать кузнецом, одним из неутомимых ваятелей истории. Будучи рабочим-наборщиком, он держал в своих руках свинцовые ростки чуда, называемого книгопечатанием. И это символично, потому что класс, одним из рулевых которого он стал, кроме всемогущей силы труда, должен был возвеличить дух — идею, без которой ничто и никогда не могло победить.

Он был трибуном и умел переплавить усталость и гнев людей в социальный протест. Революции, которой он себя посвятил, служили его ясный ум и неукротимое слово. Он руководил первым в мире антифашистским восстанием в стране, давшей миру создателей славянской азбуки. На Лейпцигском процессе он из обвиняемого превратился в бесстрашного обвинителя фашизма. Мужественное поведение Димитрова на этом процессе, проникнутое ленинской мудростью и пролетарским интернационализмом, духом интеллектуального превосходства над врагом, сделали его символом грядущей решительной победы в борьбе с фашизмом.

Он был вождем и был просто Димитровым, одним из тех сильных и смелых людей, которыми человечество всегда будет гордиться.

Он родился в стране, уцелевшей после пятивекового варварского рабства. Народ Болгарии набирал силы целых пятьсот лет, чтобы родить его и вырастить, чтобы дать его людям.

Мы постоянно чувствуем его присутствие, он и сейчас там, где мысль, битва и прогресс. И мы всегда будем стремиться в родное село Георгия Димитрова — Ковачевцы. Приезжая в это небольшое и счастливое село, убеждаешься: великое естественно, как полевые цветы, неброские и стойкие, которых так много, что мы порой не знаем даже их названия. И нас волнует, что село Ковачевцы, где исстари жили кузнецы, выковало Димитрову крепкую руку, которая, словно молот, обрушилась на наковальню истории...

Остановитесь перед домом на Ополченской улице в Софии. Такой, какой она была на рубеже двух веков, двух эпох: с окнами, выходящими в узкий дворик, с клумбами, на которых посажены георгины. Эти клумбы были созданы когда-то руками матери Георгия Димитрова. За оградой дворика начинался мир, полный мук и надежд; там играли дети и слышался скрип проезжавших мимо телег. В комнате шкафы, до отказа набитые книгами, которые он в тринадцать лет учился набирать, а в двадцать писал сам... Вот стол, за которым вся семья обедала. За письменным столом со старинным телефоном Георгий Димитров писал воззвания и доклады, речи и письма, которые стали известны всему миру. Сюда входили, нет, здесь жили Маркс и Энгельс. Софокл и Данте, Сервантес, Шекспир и Байрон, Чернышевский.

Весь мир услышал слова Георгия Димитрова на Лейпцигском процессе: «Вы, наверное, боитесь моих вопросов, господин премьер-министр?» — и стал свидетелем удара по фашистскому мракобесию, нанесенного коммунистом-интернационалистом, болгарином из дома на Ополченской улице.

В небольшой спальне этого дома стоят простые кровати. Очень скромная мебель. Так обставлена и комната в Смольном, где жил великий Ленин...

Когда внимательно присматриваешься к такой обстановке, то проникаешься беспредельным уважением к людям, посвятившим всю свою жизнь революции, партии, народу.

Истинно великие люди обладают магическим свойством — с дистанции времени они обретают масштабность. История высвечивает то, что они совершили. Новые поколения принимают их как знамя и наделяют новыми свойствами. Не в этом ли, в сущности, и состоит бессмертие!

Димитров неотделим от революции, от борьбы пролетариата, от борьбы за прогресс всего человечества. Он родился в стране, которая только что испила горечь рабства и сладость национального освобождения и уже создавала одну из первых марксистских партий в мире, словно уготовив колыбель для своего будущего борца. В двадцать лет он носил у сердца партийный билет, а в 27 лет был уже членом Центрального Комитета Болгарской

МЕНИ

рабочей социал-демократической партии (тесных социалистов) и стоял рядом со своим добрым и строгим учителем Димитром Благоевым.

Георгий Димитров был патриотом, он беспредельно любил свой народ, и хотя враги кричали, что социалисты — люди без рода и племени и что социализм не имеет у нас почвы, шахтеры Перника признавали его своим братом и ждали его, чтобы сомкнуть свои ряды в забастовочной борьбе. Димитров был трибуном и обладал таинственной магией слова. На митинге или в парламенте его слушали затаив дыхание. Людей покоряла власть его мысли и слов. Он был организатором профсоюзного движения, депутатом и руководителем парламентской группы и всегда оставался революционером - интернационалистом, безгранично преданным делу пролетариата.

Вся его жизнь — непрерывное действие; он работал и совершенствовался, постоянно повышал свое образование, углубленно изучал философию и любил поэзию, они были ему необходимы, как хлеб и вода. Он был рядовым и руководящим работником самой высшей категории в одно и то же время, и никогда слова его не расходились с делом.

Как один из руководителей Коминтерна, он не жалел усилий, чтобы укрепить и сплотить ряды международного коммунистического движения. Он мог руководить массами, как мог пахать и сеять, петь песни и писать стихи. Все соратники Димитрова запомнили его как яркую и покоряющую личность. В своих воспоминаниях ни один из них не выразил удивления, когда на Лейпцигском процессе произошло своего рода извержение вулкана. Знавшие его понимали, что в определенных обстоятельствах Димитров будет держаться именно так, как он держался: смело, непримиримо, наступательно.

Товарищи и единомышленники знали его по встречам в кафе и на полулегальных квартирах в Вене и Берлине, не раз слушали его в Брюсселе и Париже, восхищались его пламенными речами и умом, его неистощимой энергией и силой, мудростью его решений. Любовь к своему народу, страстность, с которой он отстаивал дело всех людей труда, вызывали восхищение самых светлых умов.

Димитрову было свойственно умение анализировать и обобщать. Он умел видеть, что нужно убрать с пути, чтобы дать дорогу новому. В то время как Димитров смело защищался от грубо состряпанных обвинений в поджоге рейхстага, он выдвинул лозунг, который остался и будет жить всегда: «Массовая работа, массовая борьба, массовое сопротивление, единый фронт, никаких авантюр!» Эти слова Димитрова актуальны и сегодня.

Европа в конце 30-х годов не вняла призыву, который прозвучал с трибуны Коминтерна,— создать широчайший фронт рабочего класса, всех трудящихся против угрозы империалистической войны, и была втянута в самую страшную войну, став жертвой коричневой чумы. Победа над фашизмом стоила десятков миллионов жизней. И уроки интернационализма, международного пролетарского единства, пробный камень которого — верность Советскому Союзу, эти уроки современны и сейчас.

Счастливые мы, болгары! Мы — его современники. Мы, которые слушали его на площади Республики. Мы, шагавшие в рядах демонстрантов мимо трибуны перед Народным собранием. Фашистскому суду он заявил: «Я горжусь тем, что я сын болгарского рабочего класса!» И эти слова Георгия Димитрова после 1945 года приобрели новый смысл. Болгария его ждала, одетая в потертые пальто и старые ботинки, холодная и голодная, но устремленная в будущее. И она его дождалась — светлого и солнечного, доброго и строгого, непреклонного и нежного. Он жил в скромном доме в Княжево, куда к нему могли прийти кочегары и шахтеры, жнецы и пастухи, учителя и дети. Тогда все мы связывали с ним все! И это было не только преклонение перед сильной, героической личностью. Это была действительность, она была повсюду — в замыслах первого двухлетнего плана, в создании трудовых кооперативных земледельческих хозяйств — болгарском варианте ленинского кооперативного плана, определении народной демократии как самой подходящей формы диктатуры пролетариата в наших условиях, в первой конституции, в зените пятого съезда партии болгарских коммунистов, во всем, абсолютно во всем, что составляло суть нашей жизни.

Сейчас мы не можем сказать, что щадили его. С детской настойчивостью мы просили его присутствовать на открытии какой-нибудь библиотеки-читальни или водопровода; мы просто не могли радоваться такому событию без него! И он приходил к нам. Лицо его уже было цвета пергамента. Но мы не замечали этого. В наших глазах он выглядел молодым и сильным, человеком, неподвластным времени... И мы были правы — будущее доказало это.

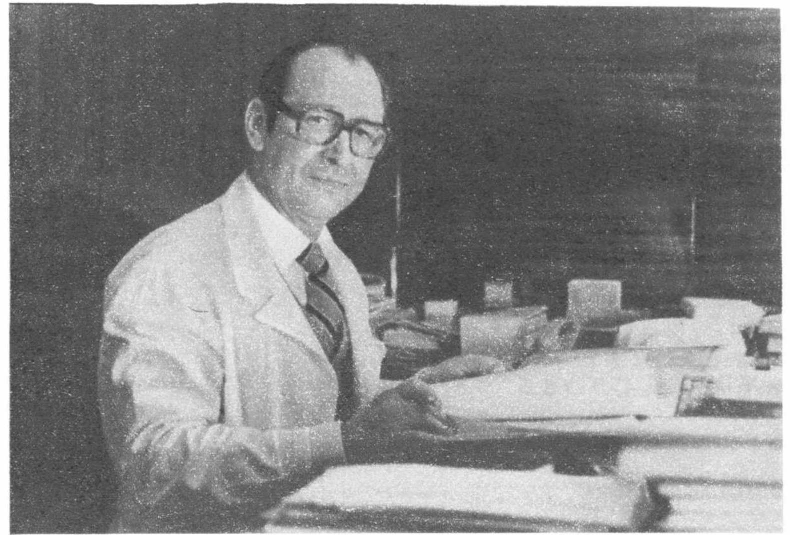
Каждая годовщина имеет свой смысл только в том случае, если прибавить к ней что-то новое: в памяти народа, в мыслях народа, в его свершениях. Болгария сегодня — это страна, где осуществляются заветы ее великого сына. Отчетливо прослеживается глубокая преемственность между димитровским курсом нашей партии и его развитием и продолжением в генеральной линии партии сегодня.

Отмечая столетие со дня рождения Георгия Димитрова, мы думаем еще и о том, что проходит время, а он живет среди нас, по-прежнему близкий и родной человек. Не памятник. Да, мы с ним никогда не разлучались.

Был и есть просто Димитров!

Перевод Л. СКОРОХОДОВОЙ.

София.

Академик И. К. Шхвацабая.

КОНГРЕСС КАРДИОЛОГОВ

В Кремлевском Дворце съездов начинает работу IX всемирный конгресс кардиологов. Наш корреспондент В. Лейбовский попросил рассказать о борьбе с сердечно-сосудистыми заболеваниями председателя программного комитета конгресса, директора научно-исследовательского института кардиологии имени А. Л. Мясникова, академика АМН СССР Игоря Константиновича ШХВАЦАБАЯ.

— Отличительной чертой современной кардиологии является прежде всего стремительное развитие фундаментальных исследований. Еще в совсем недалекие времена терапия сердечно-сосудистых заболеваний была чисто клинической дисциплиной. Теперь же мы можем с уверенностью говорить о том, что она стала дисциплиной научной, базирующейся на глубоких теоретических основах. Это раскрывает принципиально новые возможности не только для понимания природы и сути процессов сердечной деятельности, но, что не менее важно, для профилактики сердечно-сосудистых заболеваний.

У нас создана замечательная аппаратура, открывающая большие перспективы в диагностике. Например, ультразвуковая техника. Или техника, связанная с применением контрастных веществ при введении катетера в сердце и сосуды. Это позволит нам еще глубже понимать природу болезней. Хочу подчеркнуть, что особое внимание уделяется сейчас тому, чтобы эта диагностика была максимально безвредной для больного, для самого сердца. Все больше в клинической медицине используется вычислительная техника.

Большие перспективы при лечении сердечно-сосудистых заболеваний обещает использование различных ферментов. Лизосомы, синтетические пептиды — группа лечебных препаратов, отражающих совершенно новые подходы к терапии сердечно-сосудистых заболеваний. Чрезвычайно интересен и важен опыт по использованию стрептодеказы — препарата, растворяющего тромбы. Недавно за его создание группе советских специалистов во главе с академиком Е. И. Чазовым была присуждена Ленинская премия.

В последние годы нами ведутся успешные работы, в том числе и совместно с зарубежными кардиологами — по уменьшению зоны повреждений при инфарктах миокарда. Достигается это, в частности, с помощью медикаментозных и хирургических средств.

В IX всемирном конгрессе кардиологов участвуют несколько тысяч специалистов более чем из 60 стран. Подобных масштабов не знал ни один из предыдущих конгрессов. Это говорит и об успехах мировой кардиологии и о том внимании, которое уделяется одной из важнейших проблем века — борьбе с сердечно-сосудистыми заболеваниями.

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ ПАМЯТИ

ГЛАВА ИЗ КНИГИ «МОЙ СОВЕТСКИЙ СОЮЗ»

Моин БСИСУ
Фото А. МАСЛОВА

Известный палестинский поэт Моин Бсису неоднократно бывал в нашей стране, ездил по дорогам союзных республик. Итогом этих поездок явилась выходящая в издательстве «Прогресс» книга «Мой Советский Союз», одну из глав которой—о Белоруссии—предлагаем вниманию читателей.

...Какое слово достойно имени твоего, похожего на птичку в снегу, имени, осенявшего партизанские листовки, написанные на бересте, имени, подобного четырехгранному штыку, увенчанному колоколами, бьющими каждый раз, как только вспыхивает над ним пятиконечная звезда?..

О республика белых берез!.. Республика, где каждый четвертый погиб... Республика, где руки скульптора Александра Кибальникова сотворили «Жажду» — памятник воину с каской в руке, протянутой к реке Мухавец... Эта каска — наш корабль... Жажда... когда капля воды становится вражеской пулей... Республика, где юный Герой Советского Союза четырнадцатилетний Марат Казей разил врага из пистолета, заряженного пулями, отлитыми из чистых окон, диких зайцев, комсомольских билетов, виноградных гроздьев садов Кировабада, колоколов Еревана, застывших молний пушкинских поэм, лепешек из отборной пшеницы целины.

О республика павших героев! Лица их — родники, ноги — деревья, глаза — газели...

...Какое слово достойно имени твоего, Минск, имени твоего, Брест, имени твоего, Хатынь, имени твоего, о республика белых берез?..

Глаза детей
Снотворного таблетки
Свастики мерзкой жующая пасть...
Облака у́часть — листом бумаги
В машинку пишущую упасть...
Молнии чернь
В чернила излилась...
Женщины в колодцы с водой превратились...
Рыбы в реке Мухавец
Воду месят как сладкое тесто
Для детей осажденных
В крепости Брестской...
Уток диких кружа́тся перья
Воинов раны бинтом пеленать...
В горле у го́рлицы — рой пчелиный
Грудь свою клювом она раздирает
Лепешку румяную вынимает —
Осколочек сахара светит на ней...
Красный партийный коммуниста билет
В окнах раскрытых рождает свет...

* * *

В шеренге советских городов, носящих звание городов-героев в честь подвигов, совершенных во время Великой Отечественной войны, стоит Минск — столица Советской Белоруссии. Плечом к плечу с другими городами-героями: Москвой, Ленинградом, Волгоградом, Севастополем, Киевом, Одессой, Керчью, Новороссийском... Так получилось, что на Минск, где в 1898 году состоялся I съезд РСДРП, в первые же дни войны обрушились фашистские бомбы. Началось осуществление гитлеровского плана «Барбаросса». Советская Белоруссия стала республикой павших героев. До войны в республике было чуть более девяти миллионов человек. Каждого четвертого ждала смерть...

* * *

О каждом четвертом пишу... И о тех, кто подбрасывал в огонь еловые ветки и бересту, и о тех, кто положил облако на наковальню и выковал из него альбомы с рисунками, стволы винтовок, партийные билеты, свидетельства о рождении детей, увидевших свет на баррикадах.

Вот он, четвертый погибший: летчик Николай Гастелло. Он мог выброситься с парашютом из своего охваченного пламенем самолета, но предпочел обрушить его на колонну фашистских танков. О чем ты думал, товарищ Гастелло, в те мгновения, которые отделяли прыжок с парашютом от смерти в огне? Ты сгорел, как метеор, чтобы еще ярче светила наша Красная Звезда. Ты сделал все, что мог, ради нас. Мы перед тобой в неоплатном долгу...

* * *

О каждом четвертом пишу... О Николае Гастелло, о тех, кто за ним стоял...

Вот крестьянка Елизавета Михно. Это она сберегла, спрятав в землю, знамя 84-го артиллерийского полка.

Что сокрыла ты в земле, Елизавета Михно? Знамя или колос? Все, что любишь в жизни своей, уходит в землю... А сейчас ты и знамя укрываешь землей, ты, истощенная голодом и жаждой. Как захоронишь ты в земле последнее зерно пшеницы, последнюю каплю воды? Как спрячешь ты от глаз врагов поэмы Лермонтова?

Вот он, лагерь смерти — Малый Тростенец... Более 130 тысяч человек погибли здесь. А вот еще 260 узников. Их тоже убьют. В концлагерях для детей, лагерях крови... Рядом с детским концлагерем, узникам которого было 8—14 лет, находился полевой госпиталь. Гитлеровцы сооружали детские концлагеря поближе к госпиталям. В этих лагерях они превращали детей в склянки с кровью, которую жаждало нацистское чудовище.

Фашисты доили детей, и когда иссушались детские тела и не текла уже из их вен алая кровь, палачи вместо пищи давали им яд.

Десятки тысяч детей... Эшелоны, груженные бутылочками с их алой кровью, отправлялись в фашистские госпитали. Ни один ребенок не спасся из этих лагерей...

О каждом четвертом пишу... О тридцати пяти тысячах коммунистов, участвовавших в организации сопротивления оккупантам. Это они сражались в дотах, амбразуры которых были застеклены воздухом, в потоках дождя бились на баррикадах, воевали в окопах среди снежных сугробов. Их пушки и винтовки были заряжены громом, рождавшим хлеб, снегом, скрывавшим типографию...

* * *

Да будут облака полями хлопка!
Сраженные да будут воевать!
Минск сражался!

Против пяти с половиной миллионов гитлеровских солдат и офицеров, против 4300 танков, против 4980 самолетов, двинутых на советскую землю в ходе операции «Барбаросса».

Сражалась белая березка — медсестра Зина Туснолобова, спасшая жизнь более 100 бойцам. Она стала партийным пропагандистом, голосом своим идущей в атаку вместе с бойцами. На родную белорусскую землю вернулась она после войны, израненная, без рук и ног... И здесь стала матерью двоих детей.

Минск умирал... Минск рождал!

* * *

...Я пишу эти строки на земле зимней Белоруссии.

...Хатынь, одетая в снега... Снега, укутавшие Хатынь... Она предстает перед нами посреди соснового леса под пепельным небом с пылающими языками пламени. Она как вечный огонь, превратившийся в облака, поднимающиеся из уст и очей детей, женщин и мужчин — жителей девяти тысяч белорусских деревень, уничтоженных гитлеровцами. Хатынь — это пожарище-символ, мать — жертва огня...

* * *

Глаза Людмилы Шпак — нашего экскурсовода — наполняются слезами. Она сидит, словно птичка, сотканная из капель дождя, терзаемая бурей, и читает нам суру «Хатынь», повесть о четырехстах тридцати трех сожженных деревнях, возрожденных из пепла после войны, о ста восьмидесяти шести деревнях, исчезнувших навсегда, потому что все жители их пали в огне борьбы. В Хатыни находится символическое мемориальное кладбище этих деревень, кладбище тех, кто никогда уже не вернется домой...

* * *

На пепле Хатыни возведен мемориал из красного камня, высеченного из пламени, пропитанного кровью. На месте каждого сожженного дома высятся бетонные стволы печей. На их вершинах каждые тридцать секунд бьют колокола...

Бьется твое трепещущее сердце...

* * *

Имя фашиста Оскара Дирлевангера все еще клубится дымом хатынского пожарища. Это он отдал приказ уничтожить Хатынь со всеми ее жителями. Сто пятьдесят два человека... Случилось это в марте 1943 года.

* * *

В Хатыни все шло своим чередом. Руки ее заняты водой и хлебом. Трое детишек, Соня Яскевич 8 лет, Володя Яскевич 12 лет, Саша Голубкович 9 лет, отправились в лес.

Гитлеровцы согнали жителей Хатыни в сарай, устланный травой и ветками, заперли двери, и огненная бойня началась. Дымятся даже кончики пальцев... Анна Голубкович бросилась со своим сыном Виктором из дверей горящего сарая. Обняв его руками, защищая от пуль... Немецкие солдаты стояли кругом, ожидая тех, кто попытается вырваться из огненного ада. Засвистели пули. Анна упала, накрыв собой сына. Пули разрывали ее тело. Каждая пуля стала почтовой маркой...

* * *

Виктор остался жив. Спас его крестьянин из соседней деревни. Через пять лет после кровавой бойни в Хатыни гитлеровец Оскар

Брест. Мемориальный комплекс. Палестинский поэт Моин Бсису у скульптуры «Жажда», изваянной А. Кибальниковым.

Дирлевангер обернулся в сиониста Менахема Бегина, превратившего колодец палестинской деревни Дейр-Ясин в могилу для ее жителей, предающего и в эти дни огню города и села Ливана.

* * *

О хор голосов, поднимающихся из языков пламени горящего сарая, из наковальни кузнеца Иосифа Каминского!.. Он выбежал из сарая, охваченный пламенем. Засвистели пули. Когда фашисты подошли к его распростертому на земле телу, на нем еще вздрагивали язычки пламени. На голову кузнеца обрушился приклад, тело его затихло. Потом, когда фашисты уже ушли, он очнулся, поднялся на ноги и пошел искать своих сгоревших родных, своего сына Адама, которому было всего 15 лет...

Адам совсем обгорел, но сердце его еще билось. Иосиф Каминский поднял сына на руки. Адам раскрыл глаза, в которых застыло пожарище, и из его обожженных губ вырвался предсмертным хрипом последний страшный вопрос:

— Мамка-то жива?..

* * *

Кузнец Иосиф Каминский стоит сейчас памятником — символом горя Хатыни. На вытянутых руках несет он своего сына Адама. Он вечно будет нести на руках свое обожженное дитя. Он словно дерево неумолкаемых колоколов, тревожно бьющих, чтобы никогда ни один отец не держал на руках своего обожженного сына...

* * *

Венец Памяти — еще один символический монумент, памятник сожженным жертвам Хатыни. На белом мраморе высечено обращение мертвых к живым:

«Люди добрые, помните:

любили мы жизнь, и Родину нашу, и вас, дорогие.

Мы сгорели живыми в огне.

Наша просьба ко всем: пусть скорбь и печаль обернутся в мужество ваше и силу, чтобы смогли вы утвердить навечно мир и покой на земле.

Чтобы отныне нигде и никогда в вихре пожаров жизнь не умирала!» [1].

И ответ живых на обращение вставших из пепла:

«Родные вы наши.

Головы в скорби великой склонив, стоим перед вами.

Вы не покорились фашистским убийцам в черные дни лихолетья.

Вы приняли смерть, но пламя любви вашей к Родине нашей советской вовек не погаснет.

Память о вас в народе бессмертна, как вечна земля и вечно яркое солнце над нею!» [2]

Остановитесь, люди! Склоните головы!

* * *

Наполненным слезами голосом Людмила Шпак продолжает рассказ:

— В Хатыни было двадцать шесть крестьянских изб. Перед началом строительства мемориала мы попросили жителей соседних деревень точно определить, где раньше стояли эти дома, где находились колодцы, которых в Хатыни было четыре. Сейчас на мраморные плиты этих символических колодцев возлагают яблоки, сахар, платки и цветы.

На каждом доме укреплена доска с именами его сожженных жителей. На одной из них написано: Толик Яскевич, 7 недель. Крошечный человечек, сожженный в пеленках на груди своей юной девятнадцатилетней матери...

* * *

Сквозь бетонную пятиконечную звезду входишь ты в Брестскую крепость. Крепость, на страже которой стоит звезда... Река Мухавец подернулась тоненькой корочкой льда. Тут и там на открытой воде поблескивают ледяные зеркальца, среди которых плавают две уточки.

В нескольких метрах от реки стоит памятник «Жажда». Боец с автоматом ползет к реке, чтобы набрать в каску воды. В те дни, когда гитлеровцы осадили Брестскую крепость, ценой глотка воды был глоток крови...

У реки Мухавец есть внук — колодец в палестинском лагере Телль-Заатар, расположенном в Ливане. Во время осады этого лагеря ведро воды из колодца добывалось ценой ведра крови...

Зимой солдатская каска «Жажды» запорошена снегом... Летом сыновья и внуки бойцов, дети из соседних деревень наполняют эту каску водой и цветами...

Как много цветов в каске, полной воды! «Жажда» словно плавает в ней...

* * *

Памятник «Жажда»... Его изваял советский скульптор Александр Кибальников, руки которого создали еще одно грандиозное детище, словно вышедшее из чрева сфинкса,— героического защитника Брестской крепости, голова которого подобна вершине горы, возвышающейся над Вечным огнем, похожим на сверкающий молниями фонтан. Рядом с огненным фонтаном устремляется ввысь стометровый четырехгранный штык. Какой дождь породил эту застывшую реку?..

У подножия монумента несут вахту пионеры: два мальчика и две девочки. Между ними — вечно пылающий огонь...

* * *

Грандиозный памятник защитникам Брестской крепости называют главным монументом. Трудно найти имя, достойное их вечной славы...

* * *

...Невозможно оторвать взгляд от памятника «Жажда». К нему возвращаешься снова и снова, чувствуя, что из его лица в любое мгновение может исторгнуться водопад, меж пальцев его потекут десятки ручейков, застывший крик жажды взорвется бурлящим потоком воды, и лицо твое омоет животворная влага...

* * *

Анастасия Антоновна Аршинова — одна из защитниц Брестской крепости. Ее лицо словно усыпано десятками белых родинок. Каждая родинка была капелькой жажды...

Я, палестинец, был гостем в ее доме, в Брестской крепости. Анастасия Антоновна кажется мне березовой рощей, а ее соратник Илья Савельевич Лабутин — рекой Мухавец... Я сижу между лесом и рекой... слышу голос Ильи Савельевича:

— Ранним утром 22 июня 1941 года первые фашистские бомбы посыпались на Брестскую крепость. Началась Великая Отечественная война.

Я служил тогда в 455-м полку, в роте противовоздушной обороны, был водителем автомашины. Когда раздался сигнал тревоги, я побежал к своему автомобилю и увидел, что многие машины уже разбиты. Ремонтировали их больше двух с половиной часов. Противовоздушные установки мы стали использовать как простые пушки.

Четыре дня продолжался неравный бой... На пятый мы должны были совершить вылазку и покинуть крепость, со всех сторон окруженную гитлеровцами. Группа, в которой я находился, состояла из четырех человек. Один из нас был ранен, у него были оторваны пальцы на руке, очень сильно шла кровь. Чтобы остановить кровотечение, мы перетянули его руку проволокой.

Добравшись до какого-то озерца, мы увидели немецкую машину с красным крестом. Из нее вышли трое немцев. Они разделись и стали плескаться в озере.

Наши женщины и дети, солдаты и офицеры, осажденные в крепости, умирают от жажды, кровью своей платят за маленький глоток воды, а эти фашисты купаются в нашем озере! Мы рванулись к машине, схватили винтовки немцев и взяли их в плен.

У нашего товарища, хоть мы и перетянули ему руку проволокой у локтя, продолжала течь кровь. Захваченные нами немцы оказались врачами, и мы показали им на рану нашего товарища, чтобы они оказали ему помощь. Двое немцев посмотрели на запекшуюся кровь так, словно хотели плюнуть на нее, и отвернулись. Третий же оказал нашему товарищу помощь.

Надо было торопиться, пока нас не окружили немецкие солдаты. И надо было решать, что делать с немцами. Наши глаза устремились на немца, помогавшего нашему раненому, словно говоря:

— Ты сберег нашу кровь... Пусть твоя кровь будет твоей... Иди куда знаешь...

Немец, словно бы поняв это, бросился бежать без оглядки, пока не скрылся в лесной чащобе. А для немцев, отказавшихся помочь, наш приговор был неумолим. Я до сих пор не знаю, правильно ли мы поступили тогда...

Боец-ветеран Илья Лабутин взглянул на свою боевую подругу Анастасию Аршинову, слушавшую его со слезами на глазах. Они словно бы говорили:

— Мы должны никогда не забывать об этом. Если забудем, новый Гитлер придет убивать нас...

И чтобы мы не забыли, Анастасия Антоновна говорит:

— Словно землетрясение подкинуло нас ранним утром 22 июня 1941 года. Мы находились в Брестской крепости, земля которой покрывалась кровавыми ранами.

Мой муж был командиром противотанкового батальона. У нас было двое детей: семилетний мальчик и трехлетняя девочка. Командование крепости приняло решение об эвакуации женщин и детей, но гитлеровцы уже окружили крепость.

Крики раненых детей становились все громче и громче... Бойцы снимали нижние рубахи и рвали их на бинты... Мы нуждались во многом, чтобы жить. Не было ни воды, ни хлеба, ни ваты, ни снарядов. Беспощадно июньское солнце... Пороховая гарь, дым, жажда... Даже пулеметы «Максим» изнывали от жажды...

Реку Мухавец, протекавшую всего в нескольких метрах от крепости, гитлеровцы ярко освещали мощными прожекторами, чтобы лучше было охотиться на пытавшихся ползком добраться до реки и зачерпнуть воду каской...

Как сосчитать число жертв, плававших в реке Мухавец, словно стволы деревьев? Сейчас в реке плавают уточки...

* * *

Нам было надо что-то делать — нам, женщинам, оказавшимся в крепости. Фашисты впоследствии писали, что крепость «защищал также и женский батальон».

Этот женский батальон состоял из медсестер. В подвалах крепости мы устроили госпиталь. Не было ни воды, ни лекарств. Портянки приходилось использовать как бинты. Врачом в этом госпитале была жажда...

Несмотря на это, мы боролись за жизнь, погибавшую от кровавых ран.

* * *

Все было именно так... Безгранично мужество благородного духа и голоса Николая Нестерчука, командира одного из подразделений крепости, который, истекая кровью, завещал нам:

— Расскажите нашим детям, как сражались их отцы, как сражались их матери...

* * *

И вот пришел мой черед идти за водой. Я взяла алюминиевую флягу и поползла к реке... Казалось, что секунды тянулись часами... Прожектора кругами ощупывали пространство вокруг крепости и реки. Ливень из пуль лил не переставая...

Мне удалось добраться до реки. Набрав воды, я поползла обратно и по пути наткнулась на раненого бойца, губы которого потрескались от жажды. Остановившись, я протянула ему флягу, но не могла не сказать:

— Выпей глоток или два. Там, в крепости, воду ждут дети... Но боец отказался от воды, предназначенной детям. Он взглянул на меня и, весь израненный, пополз дальше. Мне показалось, что его глаза превратились в две огромные капли воды...

* * *

Надо было искать еще какой-нибудь источник воды, так как весь путь к реке был усеян

[1] Слова Н. Гилевича.
[2] Слова П. Бровки.

Мемориал в Хатыни. На снимке вверху — скульптура «Непокоренный».

трупами. Мы вырыли колодец, но добрались только до чуть влажного песка. Пытались его сосать, но жажда еще злее лизала наши губы своим огненным языком...

* * *

Гитлеровцы не давали нам ни минуты передышки, все время атакуя нас, чтобы захватить крепость. Последнее, что они придумали, это пустить в ход пленных. Они построили их в два-три ряда и погнали перед собой. Вход в крепость охранял боец Григорий Деревянко, секретарь комсомольской организации. Ему надо было отразить эту новую атаку гитлеровцев и в то же время не задеть своих...

Немецко-фашистским захватчикам удалось ворваться в крепость лишь после того, как пали все ее защитники, сражавшиеся, несмотря на раны и жажду, за каждую бойницу, каждый подвал, каждую башню до последней капли крови... Эта битва, как волны, которые растут, набегая, обрушиваются на скалу и рассыпаются брызгами.

После падения крепости я ушла в партизаны. Моя трехлетняя дочь вместе со мной пережила все ужасы смерти. Держась за мою руку, стояла она под винтовками врага. Глаза ее стали седыми...

* * *

На встречу с русским советским скульптором Александром Кибальниковым, воспевшим подвиг героев-защитников Брестской крепости, стремишься ручейком, журчащим среди скал... Когда Кибальников узнал, что палестинский поэт побывал в Брестской крепости и хочет встретиться с ним, он пригласил меня в свой дом в Москве. Александр Кибальников... Он как мраморная скала, из недр которой вырастает жасмин, источающий благоухание гиацинта...

Я не мог оторвать взгляд от его рук... Они излучают волшебное сияние, расплавляющее камень, сливающееся с ним в рождении шедевра...

В московском доме Кибальникова стоят бюсты Ленина, Маяковского, Есенина...

Кибальников смотрит на бюст Маяковского, размышляя:

— Какая удивительная и тесная связь между скульптурой и поэзией!..

* * *

Мы говорили, конечно, и о Брестской крепости. Скульптор вспоминал:

— Как-то летом я поехал в крепость. Подошел к памятнику «Жажда» и увидел детей, несущих в кружках воду. Они наполняли ею каску бойца, все еще ползущего к реке Мухавец. Его убили немцы, когда он был лишь в пяти метрах от воды...

Дыхание мое приостановилось...

* * *

Так говорил памятник «Жажда» — боец, высеченный из бетона, так говорил главный монумент Брестской крепости, которому еще не найдено имя.

Голос Кибальникова словно хор птичьих голосов:

— Ты думаешь, этот огромный монумент высечен из горы? Нет, на самом деле он пустой. Стенки его толщиной всего двадцать пять сантиметров... Однажды зарубежные инженеры спросили меня, откуда привезли эту каменную громаду, ведь в Бресте деревья выше любой горы?

Скульптор улыбается в бороду:

— Им я сказал: «Понадобилось пятьдесят вертолетов, чтобы перенести эту глыбу в Брестскую крепость...»

* * *

Дорогой мой Александр Кибальников!

Этот чудо-монумент, величественный, как горная вершина, хочет сказать нам, как сказал ты.

— Это главный монумент...

Дорогой мой скульптор!

Этот монумент не пустой... В чреве его два миллиона двести тысяч человек, погибших на земле Белоруссии, республики белых берез...

Перевод с арабского С. ИВАНОВА.

Минск — Бейрут.

ВЛАСТЬ НАРОДУ

Революция и искусство. Для молодых южноафриканцев эти слова не отзвук героического прошлого, а день сегодняшний. Муза и винтовка в буквальном смысле объединяют коллектив ансамбля «Амандла», впервые гастролировавшего в Советском Союзе.

Пятнадцатилетними подростками они принимали участие в восстании Соуэто 1976 года. А уже через год молодые члены АНК — Африканского национального конгресса становятся активными участниками фестиваля африканской культуры в Нигерии. Фестиваль 1978 года на Кубе и скандинавские гастроли в 1980-м, концерты в Голландии, ФРГ, Западном Берлине, турне по Замбии, Мозамбику, Танзании в 1981-м — именно в эти годы стремительного взлета начинающих артистов ансамбль стали называть «фантастической «Амандлой».

В творческом арсенале — вокально-инструментальные пьесы и небольшие инсценировки, скетчи и стихи, жанровые сценки и народные песни.

В зале Дворца культуры завода имени Владимира Ильича состоялась первая встреча москвичей с вокально-инструментальным ансамблем «Амандла». Двухчасовая программа, посвященная истории борьбы народов Южной Африки, открылась гимном АНК.

Традиционные народные танцы, живописные костюмы многочисленных народностей и племен, забавные драматургические коллизии — мир, опаленный жарким солнцем, озаренный светом, близостью к природе, простая непритязательная жизнь народов зулу и венда, педи, коса...

Городская тематика предстала в сценке «Город Йоханнесбург в музыкальном представлении». Плоды «цивилизации для черных», разные социальные слои общества сменяют друг друга в стремительном музыкальном калейдоскопе. Уличная стычка, закончившаяся гибелью одного из участников случайной драки — обвинение большому городу белого господина, всей политике апартеида и дискриминации. Партизанские действия, студенческие волнения, события в Соуэто выражены средствами пантомимы и музыкального памфлета, поэзии и хореографии.

Зрелищность, яркая театральность и публицистичность несут в себе мощный эмоциональный заряд. Не случайно же соотечественники артистов, а их в зале было немало, отвечают не просто вежливыми аплодисментами — взрывом оваций. Взметнувшиеся в революционном приветствии десятки рук говорят о полном единении зала и сцены.

В ансамбле из Южной Африки есть свой политкомиссар. Программа меняется с учетом международного и внутреннего положения, после каждой гастрольной поездки проводится политический анализ выступлений. Актуальные вопросы современности подаются в форме плакатно-броской, нарядной, праздничной.

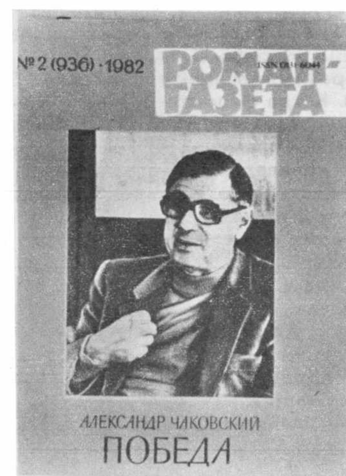
Исполнением Интернационала завершают концерт артисты «Амандлы», что в переводе с зулусского означает: «Власть народу».

Е. ИВАНОВА

Фото А. Ратникова

Ю. ОСИПОВ

Объемность содержания прозы Александра Чаковского последних лет все чаще стягивает названия его романов в одно многозначное слово — «Блокада», «Победа»...

Краткое, емкое слово «итог» сродни понятию «победа». Победа — итог длительной борьбы, ее торжество.

В известном смысле итогом разгрома фашизма стал Потсдам. Но Потсдам начинался еще задолго до окончательного торжества, полной победы, и, что касается нашей страны, те исторические решения, которые были приняты в Потсдаме, пришли с полей сражений Великой Отечественной войны.

Если Потсдам явился неоспоримым итогом борьбы советского народа с фашизмом, то итогом напряженных десятилетий послевоенного развития, итогом упорной борьбы против «холодной войны» и гонки вооружений стали Хельсинки.

Именно событиям в Потсдаме и Хельсинки посвятил свой роман «Победа» Александр Чаковский. Жанр этой новой работы писатель обозначил как политический роман. И точно сказал о его особенностях: «Для политического романа характерна острая социальная направленность, постановка коренных проблем эпохи, отражение главных тенденций развития общественно-политической жизни».

...История — и в крупном и в мелочах — не прощает надуманности. Она требует от автора верного взгляда, твердой руки и обширных знаний, которые способны уберечь его от увлечения всем сомнительным, легковесным, искажающим истину в угоду внешней занимательности. Однако и выразительные подробности, нюансы играют тут не последнюю роль. Понятно поэтому, что писатель, посвятивший свое произведение таким этапным событиям современной истории, как Потсдамская конференция трех союзных держав 1945 года и Хельсинкское совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 года, должен был быть особенно внимательным к деталям, знать не только то, что писали об этих событиях наши друзья и единомышленники, но и наши враги, уметь проникнуть в тайны закулисной дипломатии, постигая истину. Разумеется, подобные события не могут не обрасти целым рядом вымышленных ситуаций, приукраситься фантазией; и надо было трижды перепроверить все, прежде чем вынести по поводу происходившего авторское суждение. Речь ведь шла о произведении, сюжет которого «движется вперед не столкновением частных судеб, не традиционной любовной историей», но открыто антагонистическим социальным конфликтом, столк-

Александр Чаковский. Победа. Кн. 1, 2 — «Роман-газета», 1979 г., №№ 14—15, 1980 г., № 18, кн. 3 — «Роман-газета», 1982 г., №№ 1—2.

новением «различных типов общественного сознания». И ответственность писателя за свое слово здесь очень велика.

Неторопливо, я бы даже сказал, плавно переносят читателя первые страницы книги в атмосферу начавшейся среди еще не расчищенных руин Потсдама мирной конференции, в израненную, истерзанную войной Европу, затаив дыхание следившую за ходом переговоров. От их успеха или неудачи зависят судьбы народов и государств, зависит завтрашний день миллионов. Нюрнбергский процесс, трагедия Хиросимы и Нагасаки, фултонская речь Черчилля еще впереди. А пока чаяния простых людей разных стран, корыстные расчеты дельцов и политиканов, веления социального прогресса и яростное противоборство реакции бьются в безмятежные барочные окна Бабельсберга, стягиваются в тугой, нервно вибрирующий узел проблем, одна за другой встающих в зале заседаний Конференции.

Роман как бы совмещает два пласта — жизнь масс, творивших Историю, вынесших на своих плечах все испытания битвы с фашизмом, и жизнь тех, кто уполномочен был принимать ответственные решения, кто выражал волю народа или же, когда речь шла о Западе, пытался ее узурпировать в интересах правящих классов.

Увидены и те и другие глазами советского журналиста-фронтовика Михаила Воронова, корреспондента Совинформбюро в Потсдаме, корреспондента ТАСС в Хельсинки. Между

«Можно ли было все это предвидеть, предсказать три десятка лет назад? — размышлял Воронов.— Можно ли было представить, что вопросы, по которым шли такие непримиримые бои в Цецилиенхофе, в конце концов будут приведены к общему знаменателю,— появится документ, устраивающий всех?.. Значит, люди поумнели за эти тридцать лет? Или «ястребы» убедились в тщетности «холодной войны», в невозможности воспрепятствовать социалистическому развитию тех стран Европы, которые так третировались тогда Трумэном и Черчиллем, хотевшими заставить их жить по образу и подобию США и Англии? Или сыграл свою важнейшую роль тот факт, что в середине 60-х годов к руководству в Советской стране, в нашей Коммунистической партии пришли люди, до конца убежденные в том, что нет таких усилий, которые не стоило бы затратить для обретения долгого, прочного мира, и это их убеждение, их активная борьба на международной арене впервые с момента возникновения Советского государства могли опереться на новое соотношение сил, на небывало возросшую мощь социализма? С этим вынуждены теперь считаться все, даже «ястребы».

Но, может быть, и этим не исчерпывается ответ на вопрос: почему именно в наши дни стали возможны «Хельсинки»? Может быть, причина еще глубже — сама история предопределила возможность такого Совещания? Это не фатализм, а констатация реально сложившихся условий политической, экономической и материальной жизни. Почему, например, со-

Проблему, лежащую в основании моста, переброшенного от Потсдама к Хельсинки. Границы послевоенной свободной социалистической Польши оказались тем пробным камнем, который ясно продемонстрировал всему миру благородство и чистоту намерений Советского Союза в вопросах внешней политики, его принцип равноправия в подходе к отношениям со своими соседями и любыми независимыми государствами. Принеся освобождение народам Европы, наша страна дала вместе с тем образец того, как можно и должно устранять причины вековых кровавых распрей между ними.

Отвечая Михаилу Воронову, зачем, будучи очевидцем Хельсинкского совещания, он тем не менее собирается работать над книгой о Потсдамской конференции, на которой не присутствовал, ибо «детей туда не пускали», молодой польский коллега советского журналиста говорит, что «историю нельзя рассекать на части» и что ему невозможно, «не обратившись к Потсдаму, объяснить своим сверстникам и тем, кто моложе нас, как Польша вернула себе свои исконные земли». Без этого, добавляет он, «не объяснишь и того, почему сегодня главы тридцати пяти государств, а не трех, как было в Потсдаме, собрались здесь, чтобы подтвердить главные из потсдамских решений. Не объяснишь без описания той борьбы, которую все эти годы вела ваша и другие коммунистические партии за мир, за разрядку. Одно без другого — это начало без окончания или окончание без начала...»

Прозе А. Чаковского присущи активная публицистичность, писатель уверенно владеет об-

ИТОГ

двумя этими рубежами повествования три десятилетия, однако их соединяет множество зримых и незримых нитей. Оба они — звенья одной цепи в постоянной работе нашей партии по достижению прочного и справедливого мира в Европе, на всей планете. Оба они — вехи личной судьбы героя романа и других действующих в нем лиц. Ибо всем строем своего произведения автор утверждает: нет ныне непричастных к вопросам политики, она — долг каждого честного человека, и от его **личной** позиции во многом зависит характер политических процессов, происходящих сегодня в мире.

«Не в первый уже раз я ловлю себя на том, что здесь, в Хельсинки, подсознательно все время как бы навожу мост между Потсдамской конференцией и этим нынешним Совещанием. Порой мне чудится, будто я стою на этом, длиною в тридцать лет мосту — от мира к миру,— а где-то под ним копошатся погрязшие в трясине человечки, цепляющиеся за атомные и водородные бомбы как за спасательные круги...»

Так размышляет Воронов во дворце «Финляндия», следя за прибытием делегаций. Так возникает широкая историческая перспектива романа, прорисовывается «опрокинутость» его в будущее, дающая нам возможность глубже ощутить преемственность двух эпох, ярче осознать плоды нашей общей Победы.

Два временных плана, объединенные фигурой главного героя, свободно соприкасаются, перетекают один в другой. В начале романа мы встречаемся с Вороновым накануне открытия Хельсинкского совещания, а расстаемся в конце второй книги в Потсдаме 45-го. Третья, заключительная часть романа вновь возвращает нас к памятным событиям недавнего прошлого.

...И вот теперь Воронов сидел в кресле, в окружении других журналистов. Он убеждался, что пресса социалистических стран представлена здесь очень широко.

ветский искусственный спутник Земли стал из мечты реальностью именно в пятьдесят седьмом году, а не раньше? Ведь были же для этого свои причины! Есть они и в данном случае. И главная из закономерностей, обусловивших возможность Хельсинкского совещания, заключается в том, что именно теперь установилось военно-стратегическое равновесие между миром социализма и миром капитализма!»

Неумолимая логика истории, взаимодействие и противоборство политических процессов, их пестрый событийный фон образуют в романе органическое единство среды, дополняющей и проясняющей поступки ключевых фигур. Однако этого было бы недостаточно для того, чтобы перекинуть мост через время, связать сюжетной канвой прошлое с настоящим.

Попытка атомного шантажа нашей страны президентом Трумэном, предпринятая сразу после завершения Потсдамской конференции, становится одним из узловых моментов повествования, ведущих к его кульминации — к «Хельсинки». Линия «Трумэн и бомба» перерастает под пером писателя значение стратегического плана реакционных сил, выходит за рамки вопроса, который изучают политики и военачальники. Она, эта линия, материализуется в конкретных поступках людей, на первый взгляд вполне добропорядочных и респектабельных, обретает значение символа. То, чему в Хельсинки было сказано «нет», зарождалось еще в Ялте и Потсдаме, которые призваны были помочь миру обрести, наконец, желанный покой. «Нет!» — конфронтации, ядерным угрозам, опасной гонке вооружений.

А. Чаковский умело вводит в ткань повествования проблему, затрагивающую судьбу целого народа, целой страны на протяжении веков, проблему, вызвавшую ожесточенные разногласия участников конференции, поставившую ее под угрозу срыва и решенную в пользу этого народа лишь благодаря непоколебимой позиции советской стороны.

ширным документальным материалом. Он не идет на поводу у многочисленных мемуаров западных деятелей, написанных годы спустя после Потсдамской конференции, но критически осмысливает их, реконструируя историческую ситуацию. При этом документ не вытесняет художественных реалий романа, но органически переплетается с ними, создавая своеобразный эффект «личного присутствия».

Мира можно и нужно добиться! — звучит настойчивая мысль книги. Это хорошо понимает советский журналист Михаил Воронов, это начинает сознавать и его американский коллега Брайт, человек нелегкой судьбы, изломанный жизнью, однако в конце ею же дорогой ценой наученный различать, где ложь, а где правда.

Да, мы знаем, что, подобно тому, как после Потсдамской конференции развернулись атаки милитаризма, почти в точной исторической параллели, вслед за подписанием хельсинкских соглашений, испугавшись роста авторитета нашего государства на международной арене и утраты своих позиций, двинулись в наступление силы, пытающиеся сорвать разрядку, отбросить человечество назад, к недоброй памяти годам «холодной» войны.

Однако победа, одержанная нашим народом над фашистской Германией, победа Советского Союза и всех миролюбивых сил в Потсдаме и Хельсинки, как и сам процесс разрядки, необратимы. Их никому не дано девальвировать, поскольку они оплачены такой кровью и такими страданиями, которые не имеют аналогии в долгой истории человечества. И, разумеется, не случайно назвал Александр Чаковский свой роман «Победа». Это священное для всех советских людей слово трактуется здесь расширительно. Оно означает в конечном итоге победу идеалов добра и справедливости, победу великой мечты, свет которой ведет нас от далекого сорок пятого к будущему.

С ДУШЕВНОЙ ОТДАЧЕЙ

Борис ЧИРКОВ, народный артист СССР, Герой Социалистического Труда

Сельский зритель вырос. И он хочет, чтобы искусство оставляло сильный, заметный след в его душе. Не может быть искусства «для города» и искусства «для села», качественно отличающихся друг от друга. Перед художественным руководством театров стоит серьезная задача — точно, продуманно формировать свой репертуар.

Театры должны дать лучшие свои спектакли для села. И в них должны участвовать лучшие актеры.

Современная жизнь стремительно меняет облик. То, что вчера было достижением передовых, становится нормой, законом для всех. Это глубокая суть решений майского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС. И она в равной мере относится ко всем сферам творческой деятельности. В том числе затрагивает вплотную проблемы культуры, проблемы всех взаимоотношений города и села.

Значительный рост механизации труда — а он будет и дальше расти — стимулирует рост творческих потребностей у тружеников сельского хозяйства, создает условия для активного приближения их к ценностям литературы, искусства.

Мне хочется рассказать о добрых примерах глубокого понимания нынешних аспектов проблемы театрального обслуживания села.

Калининский областной театр в конце прошлого года поставил спектакль «Имя твое» по роману Проскурина; инсценировка и постановка осуществлены главным режиссером театра В. Ефремовой. Спектакль показывает путь нашей страны от становления первых колхозов до наших дней. Главный герой — Захар Дерюгин — из породы таких людей, на которых всегда держалась русская земля, поистине самоотверженный человек.

Театр выехал со спектаклем в поселок Заволжский. Директор совхоза — Герой Социалистического Труда П. Смирнов — такой же энтузиаст, как Дерюгин, приверженный людям, делу, стране...

После спектакля состоялось обсуждение. Работники совхоза сердечно благодарили театр за интересную встречу, за то, что он привез им спектакль высокого патриотического звучания — привез и показал его сельскому зрителю без художественных потерь.

Приведу еще один замечательный пример. После просмотра спектакля Белгородского театра имени Щепкина «Хлеб» В. Киршона, показанного для колхозников Белгородской области, хлебороб В. А. Степанов сказал на зрительской конференции: «Я родился и вырос в селе. Помню, как подавали свое заявление о приеме в колхоз отец и мать... После победы над фашистскими захватчиками я вернулся в свое село. Во время спектакля передо мной вставало все это прошлое, все это пережитое... Сегодня мы живем светло! Высоко оценивает страна труд хлебороба, и мы еще ярче видим все преобразования, которые произошли в последние годы на селе»...

Театр Белгорода живет и работает для зрителя. И если сельский зритель после спектаклей еще глубже задумывается о смысле своего труда, о своем месте в созидательной жизни страны, то это значит, что театр действительно выполняет свое призвание: помогает партии будить в душах людей высокие чувства советского патриотизма, любви к Родине, к делу.

Безусловно, выполняет свой гражданский долг по отношению к сельскому зрителю Курский областной театр. Получив премию имени выдающегося советского режиссера А. Д. Попова за создание высокохудожественного спектакля на военно-патриотическую тему «Полк идет» по роману М. А. Шолохова, театр принял на себя обязательство показать спектакль трудящимся во всех сельских районах Курской области — и выполнил свое решение.

Много лет воспитывает сельского зрителя в духе советского патриотизма Омский театр музыкальной комедии. Здесь уже возникла традиция — показывать хлеборобам спектакли. Их играют на открытых площадках. На каждом бывает не менее двух, а то и трех тысяч сельчан.

Но хочу еще сказать, что работа театров на селе не сводится сейчас только к показу спектаклей. За последние годы появилось много новых интересных форм: проводятся театральные фестивали, Дни театра, творческие отчеты театральных коллективов... Особенно большая работа проводится в сельских филиалах театров. А теперь, в связи с решениями Пленума, для усиления этой работы возникли новые мощные стимулы.

И опять-таки есть на кого равняться! Чувашский академический драматический театр имени К. Иванова имеет филиалы в селах. В прошлом году там было показано около полусотни спектаклей и шефских концертов. С появлением филиалов расширилась афиша сельского зрителя. Театр стал вывозить в свои филиалы серьезные спектакли, идущие на стационаре. И выезжают на село в полном составе, всей театральной труппой, с хорошими декорациями и световым решением, музыкальным оформлением.

Здесь же, в Чувашии, по специальному плану райкомов партии содержательно проводятся Дни театра. Особенно радует, что Дни театров проводятся не только в сельских клубах: они идут и в красных уголках на отдаленных фермах и в агитпунктах... День театра широко рекламируется через местную печать и радио. Вызывая большой интерес у сельских тружеников, день этот превращается в настоящий праздник искусства.

Кстати, желание проникнуть в так называемую глубинку естественно сегодня для многих театральных коллективов. Это понятно. И это хорошо. Однако мы прекрасно понимаем, что встречи сельских зрителей с театром нуждаются во взаимной заинтересованности как со стороны театра, так и со стороны руководителей сельскохозяйственных предприятий. Приезд театра на село нельзя провести без подготовки, внезапно. Руководство районов должно внимательно отнестись к тому, чтобы были созданы все условия для работы актеров, чтобы клуб во всякое время года был уютен и чист. «Театр начинается с вешалки»! А приезд театра на село — это праздник особый, который надо, как и всякий праздник, подготавливать еще и потому, что это активная зарядка людей села — встреча с искусством, которая остро нужна и самим руководителям районов.

Ни для кого не секрет: там, где руководители хозяйств понимают значение театра в деле нравственного и духовного обогащения людей, их активизации, душевного подъема, туда театр всегда приезжает с охотой. Там, как правило, и производственные дела идут успешно.

И опять приведу пример из Чувашии. В одном из колхозов республики, а именно в «Ленинской смене», председателем работает Аркадий Павлович Айдак; под его руководством колхоз из отстающего стал передовым. И как же вдумчиво налаживается здесь культурная работа среди колхозников: видишь прямую связь производства и творчества. Председатель сам любит искусство и прививает к нему любовь у других. Здесь и урожаи богатые, и самодеятельность богатая... Разумеется, и театры Чувашии любят бывать в сельском клубе колхоза, где их встречают с радушием и любовью...

Идейно и художественно воспитывая зрителей села, театр влияет на формирование гармоничной личности: значит, и производственные показатели растут! Не могут не расти, потому что укрепляется сознательное отношение к труду, да и самая радость бытия — живого дела на земле...

Здесь лишь несколько примеров хорошей работы театров на селе. Их гораздо больше!.. Очень многие городские, областные, краевые театры ведут эту важную и нужную работу. Театр с каждым годом становится все ближе, интереснее и нужнее сельским зрителям. Но сегодня наступили такие дни, когда эта нужная и серьезная работа должна стать еще целеустремленнее, еще активнее...

Артисты на летней площадке.

МЫ ЛЕНИНСКИМ БРАТСТВОМ СИЛЬНЫ

Арвид Григулис.

Начало см. на стр. 1.

ходивших даже в России, Латвию и другие земли по берегам Балтийского моря называли — «Немецкие прибалтийские провинции в России». Наши земли считали немецкими, временно присоединенными к России.

Идеологи фашизма разработали детальный проект, по которому эти восточные провинции должны были юридически и фактически быть присоединенными к Германии. Местные жители, в том числе и латыши, подлежали уничтожению, чтобы затем эту территорию заселить немцами. Однако после разгрома гитлеровцев под Сталинградом в еще оккупированной Латвии об этом проекте фашисты уже не вспоминали.

Произошло чудо: маленький латышский народ был спасен, он оказался непобедимым, ибо в него влилась могучая сила единства советских народов. Сегодня, как бы ни был численно мал любой из них, он так же силен и могуч, как вся общность советских народов — Союз Советских Социалистических Республик. Об этом должен помнить каждый советский человек.

Понятие «латышский народ» появилось сравнительно недавно. В девятнадцатом столетии лишь в трудах некоторых гуманистов, таких, как Гарлиб Меркель, Хердер, встречалось такое обозначение — «латышский народ». Для стоявших у власти немецких баронов и их приспешников — лютеранских пасторов — латыш был либо крепостной, принадлежащий к крестьянскому сословию, либо (после отмены крепостного права) барщинник.

Первая латышская национальная газета не могла выходить в балтийских губерниях, ибо все губернаторы, в том числе и генерал-губернатор, были немецкими баронами. Поэтому газета выходила в Петербурге, так она и называлась: «Петербургская газета» (1862—1865). Первый латышский литературно-общественный ежемесячник «Ауструмс» («Восток») выходил в Москве (1885). В это время латышский читатель знакомился и с произведениями великих писателей России — Пушкина, Гоголя, Льва Толстого.

Естественно, что в подобных условиях зарождалась глубокая взаимосвязь между нарождающейся латышской культурой и культурой русского народа, и никакие враждебные силы не смогли помешать ее становлению.

Латышский пролетариат, обретший политическую силу в конце девятнадцатого, начале двадцатого столетия, подымается на борьбу с царским самодержавием и латышской буржуазией, которая заключала компромиссные договоры со столь же реакционными правящими кругами в Германии.

С первых своих шагов революционное движение в Латвии развивалось в самом тесном единстве с общероссийским рабочим движением, под непосредственным руководством В. И. Ленина. Он стоял у истоков революционного движения в Латвии, с его именем связано зарождение революционных традиций латышского народа. В 1900 году В. И. Ленин посетил Ригу, чтобы установить связь с латышскими социал-демократами. Владимир Ильич также участвовал в работе II съезда Социал-демократии Латышского края, принимал участие в подготовке и проведении IV съезда СДЛК. Ленинские труды имели огромное значение для формирования интернационалистических взглядов латышских социал-демократов.

Проявлением интернационалистической позиции латышской социал-демократической рабочей партии явилось ее объединение в 1906 году с РСДРП, после чего в Латвии образовалась единая социал-демократическая партия — Социал-демократия Латышского края, как составная часть РСДРП. Заключенный в рамках этой партии союз по оружию обретает народный характер в дни боев 1905 года против царского самодержавия и немецких помещиков. В годы первой мировой войны в Тирельских болотах за Даугавой, защищая Ригу, плечом к плечу сражаются отряды латышских стрелков, соединения сибиряков и другие части русской армии. Отсюда и начинается путь латышских стрелков в Петроград и далее в Москву, их верное служение революционному делу.

1940 год стал годом великой победы латышского народа, когда в Латвии был свергнут фашистский режим и восстановлена Советская власть. Сотни тысяч людей встали в ряды демонстрантов, направлявшихся к Рижской центральной тюрьме — освобождать политических заключенных, брошенных за решетку функционерами буржуазной Латвии. 4 июля вновь созданное народное правительство приняло Закон о выборах в Народный сейм. 14 и 15 июля за кандидатов Блока трудового народа проголосовало более 97 процентов избирателей. По всей Латвии проходили митинги и массовые демонстрации, участники которых требовали провозглашения Советской власти и присоединения Латвии к СССР.

21 июля 1940 года состоялась первая сессия Народного сейма, на которой была принята декларация о восстановлении Советской власти. Среди членов сейма оказалось немало людей, которые в январе 1919 года уже проголосовали за Советскую власть. Долгий и сложный путь борьбы прошли они за это время. Многие из них стали седыми.

На этом же заседании сейма было принято обращение в Верховный Совет СССР с просьбой о принятии Латвии в состав СССР. И вот уже едут в Москву избранники сейма, чтобы вручить Верховному Совету СССР просьбу о принятии Латвии в состав Союза Советских Социалистических Республик.

Сразу же после восстановления Советской власти в Латвии начались большие экономические преобразования. Земля объявлена государственной собственностью, национализированы банки и промышленные предприятия. Свежий ветер революционных перемен дал о себе знать и в культуре, и в искусстве, и в литературе.

В октябре 1940 года организуется Союз советских писателей Латвии, началась подготовка к их первому съезду. Были основаны литературно-общественный ежемесячный журнал «Карогс» («Знамя») и «Литература ун максла» («Литература и искусство»).

В эту пору своего становления латышская советская литература глубоко ощутила братскую помощь писателей других республик, особенно русских. Большую роль в нашей писательской жизни сыграло дружеское участие в ней Александра Фадеева. Навсегда осталась в памяти одна встреча с ним, затянувшаяся далеко за полночь. Фадеев предупреждал нас об опасности девальвации художественного мастерства на почве эксплуатации политической темы. Может получиться весьма волнующе, но дешево, сказал он. Однако тут же отметил, что латышским писателям эта опасность, возможно, угрожает меньше, ибо среди них есть такие мастера слова, как Андрей Упит и Ян Судрабкалн. Потом мы пели наши латышские песни, а напеваемые Фадеевым сибирские для нас звучали как чудо.

Чудом была и вся новая жизнь, закипавшая вокруг. Каждый день приносил нечто неизвестное до сих пор.

Настоящим праздником многонациональной советской литературы стал первый съезд советских писателей Латвии, проходивший 14 и 15 июня 1941 года. Он начался большим литературным вечером в театре оперы и балета. Выступления писателей других национальностей слушатели встречали горячими овациями. В работе съезда принимали участие Александр Фадеев (он выступил с обширным докладом о задачах советской литературы), Н. Асеев, Н. Тихонов, В. Лебедев-Кумач, М. Зощенко, А. Корнейчук, А. Прокофьев, Я. Купала, М. Лыньков, П. Бровка, Р. Сирге, П. Цвирка и другие.

Вскоре началась подготовка к другому знаменательному событию — декаде латышской литературы и искусства в Москве. Однако ей не суждено было состояться. Фашистская Германия напала на Советский Союз.

О Великой Отечественной войне написано много. Мы знаем, каких огромных жертв и какого беспримерного героизма потребовала она от советских людей. Хочу лишь отметить следующее. Гитлер в своих планах разгрома Советского Союза делал ставку на то, что при первом же ударе рухнет единство советских народов, рухнет Союз Советских Социалистических Республик. Это было глубоким заблуждением. Именно в боях с фашистским захватчиком наш союз братских народов сплотился как никогда. На фронтах Великой Отечественной войны окрепло братство советских народов по оружию. Латышская стрелковая дивизия после основательной военной подготовки влилась в ряды Советской Армии в начале декабря 1941 года и сразу же приняла участие в битвах за Москву.

В боях с врагом креп братский союз советских народов. В рядах Советской Армии сражались русские и латыши, узбеки и грузины, украинцы и белорусы, представители всех советских народов. Была для всех них одна земля, один общий дом, одна необъятная Советская Родина, и дорог был каждый ее уголок.

Латышские гвардейские соединения — лишь малая частица той огромной силы, что сражалась за освобождение Советской Латвии. Здесь, особенно в так называемом Курземском котле, скопилось много вражеских дивизий, много техники, оттянутой сюда после снятия блокады Ленинграда.

В благодарной памяти латышского народа навеки останутся свет-

лые образы героев Великой Отечественной войны, в том числе и тех 150 тысяч сынов и дочерей нашей Родины, кто отдал свою жизнь за счастье, свободу и процветание Советской Латвии. Их именами названы улицы, площади, школы. В их честь воздвигнуты курганы славы, установлены обелиски.

Война всегда оставляет после себя разрушения. Немало было их и в Латвии. В руины превратились целые города, вышли из строя заводы. Все наиболее крупные и важные мосты были взорваны. Но жизнь брала свое. В Курземе еще гремели бои, а в Риге и других освобожденных районах уже начинались восстановительные работы. С окончанием войны темпы восстановления обрели грандиозный размах. Жителям республики этой работы хватило бы на долгие годы. Но на помощь вновь пришла великая сила — СССР, и жизнь быстро входила в мирную колею. В Риге появились троллейбусы, по железным дорогам республики побежали электропоезда, МТС обзавелись богатым парком сельскохозяйственной техники.

То было вчера. А сегодня?

Ригу нынче не узнать, как не узнать многих городов нашей страны. Они выросли вдвое, втрое. А мы продолжаем строить. Даже в небольших городах на месте маленьких домишек встают многоэтажные здания. Если бы в свое время латышским крестьянам сказали, что они будут жить в светлых домах со всеми городскими удобствами, они бы просто не приняли всерьез подобного разговора. Не поверили бы они и тому, что всемогущий плуг и даже двухлошадный «немецкий плуг» станут музейными экспонатами и школьники, показывая на них, будут говорить: это прапратракторы.

Но самая важная перемена нашей жизни заключается в том, что в стране создан единый народнохозяйственный комплекс. Латвия имеет развитые экономические связи со всеми союзными республиками и районами страны. Везде, в разных краях, курсируют поезда, созданные на Рижском вагоностроительном заводе. В любой республике можно встретить АТС, телефонные аппараты и транзисторы производства объединения ВЭФ, микроавтобусы, электробытовые приборы... В свою очередь, по улицам городов, по нашим дорогам мчатся автомашины, сделанные в Москве и в Горьком, Тольятти, Ижевске и Набережных Челнах. Современные мощные тракторы поступают к нам из Российской Федерации и Белоруссии. Республика получает нефть и нефтепродукты из Белоруссии, Поволжья и из Западной Сибири, каменный уголь и металл — с Украины, хлопок, шерсть, кожи — из Средней Азии и Казахстана. Через порты Латвии идет большое количество экспортно-импортных грузов. Изделия промышленности Латвии экспортируются более чем в 100 зарубежных стран. Если бы мы сегодня захотели перечислить всю ту продукцию, которую получаем из других республик, а также отправляем им, получилась бы толстенная книга.

Как тут не вспомнить, что́ представляло собой народное хозяйство Латвии до восстановления Советской власти в Прибалтике. За годы буржуазной диктатуры благодаря засилью иностранного капитала и политике аграризации, проводимой правительством, Латвия была превращена в сырьевой придаток Германии и Великобритании. Промышленность, оторванная от российского сырья и рынков сбыта, пришла в упадок, особенно тяжелая. В 1938 году было лишь девять предприятий с числом работающих более тысячи человек.

Ныне Латвия стала республикой высокоразвитой промышленности и интенсивного механизированного сельского хозяйства.

Много делается для повышения качества продукции. Нынешнюю пятилетку промышленные коллективы Латвии начали под девизом «За высокое качество труда на каждом рабочем месте». Инициаторы этого соревнования — труженики легкой промышленности. На таких предприятиях, как «Ригасельмаш», «Лиепайсельмаш», «Компрессор», электроламповый завод, производственное объединение «РЭЗ», доля изделий высшей категории качества составляет 70—90 процентов объема их товарной продукции. Разработана и успешно осуществляется «Республиканская система управления качеством продукции труда и эффективности производства в Латвийской ССР на 1981—1985 годы». Программа предусматривает усиление роли межотраслевых и отраслевых органов управления, сочетание отраслевого и территориального принципов управления эффективностью производства.

Каждый из нас повседневно ощущает плоды общего труда. И труд этот служит единственной цели: благосостоянию советского человека. Выдвигая широкую и многостороннюю программу социального развития, XXVI съезд КПСС на первый план поставил задачу улучшить снабжение населения страны продуктами питания. Для решения этой задачи разработана Продовольственная программа СССР на период до 1990 года.

Несравнимо разрослись и взаимообогащающиеся культурные связи между республиками нашей страны. Все наиболее значительные произведения латышских писателей переведены на русский язык и языки других народов СССР. Русский язык приобщил к произведениям латышских писателей миллионы советских и зарубежных читателей. А в Латвии переводятся на латышский язык произведения русских, украинских, грузинских, белорусских авторов, как и литераторов других народов СССР.

Та, намечавшаяся, первая декада латышской литературы и искусства в Москве не состоялась. Помешала война. В наши дни подобные декады, театральные гастроли проходят регулярно. В столицу республики приезжают театральные коллективы и художественные ансамбли из разных городов страны. Интерес латышей к достижениям искусства и культуры братских республик огромен.

Культура и искусство никогда не признавали границ между народами. В Советской стране их нет и не может быть. Все мы единая семья — Союз Советских Социалистических Республик. Мы едины в экономике, в науке, в искусстве. Нашей жизнью твердо и целенаправленно руководит Коммунистическая партия. По указанному ею ленинскому пути мы идем неуклонно.

СТИХИ Л

Ояр ВАЦИЕТИС

* * *

Я думал, что война во мне
вовек болеть не перестанет,
и тот, кто пал на той войне,
вовек с земли уже не встанет,
и всем хирургам не суметь
те раны заживить на теле.
Я думал, сосен моих медь
навек остыла в самом деле.
Но кто-то в мой ледовый круг
вошел легко, как звук капели,
и слезы выступили вдруг,
и третьи петухи пропели,
и, прежней верой озарен,
гляжу с надеждою двойною
на алый мост, что сотворен
из неизведанного мною.

ПРОЛОГ

Есть в моем краю обычай дедовский —
сеять мак в полях между картофелем.
Красный мак — его в окне не выставят,
не вплетут его в венки осенние.
Семена — и те не будут собраны.
Будет вся с полей картошка убрана,
в погреба засыпана, уложена.
Ибо что за погреб без картофеля?
Что мужской спине таскать положено?
Да и про живот подумать следует.
Что ж мы сеем мак среди картофеля?
Может, ветру нечего покачивать?
Нет, о нем у нас никто не думает.
Может, негде нам цветы высаживать?
Нет, в любом дворе цветы увидите.
Так кому ж нужны среди картофеля
лоскутки трепещущего пламени —
те, что будут осенью растоптаны
и засеют сами себя сызнова?
Впрочем, понимаю — дело праздное
о таких вещах кого-то спрашивать.
Незачем выспрашивать, выпытывать
там, где помолчать всего разумнее.
И живет любовь меж нами, грешными.
И пылает мак среди картофеля.

Имант ЗИЕДОНИС

О НЕДОВЕРИИ И ДОВЕРИИ

I

Входите в мой дом, входите.
Не надо входить в мой дом.
Все двери в доме открыты.
Все двери закрыты в нем.
Придите как друг, как недруг,
На вечер или на час.
Вам двери откроют тотчас.
Вовеки не впустят вас.
И как бы тут ни плясали,
И как бы ни пили тут —
Нальют вам стакан до края.
Ни капельки не нальют.

О ДОВЕРИИ И НЕДОВЕРИИ

II

Они сказали мне —
Возвращайся,
Скоро снег заметет дорогу,
И ты ее в хижине той таежной
У реки Одиночества
Не застанешь...
Не верю!
Меня не страшит дорога.
И есть огонь еще в зажигалке,
И есть еще соль у меня в мешочке,
И чаю хватит мне на неделю.
Последнего хлеба
И сил последних
Мне хватит до твоего порога.

* * *

Тот лист, тот лист,
Что ветром с дерева сбит,
Еще он взлетит,
Он на ветку еще взлетит,
Тот лист, что ветром с дерева сбит.
Тот снег, тот снег,
Разбросанный по лесам,
Однажды он от земли оторвется сам
И взметнется навстречу звездам и небесам,
Темнеющим небесам.
Тот человек,
Который теперь уж сед,
Вернется в года, которых давно уж нет,
Вернется туда, где был он до этих лет,
В которые стал и стар он и сед.
И реки к своим истокам вернутся вновь,
Туда, где звенят лесные ключи,
И к солнцу опять вернутся его лучи,
И снова проснусь я под пенье огня в печи,
Под материнским сердцем проснусь в ночи.

Перевел
Юрий ЛЕВИТАНСКИЙ.

Лия БРИДАКА

* * *

Я не зову к избе под крышей тростниковой
в прадедовский бревенчатый уют.
Путь от простой свечи до лампы стосвечовой
немало людям дал, не зря о нем поют.
Да, в городе вода так не спасет от жажды,

АТЫШСКИХ ПОЭТОВ

как терпкий холодок колодезной воды.
Но пусть удобный быт придет к деревне каждой
и техника войдет в крестьянские труды.
Но только жить нельзя иллюзией, что вечно
мы будем выезжать в село за тишиной,
за свежестью земной. Она не бесконечна,
исчезнет и она, как бабкин холст льняной.
Нам, что и говорить, привычна и желанна
асфальтовая гладь, машин ревущих мощь.
Но можно ль полюбить квадрат телеэкрана,
как предки — свет берез и шум сосновых рощ!
И как же я хочу, чтоб не в одних музеях
любви и красоте училось бы дитя,
чтоб у него в крови, всех прочих чувств сильнее,
как яблоневый цвет, густея и светя,
возникла бы любовь к своей земле родимой,
к ее простым домам среди садов и нив,
любовь к ее страде, навек необходимой,
к тяжелому зерну, которым каждый жив...

Перевел Ст. ЗОЛОТЦЕВ.

Имант АУЗИНЬ

СОСНА ЦВЕТЕТ

Свечами вновь каштан сияет!
Любуйся им,
Но ты должна
Увидеть: свечи зажигает
За ним цветущая сосна.
И золотые искры вьются
Среди темно-зеленых игл
На каждой ветке, чтоб коснуться
Мы этой красоты могли.
И пенятся кусты сирени,
И яблоньки еще цветут.
Какое праздничное время:
Сквозь день и ночь цветы идут.
Что взять у времени цветенья,
Не знаешь ты,
Ты смущена,
И вечным кажется мгновенье.
Цветет сосна! Цветет сосна!

Перевела Л. РОМАНЕНКО.

* * *

На поезде, в машине и в телеге
Вы ездили, родители мои,
Меж тем как самолеты в нашем веке
Манили оторваться от земли.
(Ни разу с вами не было, ни разу,
Чтоб двор, и лес, и поле, как в кино,
Скользнули, превратясь не то в гримасу
Земли, не то в туманное пятно.)
Я столько раз летал; мне что автобус,
Что самолет; я в кресле задремал,
На землю глянув сверху, как на глобус.
Лошадку я ни разу не седлал.

Перевел А. КУШНЕР.

Марта БАРБАЛЕ

КАК ПОВЕЛИТ ТВОЯ ЗВЕЗДА

Как повелит твоя звезда, живи,
Как говорят твои леса, люби;
Коль недостанет дружеской руки,
На кряжистой тропе друзей ищи.
Там замки строй, коней мечты паси,
Пусть ветры обожгут лицо твое,
Кукушка назовет твои пути,
Предскажет долгое житье-бытье.
Живи, как повелит твоя звезда,—
И никому тебя не упрекнуть!
Дни катятся. В лесах растут снега.
Тебе протянет руку звездный путь.

* * *

Корень мой, земля родная!
Все пути в тебя вплетаю:
Я была тобой и буду,
Каждый пласт меня питает.
Дереву и человеку —
Всякому свои начала,
В годы счастья, в годы бедствий
Пахотой земля дышала.
Попадется ломтик скудный,
Не пойму никак подвоха:
Заржавел безмен, похоже?
Или взвешиваю плохо?
Коль во мне не прорастала
И не прорывалась радость,
Что ж, своей любовью к пашне
Я наивно похваляюсь.
Коль во мне не волновался
Стебель в пору созреванья,
Речь на праздник обмолота
Я ищу без основанья.
Коль во мне права святые
Жатвы не пустили корни,
Проходить землей зеленой
Не велят полей законы.

Перевела В. ЕЛИЗАРОВА.

Мара МИСИНЯ

* * *

Ночью в город на камни не спустится снег,
только башни смутятся под метелью во сне,
но на камни не спустится снег.
Свою высоту должен каждый иметь.
В тишине, что разбавлена снегом на треть,
пока камень ясней проступает во тьме,
высоту надо башне иметь.
Я ведь я. Да и ты же не кто-нибудь.
В размягченном обмане увяз наш путь.
Раскрутились ли петли, размокли чуть-чуть?
Я не кто-нибудь. Да и ты ведь ты.
Шпили башен сквозь снег
Нам уже не видны.
На своей высоте оставайся всегда.
Радость в дальности башен.
В близком камне беда.

Перевела Марина СОЛОВЬЕВА.

Инара РОЯ

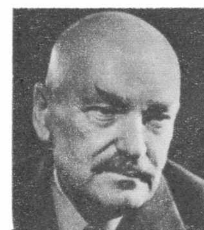
ВЛЮБЛЕННЫМ

Я светлячка прошу, как брата,
Я умоляю:
— Подари
Ему — мелодию заката,
А ей — наречие зари.

Стою и клянчу у ромашки,
Прошу ромашку, как сестру:
— Внуши им ручейка замашки
И пляшущих полян игру.

Когда идет все словно кругом
В своем течении крутом,
Я поднимаюсь. Крепну духом.
Благодарю отцовский дом.

Перевела Татьяна БЕК.

Валдис ЛУКС

НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ

Сердце вынесло тюрьмы,
сердце вынесло бухенвальды и саласпилсы,
сердце вынесло эсэсовские приклады,
сердце вынесло голод страшнее ада,
сердце вынесло все из мыслимых мук,
и вдруг —
ласку любящих рук,
нежность любящих глаз,
нежных слов тепло
сердце вынести не смогло.
Тише! —
пусть сердце покоем подышит.
Тише...

Перевел Ст. ЗОЛОТЦЕВ.

Олга ЛИСОВСКА

* * *

Камень в пучину брось!
Словно свистящую синь,
камень, летящий вкось,
в дремную воду кинь.
Камень в пучину брось —
синий возникнет круг,
и обомрет душа,
и отзовется вдруг...
Камень в пучину брось!

* * *

Не произноси бесспорных истин,
что пора идти, что дело ждет.
Капля на краю листа повисла
и сама, я знаю, упадет...
У дороги росною травою
ноги сполосни и сядь ко мне,
прежде чем меж мною и тобою
капля расшибется
в тишине.
Не произноси...
Мы знаем оба:
с ветки вниз недолог перелет.
Не произноси теперь ни слова,
и без слова капля упадет.

Перевела Л. КОПЫЛОВА.

Марис ЧАКЛАЙС

ДЕТСТВО

Горечь военных обид
Сердце не вдруг забывает.
Мальчик на небе сидит
И на свирели играет.
Ах, ничего, ничего,
Что не на небе — в сарае.
Музыка лечит его,
Образы горя стирает.
Музыка льется рекой,
Луг омывает и рощу.
Птицы волшебной такой
Музыкой горло полощут.
И облака, облака,
Каждое блещет и тает.
Кажется, издалека
Будущее проступает.
Как одуванчик блестит!
Масляный, он вместо масла.
Горечь военных обид
В музыке летней погасла.
Радость и боль на весах
Взвешены, жизнь зацветает.
Мальчик сидит в небесах
И на свирели играет.

Перевел А. КУШНЕР.

НА ДОБРОЙ ЯНТАРНОЙ ЗЕМЛЕ

З. ЗОЛОТОВА,
Г. КУЛИКОВСКАЯ
Фото А. БОЧИНИНА

МЫ ВСЕ — МЕЛЛУПСЫ

В колхозе «Страуме», что в глубинке, на севере Латвии, мы встретили тридцать два человека, связанных узами родства. Братья, сестры, дети, внуки — все они из известной в Валмиерском районе семьи Меллупсов. И вот недавно, пока верстался этот номер, в редакцию пришла весть: родился тридцать третий. Появился на свет самый младший из Меллупсов — сын Зайги и Язепса.

Большая родня у Эльзы и Антона Меллупсов: шутка ли, восьмерых детей подняли на ноги, женили, отдали замуж. Разрасталась семья, но никто из нее не покинул родной колхоз. Приросли к земле, крепкие корни пустили. В колхозе работы хватает, только не ленись. Дочери Дзинтра, Рудите, Зайга в полеводческих бригадах. Выйдут на поле трактора, за пятью штурвалами родные братья — Харалд, Эдмунд, Мирвалдис, Андрис, Янис; в страдную сенокосную пору они пересаживаются на сенокосилки. И уж если под летним ветерком зазвенят, зашелестят вызревшие колосья, то знайте, что четыре из девяти колхозных «Нив» и «Колосов» ведут тоже братья Меллупсы.

— Мы подсчитали, что половину колхозного урожая ежегодно убирает семья Меллупсов,— говорит парторг колхоза Дзинтар Карлович Дулбергс.— Зерновое хозяйство работает на основное направление — мясо-молочное. Особенно хвалиться нечем, самое обычное среднее хозяйство и в районе и в республике, но крепкое и стабильное. Конечно, кубанцев, например, не удивишь двадцатью четырьмя центнерами зерна с гектара. Но наши почвы трудные, они просят много и минеральных и органических удобрений. Да и земли у нас особенные...

В самом деле, особенность эта резко бросается в глаза, когда не зазеленели еще первые всходы и видна каждая борозда. И каждый камень тоже виден. Из-за них, камней, даже на солнце поле кажется серым, не может оно свободно вздохнуть — давят камни. Вот они, следы ледника — моренные гряды, валуны, каменные холмы, которые называются камами и друмлинами.

— Большие камни убираем машинами, укладываем на край поля. Перед вспашкой все становимся камнесборщиками, даже школьники. Тысячи кубометров камней увозим. Один поднимешь, а под ним еще два, и кажется, что какая-то неведомая сила выпирает их наверх. Грибы и то растут медленнее,— говорит Харалд Меллупс.

Вот и познакомились мы со старшим сыном Эльзы и Антона. Высокий, плечистый, русоволосый, как и остальные братья, он не очень-то разговорчив. Да и время сейчас горячее — надо закончить сев. А с ним шутки плохи, чуть промедлишь — потерял урожай. Чувствует и знает Харалд землю, дыхание свежего пласта, поэтому и дорожит он каждым погожим часом. Что говорить, только первые места занимает он в колхозе и по количеству и по качеству пашни. Почет ему и высокие награды за то, что трижды побеждал, оставляя позади знатных пахарей и комбайнеров республики. По труду и честь ему воздается: украшают его грудь в дни особых торжеств орден Ленина и орден Трудового Красного Знамени, юбилейная медаль к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, медали ВДНХ. «Москвич» у ворот дома белой кирпичной кладки — премия, и тоже за то, что Харалд первый был в уборке урожая.

Это сейчас. А когда-то...

Босоногое военное детство. После семилетки окончил курсы шоферов, курсы механизаторов при МТС, отслужил в армии. Старая Эльза показала нам пожелтевшее письмо: за безупречную солдатскую службу благодарит Харалда Меллупса капитан Ванеев. И тут же торопится достать другое: вот, мол, не только Харалд такой примерный. Полковник Комаров хвалит Эдмунда. Впрочем, к разговору с Эльзой и Антоном мы еще вернемся.

А пока мы спрашиваем Харалда, как получилось, что никто из восьми Меллупсов не уехал из колхоза. Рядом районные города Руиена, Валмиера, Валка. Аккуратно подстриженные деревья, цветочные газоны, кино, магазины — глаз радуется. Отработал смену — и свободен.

— Рабочие руки нужны были колхозу. Я не только шофер, тракторист и комбайнер, а и токарь, и сварщик, и слесарь. Зимой ремонтирую свой «Колос», плуги, культиваторы, сеноуборочные машины. Любой трактор знаю, а у нас в колхозе машины Липецкого, Харьковского, Минского заводов. Как уйдешь, когда вокруг столько дел. Да и зачем? Жена моя Рета тоже в колхозе работает — техником по искусственному осеменению. Заканчивает ПТУ сын Раймонд. Сейчас он здесь, в «Страуме», на практике. Вернется в колхоз комбайнером и трактористом. Дочь Дина учится в школе...

Основательнице рода, Эльзе Меллупс, 74 года. Она не признает отчеств и просит называть ее и Антона просто бабушкой и дедом. Живут они с сыном Мирвалдисом в большом, просторном доме. Дом да и все подворье, особенно цветочные клумбы,— гордость стариков. Не сам ведь дом поднялся, и сад вырос не сам. Много труда в свое время вложили старшие Меллупсы, чтобы сегодня в отчем доме за праздничный стол можно было усадить всех родных и близких.

Бабушка Эльза, несмотря на свою степенность, говорит быстро-быстро, громко и весело. Полное лицо ее то серьезно, то расплывается в улыбке. Хотя мы не знаем языка, а Эльза плохо говорит по-русски, нам стало понятно многое. Что именно они, Эльза и Антон, дали детям первые уроки труда и доброты. Что именно здесь, в родительском доме, берут начало истоки большой ответственности, с которой трудятся и живут все Меллупсы. Ответственности за колхоз, за дело свое и, если хотите, за дело каждого на земле.

— Счастлива ли я? — переспрашивает Эльза через переводчика.— Да, конечно же. Вы же видели, какие у меня дети, как живут... Могла ли я мечтать, что у каждого будет свой дом, да еще кирпичный. А мебель-то посмотрели? А «Жигули», которые купила семья Дзинтры? Вот так Советская власть оплачивает труд моих детей... Знаем мы с Антоном, что не всем за границей нравится счастливая наша жизнь. Забыли войну, что ли? А я помню, как Антон вернулся с фронта, освобождал Латвию, наши места. Он вернулся, а многие не вернулись. Я простая крестьянка, но знаю цену его медалям и цену миру на земле.

Хлопнула дверь, и русоголовый мальчишка с серьезными глазами передал Эльзе трехлитровую банку с молоком. Это семилетний Агрис, сын Рудите. Пока не отелится бабушкина корова, внуки приносят бабушке с дедушкой молоко. Не успели мы познакомиться с Агрисом, как снова дверь отворилась. Что-то понадобилось Гунтису и Дайнису. И вмиг захлопнулась. Мы проследили за взглядом Эльзы и увидели в окно, как умело развернул трактор Гунтис. Оказывается, внук уже отлично управляет и комбайном, и трактором, и автомобилем. После восьмилетки собирается в ПТУ, как сын Харалда Раймонд, а потом вернется в «Страуме». Да что Гунтис? Он уже взрослый, а вот десятилетний Дайнис и тот водит трактор — только бы автоинспектор не увидел. Маленький Агрис признался, что тоже мечтает быть трактористом и комбайнером. Передались отцовские профессии сыновьям.

Когда заглянула Гуна, сестра Дайниса, Эльза и Антон не вытерпели. Раскрыли семейные альбомы, долго-долго и любовно рассказывали о каждом. Вспомнили, как трудно было всех восьмерых одеть-обуть, как утром спозаранку будили ребятишек и брали с собой в поле. Проворные были ребята: навоз на поле рассыпали быстрее, чем некоторые колхозники сейчас. На сенокосе один — с косой, другой — стогует. Вместе жили, росли, работали. Дети и теперь держатся вместе. На фотографиях Андрис и Вия в свадебном платье, Янис и Рената, вот еще свадьба — старшего Харалда и Реты. И еще свадьба. А на этой фотографии дочери в национальных костюмах, высокие, стройные, похожие лицом и статью.

— Это колхозный хор,— говорит Дзинтар Карлович Дулбергс, сегодня он наш переводчик.— Думаете, что в деревне и отдыхать некогда? Как раз только после доброго труда приходит добрый отдых. Знаю, что Меллупсы-мужчины любят порыбачить, поохотиться, а Дзинтра, Рудите и Зайга чуть свободное время — на репетицию. Сейчас ждем гостей на концерт дружбы: приедут коллективы из Эстонии, Узбекистана, Пскова и Риги. И, конечно же, из Армении и Крыма — совсем недавно мы гостили у них.

...И опять фотографии. Старшие и младшие Меллупсы. От широкой и доброй улыбки разглаживаются морщины у Эльзы и Антона. Скоро в альбоме появится новая фотография — самого младшего из династии, сына Зайги и Язепса.

ЧЕСТЬ МАРКИ

Огре — небольшой, но бурно растущий город на Даугаве, и такому своему состоянию обязан крупнейшему в Прибалтике трикотажному комбинату. Крупнейшему и молодому — ему всего двенадцать лет. Тем не менее здесь недавно был достигнут знаменательный рубеж: выпущено стомиллионное изделие. Им оказался детский шерстяной костюм: синие брючки и белый джемперок, изящно окаймленный синими и красными полосками. Марку «Огре» знают покупатели Кавказа и Средней Азии, Поволжья и Сибири и, конечно же, соседних республик, кроме Белоруссии: у нее такой же свой комбинат в Пинске. Каждый день из Огре отправляется до сорока тысяч изделий — платья и костюмы, жакеты и сарафаны, юбки и брюки, пуловеры и джемперы. Кроме того,

Они все — Меллупсы... У родного дома * Братья Мирвалдис, Янис, Харалд, Эдмунд, Андрис * Эльза Меллупс и ее внуки.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Лайма Строде, швея Огрского трикотажного комбината * Мост в Риге * Старое и новое * Торговый порт * ВЭФ. Регулировщицы Татьяна Лавренева, Герой Социалистического Труда Галина Гринева и Елена Жогла.

RVR
ЭР$_2$-1279

комбинат поставляет ста фабрикам России, Молдавии, Эстонии и самой Латвии полушерстяную и высокообъемную синтетическую пряжу. Кстати, именно здесь впервые в Советском Союзе начато производство полушерстяной высокообъемной пряжи, полюбившейся за свою мягкость и пушистость и детям и взрослым. Еще известен Огрский комбинат и тем, что одним из первых в легкой промышленности республики внедрил комплексную систему управления качеством продукции.

— В эту систему входят отделы стандартизации, экономический, технологический контроля, изучения спроса, рекламы,— подробно характеризуя работу каждого из них, рассказывала заместитель директора по качеству Б. Я. Дзене.— В начале этого года в центре Риги открылся наш фирменный магазин, а тут, в Огре, его филиал. Каждую неделю в магазине демонстрируют новые модели наших изделий, проходят выставки-продажи, конференции покупателей по качеству с участием представителей комбината. Мнение покупателей во многом определяет направления в нашей работе...

Дзене провела нас к одному из конвейеров, под номером пятым. Здесь делаются джемперы из объемной пряжи. Сердито и неистово жужжат оверлоки. Рраз — и рукав пришит. Рраз — и боковой шов с фирменной ленточкой, штопкой и номерком швеи сделан. Девушка подняла лицо, стрельнула серыми глазами, улыбнулась. Хотела что-то сказать, но только махнула рукой. Где там — некогда даже поправить светлую прядку, выбившуюся из-под косынки в горошек. Жужжит оверлок. Засекаем время. Всего 20 секунд ушло, и джемпер сшит. Вон их сколько уже — груда!

— Наша лучшая швея Лайма Строде,— представляет девушку бригадир М. С. Гуляева.— Физорг наш. Как и большинство работниц, воспитанница нашего ГПТУ.

— При таких скоростях недолго и ошибиться...

— Лайма — опытная швея, у нее не бывает ошибок. А если у кого и случится такое, то становится предметом особого разбора. Каждый случай брака обсуждается на рабочем собрании. Спрашиваем строго, вплоть до удержания и вычетов из зарплаты. Честь марки «Огре» дороже всего,— заключила Б. Я. Дзене.— Девять лет назад комбинат представил на аттестацию государственным Знаком качества три модели верхнего трикотажа, теперь с почетным пятиугольником выпускается 86 моделей — почти половина всех изделий.

ФТОРАФУР, РЕМАНТАДИН И ДРУГИЕ...

В Москве, в Президиуме Академии наук СССР, Институт органического синтеза охарактеризовали так: «Он имеет стабильно высокую научную репутацию и широкие контакты в СССР и за рубежом, особенно по созданию новых медицинских препаратов». А его директор, член-корреспондент Академии наук Латвийской ССР Гунар Игнатьевич Чипенс начал беседу с нами с небольшого исторического экскурса.

— Нашему институту двадцать пять лет,— сказал он.— Инициатором его создания был крупный химик-органик, известный исследователь в области медицинской химии и химии гетероциклических соединений, лауреат Государственных премий СССР и Латвийской ССР академик Академии наук Латвии С. А. Гиллер. В институте ведутся фундаментальные исследования в области органической, биоорганической химии и молекулярной биологии с целью изыскания новых типов биологически активных соединений и создания на их базе новых лекарственных препаратов. Как вы думаете, можно создать лекарство, сидя за письменным столом, на котором ничего нет, кроме листа чистой бумаги? Точнее, не создать, а предсказать?

Рижский вагоностроительный завод. Поезд готов к отправке * Знаменитый Домский собор * Новый корпус пансионата «Лиелупе» * Директор Института органического синтеза профессор Г. И. Чипенс и кандидат химических наук Н. И. Веретенникова.

Не дождавшись, естественно, от нас ответа, Гунар Игнатьевич продолжил:

— Оказывается, можно. Это позволяет достигнутый уровень интеграции наук, когда в химии и биологии используются закономерности кибернетики, физики и других отраслей знаний. Именно этот принцип лежит в основе деятельности отделов и лабораторий нашего института. В нашем распоряжении два экспериментальных завода, образующих с институтом единый научно-технический комплекс. Все это позволяет работать плодотворно. В стране применяется свыше 60 лекарственных препаратов, в том числе 12 оригинальных, до того неизвестных в мировой практике. Сотрудники института получили 150 патентов и 400 авторских свидетельств.

Мы попросили назвать хотя бы самые важные препараты, разработанные рижскими учеными.

— Пожалуйста. Но должен предварить это небольшим отступлением. В течение последних лет начато новое направление исследований — создание лекарственных средств на базе так называемых природных биорегуляторов — нуклеиновых кислот, носителей генетической информации, белков, пептидов, выполняющих функции ферментов, гормонов... Самые эффективные лекарства будущего, по-видимому, и будут разрабатываться благодаря постижению их структуры и молекулярных механизмов действия. Первым таким препаратом стал аналог нуклеозида, компонента нуклеиновой кислоты, известный под названием фторафур. Этот оригинальный противораковый препарат экспортируется в 14 зарубежных стран, на многие миллионы рублей. Лицензию на его производство купила американская фирма «Бристол-Майерс», экспортные поставки препарата ведутся японской фирме «Тайхо Фармасеютикалс Ко., Лтд». Кстати, некоторыми химико-фармацевтическими компаниями Японии и других стран заключены с нами соглашения на совместные работы на ранних стадиях, когда новые соединения проходят экспериментальную проверку.

Другой наш препарат — эффективное противолейкозное средство, особенно для лечения детей,— L-аспарагиназа. Это первый в стране препарат микробного происхождения для внутривенных инъекций. Технология его производства разработана учеными совместно с инженерами нашего завода. Следующая группа лекарств предназначена для борьбы с бактериальными и вирусными инфекциями, в том числе и гриппом — фурагин, солафур, ремантадин... Далее — группа сердечно-сосудистых препаратов. Особо хочется сказать о стрептокиназе — ферменте, способном разрушать тромбы. Это не наша разработка — московских ученых во главе с академиком Е. И. Чазовым. Но производство ее под названием «стрептодеказа» впервые осуществлено в Риге на нашем заводе. Из препаратов, переданных сельскому хозяйству, можно назвать дилудин. Он отлично сохраняет в кормовой муке каротин, необходимый для нормального развития животных, является стимулятором роста. Была организована проверка препаратов в различных хозяйствах, она прошла успешно, получен большой экономический эффект.

А теперь позвольте мне вернуться к столь неожиданному для вас вопросу — можно ли за письменным столом создать лекарство.

В 1970 году американский исследователь В. А. Найяр впервые синтезировал новое соединение тафтин, названный так в честь университета Тафта в Бостоне, где велись эти работы. До того он получил тафтин расщеплением пептидной цепи. Мы также — в частности, отдел, которым я руковожу,— занимаемся пептидными гормонами. Их пространственная структура чем-то напоминает кибернетические, распадается на участки с одними и теми же особенностями, хотя они и принадлежат разным объектам. Это свойство и привлекло наше внимание. Мы получили много аналогов тафтина и, продолжая работать в этом направлении, нашли совершенно новое, впервые в мире, вещество. С виду это обыкновенный белый, как большинство химических соединений, порошок. Синтетически его получила недавняя моя аспирантка, а теперь уже кандидат химических наук Надежда Ивановна Веретенникова. Эта работа послужила темой диссертации, успешно защищенной ею в 1980 году.

— Чем же вызван такой ваш интерес к этим новым веществам?

— Они обладают широким спектром биологического действия, являются иммуностимуляторами, интенсифицируют процесс фагоцитоза. Тафтин, например, когда станет более доступен, сможет заменять гамма-глобулин и может оказаться иммунотерапевтическим противораковым средством. Но еще долог путь новых препаратов к клинике, к больному. На это уходят годы, до 8—10 лет. Как показывают статистические данные, один оригинальный препарат рождается после синтеза и исследования десяти — двенадцати тысяч соединений.

— Вероятно, иногда получается так, что один ученый начинает работу, а другой завершает?

— К счастью, наш институт, можно сказать, молодежный. Средний возраст его сотрудников 33 года. Для академического института это совсем немного. Человеческой жизни хватит для создания не одного препарата. Наше поколение выросло после великой победы в 1945 году. Мы не знаем войны. И наш труд — во имя того, чтобы ее никогда не было. Чтобы человек был здоровым и жил долго.

ДУЭТ ИЗ «ЖИЗЕЛИ»

— Внимание! Стоим свободно, на полной ноге. Подтянули спинки, а теперь — колено в сторону... Держать-держать колено! Следим за локоточками, выгнули спинки и... тянемся вверх!

В первом классе Рижского хореографического училища идет урок. Хрупкие девочки, будущие балерины, упорно и трепетно повторяют одно и то же движение. Пластика, грация, изящество и артистизм даются большим трудом и не сразу...

В соседнем зале готовит к государственным экзаменам свой первый выпуск народный артист Латвийской ССР, лауреат Государственной премии республики Х. А. Ритенберг. Харалд Альфредович не только педагог, хореограф-постановщик, но и директор училища, открывшегося в 1948 году.

— С первого сентября при училище будет интернат, а это значит, балетному искусству смогут обучаться дети из других городов республики,— рассказывает Х. А. Ритенберг.— Сейчас трудно представить, что было время, когда на латышскую сцену приглашали танцовщиков из-за границы. О самостоятельных балетных спектаклях только мечтали. А теперь наши ученики танцуют в сложных классических балетах П. Чайковского, А. Адана, С. Прокофьева, Л. Минкуса, А. Хачатуряна. Я не говорю уже о балете-сказке «Спридитис» о мальчике-с-пальчике, музыку к которому написал латышский композитор А. Жилинский. Знаете, какой был первый советский латышский балет? — спрашивает Харалд Альфредович и сам отвечает: — Балет «Лайма», о том, как вместе боролись против иноземных завоевателей в далеком тринадцатом веке русские и латыши.

Х. А. Ритенберг знакомит нас со своими учениками Ольгой Ярославцевой и Эрлендом Зиеминьшем. Вот уже год как они танцуют вместе. Обыкновенные ребята из обыкновенных семей: у Оли мать работает на фабрике «Аврора», у Эрленда — в объединении «Альфа», Олин отец моряк, отец Эрленда — мастер молочного комбината. Необыкновенна только их безудержная любовь к хореографии, музыке, которая зародилась еще в раннем детстве.

— Любимые балеты? «Жизель» и «Лебединое озеро». Так хочется станцевать партию Жизели,— говорит Оля.— Тем более что дуэт из этого балета мы уже отработали с Эрлендом, а поставили его наши учителя Гинтере и Ритенберг. Эрленда приглашают на роль в «Лебедином озере», «Ромео и Джульетте».

Так было и у Харалда. Тоже выпускные экзамены в этом же училище. Любимый учитель Валентин Тихонович Блинов, который и поныне преподает здесь. Свет рампы, первый успех, признанная всеми партнерша — народная артистка СССР Велта Вилцинь. Так было и у других питомцев училища, которые сейчас разлетелись по всей стране: у Татьяны Ершовой и Александра Мартынова, они сейчас в Белорусском оперном, у Элиты Еркиной, танцующей на сцене театра «Эстония». Так было у Ларисы Туисовой, Зиты Эрс, Геннадия Горбанева, Литы Бейрис, ставших лауреатами всесоюзных и международных конкурсов.

НА ЛАДОГЕ

Сергей ВЫСОЦКИЙ

...После собрания Мельников пригласил Андрея Прокофьевича к себе в кабинет.

— Шалят у тебя, Прокофьев.

Андрей Прокофьевич пожал плечами, нахмурился. Подумал сердито: «Ты меня совсем без оружия оставил, а теперь спрашиваешь...»

Еще в мае Прокофьева заставили сдать револьвер. Андрей Прокофьевич написал тогда Мельникову докладную: «10 мая с. г. согласно Вашему рапорту имеющийся у меня револьвер системы Смит и Вессон за № 8739, с шестью патронами сдал и в настоящее время я безоружен, т. е. не имею револьвера, крайне необходимого при настоящих опасных условиях службы».

Мельников сразу догадался, почему насупился милиционер и по-боевому затопорщились его красивые усы. Сказал мягко:

— Ты обиду не таи, Прокофьев. Обойдешься пока с берданкой. Сам слышал сейчас на собрании — шесть револьверов на весь уезд. А у нас в городе агентам уголовного розыска без них никуда не сунешься. По малинам с берданкой не пойдешь... Правильно я говорю?

Андрей Прокофьевич пожал плечами, вздохнул.

— Правильно. Только мне от этого не полегчает. А что шалят у нас — и правда шалят.

— Екатерину Алексеевну Савицкую ограбили. Знаешь?

— Как не знать. Показания с нее снимал. И время не позднее — девять вечера. Прямо в поселке сняли каракулевый сак...

— Еще чего взяли?

— Пятьдесят мильонов, проездной билет. Она на железной дороге машинисткой работает. И главное — талоны на муку и продкарточки.

— На железную дорогу номер проездного билета сообщил?

— Все доложил. И номер талона на муку — двадцать четвертый — в магазин сообщил. Может, придут получать.

— Сейчас в Питере всерьез за ворье и шпану взялись. Не дают им пощады, вздохнуть не дают. Вот они и подались по губернии. И к нам пожаловали. Кой-кто, наверное, к финнам перемахнуть через лед захочет,- ты смотри, Прокофьев, у тебя граница, чуть что — на заставу обращайся.

В Кобону, в свой домик, Андрей Прокофьевич приехал чуть не за полночь. Распряг лошадь, завел в стойло. В сенях повесил сбрую. Все, кроме малышей, спавших в задней комнате, его ждали. Сидели за столом в передней у керосиновой лампы. Жена вязала носки, старшая дочь, Татьяна, воспитательница кобонского детсада, читала вслух «Новоладожскую коммуну».

— Ну, слава богу! — обрадовалась Анна Степановна.— Живой-невредимый. А мы уж чего не передумали.

Татьяна отложила газету, кинулась к печи.

— У нас тут ушица тебе на загнетке греется...

«В трудные голодные двадцатые годы,— писала Клавдия Андреевна уже через много лет,— хлебнули мы горя. Помню, как молотком мы разбивали твердые куски жмыховой дуранды и ели их вместо хлеба. Мама пекла лепешки из сушеной мелкой рыбы.

Вспоминается такое... Нас много, мы сидим за пустым столом и неотрывно следим за отцом. Вот наконец он открывает замок на большом мамином сундуке и со дна его достает свой милицейский паек — фунт хлеба и два кусочка сахара. Он старательно, чтобы не уронить крошки, делит этот паек на всех нас...

На селе устанавливались новые порядки, входили в силу советские законы, но то там, то тут в районе появлялись бандиты, грабили население.

Мама часто говорила отцу, что работа его опасна, что поговаривают об угрозе бандитов убить отца. Отец смеялся над мамиными страхами и говорил, что в честном бою его не убить.

Он был сильным, мужественным, стрелял очень метко и ничего не боялся. Каким-то особым чутьем он разгадывал воров и раскрывал их преступления. Все люди, знавшие отца, уважали его за справедливость и исключительную честность.

Отец очень любил революционные песни. Я помню, как он пел «Варшавянку», «Смело, товарищи, в ногу» и другие песни».

Пел Андрей Прокофьевич по старой кронштадтской традиции и «Варяга», душевно любил попеть «Коробушку», «Хорошо было детинушке». Но с каким-то особым, несвойственным ему в обычное время трагизмом пел он «Не бил барабан перед смутным полком...». И ничего другого после этой песни петь не мог, ходил смутный, задумчивый.

V

Однажды в декабре Прокофьева срочно вызвали в Новую Ладогу, в уездное управление. Начальник милиции долго расспрашивал его о делах в волости, особенно интересовался, нет ли дезертировавших с трудового фронта.

— На Волховстрое много народу потребуется,— сказал он Андрею Прокофьевичу.— Стройка большая. Местными не обойдешься.— И посетовал: — Там у нас что ни день, то пожар. Замучились пожарники. То в общежитии загорится, то на складе. Неосторожны с огнем. А может...

Прокофьев так и не узнал, что он хотел сказать. Зазвонил телефон, начальник снял трубку, слушал, хмурясь.

— Не знаешь, где найдешь...— проворчал он, закончив разговор.— Муж и жена компотом отравились. И девочка шестилетняя. Взрослые-то остались живы, а девочка тю-тю... Умерла. И, между прочим, чужая девочка, сирота. Дальняя родственница.

— Компот, небось, сами варили? — поинтересовался Прокофьев.

— В том-то и дело, что не сами. Магазин «Заря» знаешь?

Андрей Прокофьевич кивнул.

— Там покупали. Сейчас надо людей в магазин послать, все проверить. И в газете объявление дать, мало ли кто еще компот покупал. Теперь скажу тебе о главном. Для чего и приглашал. Есть агентурные данные — ходит по деревням человек, выдает себя за чекиста. Отбирает оружие, ценные вещи, шантажирует...

— А может, и правда кто из чека?

— Да ты что! Мы бы тут знали. Но и то верно, что не наш. Скорее всего гастролер питерский. Займись-ка этим перво-наперво. Людей и так много обиженных. А этот ходит — от имени Советской власти притесняет. Люди ведь не разбираются, все на нас валят. Займись, Прокофьев. А револьвер мы тебе выдадим. Потерпи немного...

...Утром, как обычно, Андрей Прокофьевич встал рано, подсыпал Шурке овса. Ребята принесли ему ведро ледяной воды из проруби, благо река в ста метрах от дома. Им всегда доставляло удовольствие поливать отца из ковшика, смотреть, как он растирает крепкое, мускулистое тело снегом, потом полотенцем. Красный, дымящийся на морозе, он подбегал к самодельному турнику, надевал старые рукавицы, чтобы не примерзли руки к железу, и подтягивался раз тридцать. Потом бежал домой бриться, на ходу заталкивая кого-нибудь из ребятишек в сугроб. И всегда сокрушался, что так и не смог всерьез приохотить никого к зарядке.

— Ничего, послужите в армии — там вас приучат,— обещал он мальчишкам.

Василий Андреевич вспоминал, что никогда не видел отца выпивающим. А про курево уж и говорить не приходится — Андрей Прокофьевич был заядлым противником табака.

— Завтра Никола,— сказал, собираясь в волостное управление, Андрей Прокофьевич и посмотрел на сына.

— Сегодня в ночь пойдем самогонщиков ловить,— понял немой вопрос Василий.— В ячейке мы уже наметили избы. Перво-наперво к тем, кто торгует.

— Правильно,— похвалил отец.— Только не скандальте, не собачьтесь с людьми.

В двадцатом году Василий вступил в комсомольскую ячейку, и одним из постоянных поручений у него была борьба с самогонщиками. Задерживали многих. Изымали самогонные аппараты, выливали зелье прямо на землю. Были случаи, когда приходилось составлять протокол на родителей своих деревенских приятелей.

— Ты, Василий, с приятелями встречаешься, в ячейке у себя разговоры разговариваешь — услышишь невзначай, что по деревням секретный агент ходит, оружие отымает,— на ус намотай. Порасспроси, где это было. У кого реквизировал...

— А что за агент, батя? — насторожился Василий.

— Агент и агент. Придет время — познакомимся поближе. А сейчас я и сам не знаю. Идет слух в народе, а я вроде бы и ни при чем. Неудобно. Милиционер все должен знать.

— Ладно, узнаю что — скажу.

— И лишнего не болтай,— попросил Андрей Прокофьевич для порядка. Знал, что на детей своих положиться всегда может.

Не выходил у него из головы этот «секретный агент»!

«В Кобоне я ничего не узнаю,— думал Прокофьев.— Сюда он не сунется. Наверняка по деревням работает. Народ там доверчивый, простой, там и мне поискать надо».

Первые отрывочные сведения о «секретном агенте» Андрей Прокофьевич получил в середине января. На льду канала пограничники обнаружили труп старой женщины. Взяв с собой фельдшера, Прокофьев отправился на место происшествия. Около трупа, наполовину заметенного снегом, стоял красноармеец, да несколько баб поодаль тихо переговаривались. Глядя на лежащую в снегу маленькую, будто съежившуюся женщину, одетую в короткое плюшевое полупальто, Прокофьев решил, что умерла она скорее всего от болезни или от голода. Видел он эту женщину впервые.

— Убийством тут и не пахнет,— сказал он фельдшеру.

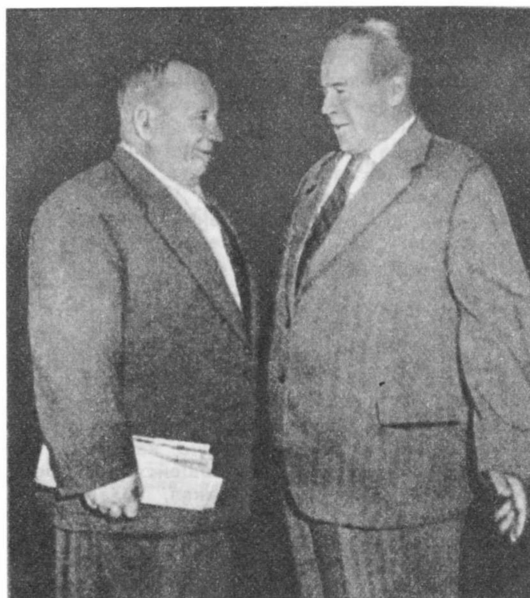
— Посмотрим, посмотрим.— Фельдшер был хмур и неразговорчив, от него несло сивухой, и Андрей Прокофьевич сердито подумал: «Чего ты, похмельный, увидишь тут!» Но упрекать фельдшера не стал. Мужик он был безот-

СВЕЖИЙ ВЕТЕР

Школа в Кобоне.

Александр Андреевич и Василий Андреевич Прокофьевы на XXI съезде КПСС.

казный, поднимался на выезд и днем и ночью по первой просьбе Прокофьева.

Пока он возился с покойницей, Андрей Прокофьевич вынул из снега темную вязаную кошелку, раскрыл ее. Там лежали две небольшие плитки жмыха и вяленый лещ. Положив кошелку в сани, Прокофьев подошел к бабам, поздоровался, кивнул на покойницу:

— Похоже, не наша?

— Из Самушкина бабка,— сказала одна из женщин.— Зовут Матреной, а как фамилия, не знаю.

— Из Самушкина? Эко ее занесло в наши края.

— Счас не потопаешь, так не полопаешь,— продолжала та же женщина. Прокофьев вспомнил, что учился вместе с ней в школе, только на класс старше. Жила она рядом со священником Иваном Тимониным, у которого, единственного в селе, был хороший плодовый сад, предмет вожделений всех кобонских мальчишек. Все это он помнил прекрасно. И сейчас живо представил себе эту женщину молодой. Кажется, дружила она тогда с Пелагеей Лукиной. И фамилию ее вспомнил — Пименова. А имя вспомнить никак не мог.

— У Матрены дочка в Выставе живет. Может, гостила у нее,— сказала другая женщина и всхлипнула.

— Пошли, бабы,— сказала Пименова.— Прокофьев и сам тут разберется. На то и милиционером поставлен.— Она перекрестилась и медленно пошла к домам. Следом за ней потянулись остальные.

Андрей Прокофьевич с фельдшером положили труп в сани.

— Ну что скажешь, медицина? — спросил Прокофьев.

Фельдшер пожал плечами.

— Истощена до предела. Думаю, сердце. Ей и лет-то, наверное, уже за семьдесят.

В Выставе Прокофьев разыскал дочь умершей. Узнал, что старухе и правда было уже семьдесят четыре года. Звали ее Матрена Ивановна Ульянова. Дочь выслушала милиционера спокойно. Не заплакала, не запричитала. Опустила голову и несколько минут сидела молча, не шелохнувшись. Только короткие, распухшие в суставах пальцы непроизвольно чертили на темном дощатом столе какие-то замысловатые фигуры.

— Ты уж не убивайся очень,— ласково попросил Прокофьев, испугавшись, как бы женщине не стало плохо.— Пожила покойница свое.

— Я так и знала,— отрешенно сказала дочь.— Как вчерась вечером она не появилась, разом и подумала: значит, беда. Хотела искать, да куда от маленьких уйдешь? Старшую-то пристроила в Питере, без няньки осталась.

— А муж? — поинтересовался Андрей Прокофьевич.

— Все воюет! — зло сказала женщина, и Прокофьев не стал больше ни о чем ее расспрашивать. Рассказал, когда можно забрать тело, и попрощался.

На улице его поджидал мужчина.

— Слышал, вы милиционер из Кобоны?

— Милиционер,— все еще находясь под впечатлением разговора с дочерью погибшей, ответил Прокофьев.

— Имею к вам вопрос.— Мужчина был лет сорока, чернявый. Андрей Прокофьевич обратил внимание на его взгляд — то ли мужчина был косой, то ли не привык смотреть в глаза собеседнику, но смотрел он куда-то вбок. Прокофьеву он не понравился.

— Коли простой вопрос — так отвечу. А если заковыристый — приходи ко мне за ответом в Кобону.

— Простой, простой! — сказал мужчина с угрозой.— Винтовку мою изъяли, обещали справку — а где она, эта справка? Где? Я ведь до Питера дойду!

— Ну-ка, ну-ка! — насторожился Прокофьев.— Винтовку твою изъяли? Почему сам не сдал — сказ особый. А кто ж у тебя изъял?

— Кто! Ваш брат, чека. Власть себе захапали...

— Давай, мужик, по порядку,— строго сказал Прокофьев.— Ты где живешь? Дом твой где?

Мужик кивнул на большой, с амбарами, дом.

— Этот.

— Вот давай пойдем к тебе и обо всем потолкуем...

Мужика звали Антоном Петровичем Пашковым. Неделю назад к нему пришел молодой человек и предложил сдать властям винтовку. Пригрозил: «Не сдашь, отправлю в Питер, в «Кресты». Молодой человек назвался секретным агентом чека.

— А документы, документы предъявил? — с нетерпением спросил Прокофьев.

— Документы! — презрительно сказал Антон Петрович.— Тужурку расстегнул и по кобуре себя похлопал. Вот и все ваши документы.

— Да будет тебе! — рассердился Прокофьев.— Что всех-то мажешь дегтем? Сам раззява. Документ спрашивать надо!

Пашков вдруг сразу сник, вздохнул тяжело:

— Чего мне было хорохориться? Винторез вовремя не сдал. На чердаке разобранным спрятал. А тут явился как снег на голову. Сдай — и точка. И справку пообещал. Счас, говорит, печати при мне нет. А мне справка вот как нужна! — Пашков провел ладонью по горлу.— Мне ж теперь никто не поверит, что сдал.

— И правильно сделает! — не стал утешать мужика Андрей Прокофьевич.— В деревне знали, что у тебя винтовка?

— Знали. Разве утаишь? Было дело — на лося сходил в прошлом году. Свояка на свежатину пригласил...

— Понятно. Значит, и в соседних деревнях знали. Свинья скажет борову... Какой он из себя, этот чекист?

— Молодой. Настырный. Глазами так и давит...

— Ты по делу говори. Рост? Как одет?

— Роста среднего. Года двадцать четыре, двадцать пять. Светленький.— Пашков посмотрел на Прокофьева, добавил: — Без усов. Тужурка зеленая, новенькая. Галифе. Фуражечка красивая, козырек лаковый. В аккурат — тайный агент.

— А ты хоть раз такого агента видал? — усмехнулся Андрей Прокофьевич.

Пашков смутился.

— Грамотный?

— Кто? Я?

— Ты, ты.

— Грамотный.

— Возьми бумагу и напиши обо всем,— попросил Прокофьев.

VI

...Шли недели, месяцы, а человек, выдававший себя за «секретного агента», больше нигде не появлялся. Но дел и без него у Прокофьева хватало. Чтобы представить, как много — и каких разных! — вопросов приходилось решать волостным милиционерам, приведу выдержки из нескольких донесений тех лет:

«Начальнику милиции Новоладожского уезда.

Доклад о месячной деятельности 4-го участка Новоладожского уезда за март 1921 года.

Имею честь доложить.

Сопротивления и выступлений против власти не было, взгляд и отношения граждан участка к Советской власти разные, часто бывают обострения против Советской власти некоторыми гражданами ввиду того, что таковым не чего не поясняется и поступают с таковыми с большим давлением и без всякого пояснения. Такие дела принимаются к сведению и разъяснением улаживаются, а кто вводит дезорганизацию и обостряет граждан... привлекаются к ответственности.

Милиционер Хованский».

«Имею честь доложить...» Наверное, этот Хованский служил в армии писарем или начитался старых реляций. Одно из донесений, кстати, даже написано на обороте дореволюционной депеши Солецкого волостного правления Санкт-Петербургской губернии. Начинается оно словами: «Его Высокоблагородию

господину приставу I статьи Новоладожского уезда». И герб царского МВД.

Да, по части стиля изложения милиционер Хованский особенно не блистал, но суть отношений Советской власти с населением понимал правильно.

Другой милиционер — из села Шум — докладывал в апреле:

«Отправлено дезертиров в уезд — красноармейцев 16, дезертиров труда — 27 чел., а также произведен массовый выгон на работы.

Железнодорожных дезертиров отправлено на ст. Званки 6 чел.

Протоколов составлено 19.

Провокаций с кулацкими замашками — не было.

Прений с учереждениями не имею.

Примечание: Было масса случаев по вызову на места для устройства земельного вопроса».

Каждый месяц писал такие же отчеты и милиционер Прокофьев. Их, к сожалению, в архивах не сохранилось.

Но и Андрею Прокофьевичу приходилось не раз ходить, как писал в своей докладной его сосед из села Шум, «по вызову на места, для устройства земельного вопроса».

VII

И вот — новая весточка о «секретном агенте».

Житель Новой Ладоги Андреев ехал в Петроград хлопотать помилование своему сыну, осужденному за драку. В вагоне разговорился с молодым мужчиной. Слово за слово — выложил своему попутчику то, что на сердце лежало. Надежды на успех было мало — драка закончилась тяжелыми увечьями. «Останусь на старости лет без кормильца», — жаловался Андреев.

Попутчик посочувствовал, а потом, загадочно поглядев на Андреева, сказал, что его горю можно помочь. Они вышли в тамбур. Закурили. Мужчина расстегнул пиджак и похлопал по кобуре, пристегнутой к широкому ремню. «Служу в чека. Секретным агентом. Ловлю контру, но хорошему человеку могу и посодействовать». Потом сказал Андрееву, что его сына можно взять на поруки, но кое-кому придется дать взятку. Денег у Андреева с собой было немного — пятьсот рублей. В придачу к ним он отдал «секретному агенту» еще и свою новенькую тужурку.

На все попытки Андрея Прокофьевича разузнать поподробнее приметы попутчика Андреев разводил руками:

— Сурьезный мужчина. Хоть и молодый. Лицо как лицо. Не косой, не урод. Вроде как светленький...

...— Дядя Андрей! Дядя Андрей! — Белоголовый мальчишка лет десяти — Прокофьев сразу узнал его, сынишку секретаря сельсовета Ивана Короткова, — бежал сломя голову к дому. — Там Егора Постнова[1] убивают. — Глаза у Кольки были полны ужаса.

Андрей Прокофьевич, копавший в огороде гряды, воткнул лопату в землю, снял гимнастерку с забора.

— Скорее, дядя Андрей! — Мальчишка чуть не плакал. — Кровища у Егора хлещет.

— Да где дерутся, скажи толком? — на ходу натягивая гимнастерку, спросил Прокофьев.

— У кладбища. На Гладком поле. Егор межу у Гаркушиных запахал...

Андрей Прокофьевич только чертыхнулся с досады. Он уже давно был готов к этой ссоре. И председателя сельсовета предупреждал. Когда давали наделы, Гаркушину и Постнову достались они рядом, через межу. Земля, как у всех, не хуже, не лучше. Супесь. Оба мужика посеяли в первый год там жито, только у Гаркушина жито уродилось низкорослое, редкое. Взял он всего сам-два. И все от лени. Осенью не вспахал, навоз на сторону продал. А потом и вовсе заросло поле бурьяном. Гаркушин рыбачил, возил рыбу в Петроград на рынок, помогал вдовам латать старые домишки.

Егор Постнов несколько раз просил сельсовет отдать ему надел Гаркушина хотя бы временно. Пока детей на ноги поставит. Многие мужики в сельсовете и рады были пойти навстречу, но нашлись крикуны, под стать самому Гаркушину. «Нет такого закону, чтобы кулаков плодить!»

— А на земле бурьян растить — такой закон есть? — возмущался Прокофьев, но сделать ничего не мог. Уездное начальство поддерживало в ту пору крикунов.

...Когда Андрей Прокофьевич прибежал с Колькой на поле, страсти там уже поутихли. Постнов сидел рядом на канаве, прислонившись к стволу березы. Голова закручена белой тряпкой, наверное, разорванной рубахой. Неестественно бледное от потери крови, отрешенное лицо и потухшие, безразличные глаза. Рядом всхлипывала его жена, Татьяна, маленькая тихая женщина... Два сына — двойняшки лет по шесть — испуганно смотрели, как по распаханному полю, зло поддавая комья теплой земли, метался Гаркушин. Секретарь сельсовета Иван Коротков выпрягал из плуга тощую лошадь.

— Чем он тебя? — спросил Прокофьев у Постнова. Тот пошевелил спекшимися губами, хотел ответить, но жена опередила его:

— Лопатой, ирод. Как только голову не снес.

— Надо к фельдшеру.

— Я ему йодом залила, — сказала жена и, словно в подтверждение, показала свои побуревшие от йода пальцы. — Счас домой отведу, травка у меня есть.

— Травка травкой, — строго сказал Андрей Прокофьевич, — а фельдшера позови. Он бумагу для суда составит. — Сказал громко, чтобы услышал Гаркушин.

— Уже судом грозится! — крикнул тот, все еще продолжая пинать землю. — А межи распахивать — это, значит, по закону? Ты, милиция, сам два душевых надела имеешь, потому и потакаешь хулиганам. — Гаркушин наконец приблизился.

— Где лопата? — спросил Прокофьев.

— Зачем тебе моя лопата? — огрызнулся мужик.

— Лопату мне принеси, Петр Григорич, — спокойно сказал Прокофьев.

Гаркушин молча пошел к меже, принес лопату. Прокофьев осмотрел ее. На лезвии темнели бурые пятна крови.

— Э-эх! — с огорчением, тихо сказал Прокофьев. — Этой лопатой землю копать бы да копать, а ты на человека ее поднял. Теперь уж это не лопата, а вещественное доказательство. Будет по судам пылиться.

— Ты никак меня упечь собрался? — сощурился Гаркушин.

— А ты что думал? В суд дело передам, а уж там пускай решают. Лопаты на людей поднимем — вся земля в России бурьяном зарастет.

— Ну, Прокофьев, меня засадить — на это у тебя руки коротки! Ты бы лучше Егора к ответу потянул.

— Я ответа не боюсь, — тихо сказал Постнов. — Ты, сволочь, два года земли рукою не коснулся, все шабашишь! А у меня ребятишки к весне от голода пухнут.

Подошел Коротков. Привел лошадь, стреножил. Пустил пастись на канаве, где только-только пробивалась молодая травка.

— Ты меня, Прокофьев, в свидетели запиши. Мы с Колькой видели, как Петр лопатой махал. — Он обнял сына, прижал к себе. — А как с землей быть — на сельсовете порешим. Не стоять же ей, право слово, пустой...

VIII

Андрею Прокофьевичу приходилось много писать — протоколы задержаний и дознаний, ответы на многочисленные запросы и приказы уездного начальства. А приказов в те годы издавалось много. Бумага плодила бумагу. Власти время от времени вынуждены были начинать борьбу и с бумагами.

Телеграмма:

«Начальнику Новоладожской милиции.

Управление Петгубмилиции предлагает в будущем не издавать двух приказов в одни и те же сутки в которых совершенно не является необходимость.

Начальник Петгубмилиции».

Попадали к Прокофьеву и письма совсем другого рода. Написанные печатными буквами или совсем неразборчивым почерком, то на обычной промокашке, то на обрывке листка из школьной тетради, эти письма подсовывали под дверь, когда дома никого не было, бросали в форточку служебного кабинета в здании сельсовета.

«Кузнецов Петр Иванович со станции Назия по дошедшим ко мне сведениям ведет антисоветскую агитацию, а также в частном разговоре с заведующим железнодорожной лавкой с гр. Гвоздевым установлено, что усилено агитирует и просто называет советской грабиловкой железнодорожный кооператив. Означенный Кузнецов по его собственным словам состоял членом истинно русских людей. В чем подписуюсь». И цифры 2005.

Что за цифры — Андрей Прокофьевич в толк взять не мог. На всякий случай побывал у начальства в Новой Ладоге. Там только руками развели. Но твердо сказали:

— С Кузнецовым разберись. Может, он и правда контра.

— Ну что же я подметные письма всерьез принимать буду! — попробовал возразить Прокофьев. — Так ведь злые люди счеты сводить начнут. А мне на воров да дезертиров времени не останется.

— Ты за советом пришел? — пристально глядя на Андрея Прокофьевича, спросил Мельников. — Я тебе посоветовал. А сказать: подотрись этой бумажкой — не могу.

Прокофьев не поленился, съездил на станцию Назия, выяснил, что Кузнецов — мужик как мужик. Ни в чем плохом не замечен. А продавца в железнодорожном магазине однажды покрыл трехэтажным матерком. За обсчет. Что было, то было.

«Небось, продавец и настрочил, — подумал Прокофьев. — Затаил злобу, да решил сквитаться». Спрашивать у продавца, почерк сличать не посчитал нужным. Некогда было разбираться. И на такие подметные письма с той поры Андрей Прокофьевич внимание обращать перестал. Рвал да выбрасывал в канаву. Оставлял себе только те, где говорилось об оружии:

«Летучий протокол. Разузнал секретом Пролетарской волости деревни Чернецкое имеют две винтовки 1891 года образца, русские 3-линейки». Или: «У гр. Александра Кузнецова винтовка и наган русс. системы».

Прокофьев ловил мелочных воров, жуликов, дезертиров. В уезде не было таких громких дел, как ограбление швейсиндиката в Москве братьями Портерами, полной драматизма эпопеи по ликвидации банды Леньки Пантелеева в Петрограде. Не крали в Новоладожском уезде бриллианты и меха, не «брали» банки по причине их отсутствия. Не печатались в столичной прессе сенсационные статьи о том, как охотились агенты уездного УГРО на знаменитых медвежатников. Но для крестьянина, у которого весной украли мешок зерна или семенную картошку, для женщины из поселка, оставшейся без продовольственных карточек, такая, казалось бы, заурядная кража была трагедией. Вопросом жизни и смерти. И Прокофьев не жалел ни сил ни времени на распутывание таких «нехитрых» дел. Его здравый смысл, природная сметка заменяли ему юридическое образование и практический опыт королей сыска. Иногда он не бывал дома неделями. Ночевал то в одной, то в другой деревне у знакомых, а то и у чужих людей. Разыскивал украденное сено, рамы, снятые со старого дома, сети и мережи, вытащенные из озера. Обидно было, когда такие долгие отлучки из дому выпадали на разгар полевых работ или на путину. Домашним приходилось тяжело. И уж тут Андрей Прокофьевич пытался хоть на несколько часов, хоть на ночь заглянуть в Кобону.

Прискачет на взмыленном коньке, крикнет:

— Мать! Распряги Шурку! Да всыпь овса.

А сам побросает в лодку сети, парус поставит — и в озеро. И ни холодный сиверко, ни порывистый шелонник его не останавлива-

[1] Фамилии в этом эпизоде изменены.

ли. И никогда без рыбы Андрей Прокофьевич не возвращался.

Сын его, поэт, писал в автобиографии, что были они «рыбаки мелкие, ершовники», но это скорее поэтический образ. Ерш за рыбу в то время на Ладоге не почитался. Ловили судака, леща, сига. Да и красная рыба попадалась. До революции местные прасолы встречали рыбаков прямо у берега, при входе в канал, выбирали лучших сигов, обязательно живых. На своих карбасах, в бассейнах с ладожской водой, доставляли сигов прямо в Петербург. Окончательный расчет зависел от того, как прасолам удавалось сбыть рыбу в столице.

Василий Андреевич Прокофьев вспоминал в одном из писем, что рыбы в семье хватало на весь год.

Как-то вернувшись с озера, Андрей Прокофьевич застал у жены соседку. Оживленная беседа при его появлении прервалась. Прокофьев заметил, что Анна Степановна, выразительно посмотрев на соседку, кивнула в его сторону.

— Что у вас, бабоньки, за секреты? — спросил Андрей Прокофьевич, усаживаясь за стол и приглаживая ладонью свои коротко остриженные волосы.

— Братки Лукины повздорили,— сказала женщина.

— Впервой, что ли? — усмехнулся Прокофьев.

— Федька раненый. Дома лежит. Мать-то сказала — может, и помрет.

— Раненый? — насторожился Прокофьев.— Что ж у них там произошло?

— Федор залез к Мишке в дом, украл гимнастерку,— сказала Анна Степановна. Михаил, старший из братьев Лукиных, был портной.

— А он его ножичком? — удивился Андрей Прокофьевич.— Родного брата?! Ну что ж, надо разбираться. Корми меня, мать, да пойду к Лукиным.

Дом Лукиных стоит предпоследним по каналу. Небольшой, запущенный, с маленьким огородом. Лес начинается прямо у забора — сосны, березы. Но больше ольха да чернотал.

Лукин лежал в горнице на смятой, нечистой постели. Лицо бледное, глаза запали. Посмотрел на Прокофьева зло и тут же отвел взгляд.

— В каком бою, Федя, рану получил? — спросил Андрей Прокофьевич, пододвигая к кровати лавку и усаживаясь.

— Да так, на гвоздь напоролся...— нехотя выдавил Лукин.

— Не ржавый гвоздь? Покажи-ка мне, где он торчит. Чтобы самому не напороться.

— Вам все шутки, дядя Андрей.

— Какие уж тут шутки! Вся Кобона судачит, как ты у Мишки гимнастерку украл.

— Раскудахтались...— Федор зло выругался.— Это наше с Мишкой дело. Не встревайте.

— Ваше дело — воровать да поножовничать, а наше — чтобы порядок на селе был. У тебя, Федька, уже не первый случай. Так что не отвертишься.— Андрей Прокофьевич раскрыл свою папку, достал лист бумаги. Спросил строго:

— Правая рука действует?

Лукин угрюмо кивнул.

— Напишешь подписку о невыезде. Чтоб не сбежал, пока суд да дело. А я за твоего Мишку возьмусь да фельдшера пришлю. Не показывался ведь ему?

Федор не ответил.

«Федор Киприянович Лукин.

Я, нижеподписующийся, гражданин села Кобона Шумской волости Лукин Федор Киприянович даю сию подписку милиционеру Прокофьеву в том, что от суда и следствия не уклоняюсь и по первому требованию явлюсь и из пределов волости без разрешения Волисполкома не выезжаю в чем и подписуюсь».

И витиеватая, как на старинном документе, подпись.

Дело это пришлось закрыть: оба брата Лукина твердили тогда, что никакой драки не было,— люди, мол, оговорили. Свидетелей Прокофьеву найти тоже не удалось. Не любят в деревнях ходить в свидетелях. Не ровен час — сам получишь ножик в спину. Да и время-то какое было! Советская власть готовилась отпраздновать свое первое пятилетие, прошедшее в нескончаемых войнах с внутренним и внешним врагом. Находились еще мужички-тугодумы, сомневающиеся в ее прочности.

Фельдшера Федор Лукин до себя не допустил. Твердил, что поранился случайно, что скоро все заживет. Видать, и правда, зажило на нем быстро, как на собаке — через неделю исчез из Кобоны, несмотря на данную Прокофьеву подписку, и долго не появлялся.

А через месяц нарочный привез Андрею Прокофьевичу из уездной милиции известие о том, что Федор Лукин арестован в Волхове за ношение огнестрельного оружия. У него отобрали револьвер системы «наган».

«Ну, Федька! — изумился Андрей Прокофьевич.— Неужто всерьез на скользкую дорожку свернул? А парень был как парень. В школе с моим Василием учился. Нужда заставила? Да ведь и все мы концы с концами елеле сводим. А этот и сапожничать научился! Можно хороший приработок иметь. Брат — тот портной!— Он вздохнул. Вспомнил бледное лицо Лукиной, какие-то стылые, безразличные ее глаза.— Батьки в доме нет. Безотцовщина. Слишком много воли с беспорточных лет Федька взял. Слишком много...»

Но сразу после ноябрьских праздников Федор Лукин, приговоренный к двум годам лишения свободы, появился в Кобоне. Советская власть амнистировала в пятилетнюю свою годовщину большую группу заключенных. У волостных милиционеров прибавилось работы.

Не прошло и несколько дней, как к Прокофьеву прибежал запыхавшийся мужик из деревни Мостовая — Зудин. Изрядно напуганный, да к тому же косноязычный, Зудин долго не мог потолковее рассказать Андрею Прокофьевичу, что же с ним приключилось. Твердил, как попугай, что его хотели убить и ограбить. И все совал Прокофьеву свою большую мерлушковую шапку, которую якобы прострелил бандит.

Андрей Прокофьевич долго вертел шапку так и сяк, разглаживал мех, смотрел подкладку — никакой дырки на шапке не было.

— Давай-ка лучше попьем с тобой, Зудин, чайку, а за чаем головы наши и прояснятся,— предложил Прокофьев.

Зудин во время чаепития и впрямь успокоился и толково обо всем рассказал.

Шел он уже в темках домой со станции Войбокало, и в лесу, недалеко от того места, где сосняк кончается и начинается поле, в километре от деревни, из-за кустов вышел мужик с пистолетом. И сказал:

— Ну-ка, дядя, скидавай пальто да шапку. И прохаря не забудь!

— Так и сказал — «прохаря»? — переспросил Прокофьев.

— Так и сказал.

«Из блатных, значит. Гастрольный,— подумал Андрей Прокофьевич,— наши таким словечкам еще не научились».

— Я ему — побойся бога, к Николе только справил и пальто и шапку. Два пуда жита в город отвез. «Вот и хорошо,— говорит этот нелюдь.— Только побыстрей раздевайся, а то пущу юшку!» Ну я ждать не стал, подумал: господи, пронеси, Иисусе Христе. И рванул петлями, как заяц. Он бах, бах. Чую, шапку прострелил. Ухватил ее в охапку и дальше.

Прокофьев засмеялся. Улыбнулся и Зудин.

— Тебе хорошо смеяться. Попиваешь тут чай! Ходил бы лучше по лесам да людей берег!

— Эх, Зудин, Зудин! Лесов-то у нас много. А болот и вовсе не перечесть. А я один. Да и чай пью не каждый день. Ну ладно, рассказывай, какой он из себя, бандит.

— Какой, какой... В темках разве углядишь? Росту большого. Наган в руке...

— Разглядел, что наган?

— Я ж говорю — темно. Попробуй увидеть. Да я и не напрягался. Вижу, какой-то пистоль.

— Мужик не местный?

— Да в темках же было,— опять начал Зудин, и Андрей Прокофьевич почувствовал, что потерпевший что-то скрывает. Сначала рассказывал откровенно, без оглядки, а тут вдруг будто съежился.

— Был бы местный, ты и в темках узнал. И голос ведь он подал, как не узнать?

Зудин напрягся и долго молчал.

— Боишься? Узнал ты его, приятель, чую, узнал. Думаешь, промолчишь, так пронесет? Ты, наверное, за те два пуда, что в Питере продал, и женке обновку справил? Не жмот же? А женщине всегда чего-то красивого хочется. Так и возьми в голову — уж раз бандит гулять с оружием пошел по нашим дорогам, он все одно кого-то подкараулит. Может, и жену твою.

Она у меня красавица.

— Или дочку,— согласился Прокофьев.

— Или дочку,— сказал подавленно Зудин.—

— Понимаешь, Прокофьич.— Зудин перешел на шепот.— Вроде бы узнал я его. И по голосу тож. Но не оплошать бы.

— Кто? Чего жилы тянешь?

— Федька Лукин. Голосок у него — из семи досок. Проклятая душа! Думаю, что он. Но писать я на него не буду. Сам лови. А, Прокофьич?

— Ладно. Пока без тебя обойдусь,— пообещал Андрей Прокофьевич.— А там видно будет.

«Опять, значит, Федька при оружии,— думал Прокофьев, проводив Зудина.— Откуда оно у него только берется? Наделает Лукин нам беды, ох, наделает. А если еще дружка-приятеля подберет себе...— Андрей Прокофьевич прикинул, сколько времени просидел Федор Лукин в тюрьме.— Хоть и не велик срок, да на дурную науку хватит. И корешей мог себе там приобрести».

Медлить было нельзя. Прокофьев зашел домой к председателю сельсовета, рассказал ему о случае с Зудиным. Поделился своими мыслями:

— Если я у Лукина оружие не найду, Зудин от своих слов откажется. Как пить дать, откажется. Напуган, как карась щукой. А увидит, что Федька с поличным взят,— может язык развязать. Выход один — нагрянуть с обыском.

Председатель сельсовета согласился с Прокофьевым. Посоветовал обратиться за помощью к пограничникам.

На рассвете Андрей Прокофьевич с двумя понятыми и с красноармейцем с погранзаставы пришли в дом Лукиных. С трудом разбудил Федора, наслушавшись от него матерков.

— С обыском мы к тебе, Федор,— сказал Андрей Прокофьевич, когда Лукин наконец вылез из постели и натянул брюки.

— Чего еще за обыск? — хмуро спросил парень.— Я Советской властью освобожден по амнистии. Документ тебе, Андрей Прокофьевич, показывал.

— По склизкой дорожке ходишь, Федор. Пора остепениться. Оружие имеешь?

— За оружие в домзаке отсидел.

— Все равно найдем. Если есть, лучше сам выкладывай.

— Нету,— отрезал Лукин.— Разве что нож сапожный. Вострый ножичек, дядя Андрей.

— Уж не таким ли тебя братка твой учил?— спросил Прокофьев, разглядывая багровый шрам на плече Лукина.

— Не вяжись ты ко мне, Прокофьев. Не вяжись! Можешь весь дом перерыть. Не найдешь ничего.

Лукин встал со скамьи, лениво потянулся, медленно, вразвалочку подошел к русской печи и вдруг неуловимо быстрым движением выдернул из-за занавески тесак. Глаза у него сузились, лицо, будто судорогой, свело от злости.

— У-у, мильтон! — заорал он и с силой замахнулся на Андрея Прокофьевича. Прокофьев отпрянул.

— А ну не балуй! — крикнул красноармеец, вскинув винтовку.

Лукин бросил тесак на стол и усмехнулся.

— Это оружие ты искал? Забери, подавись.

Несколько часов обыскивал Прокофьев дом. Слазил на чердак, осмотрел хлев, сарай. Пистолета не было.

Окончание следует.

гости «огонька»

ЧТО ТАКОЕ ЧУДО

Раиса Виноградова — вентролог. По-русски — чревовещатель. Жанр был редким всегда, а сейчас, по мнению многих специалистов, вентрология на грани исчезновения: все реже и реже встречаются люди, обладающие этим необыкновенным даром.

История жанра уходит в глубь тысячелетий. Считается, что первым известным вентрологом была прорицательница Пифия: именно так объясняют чудо Дельфийского оракула. Известным в истории жанра был австрийский вентролог фон Менген — он первым стал вести диалог с куклой. Огромный успех выпал на долю немецкого вентролога Александра Ваттемара, гастролировавшего в России в 1834—1840 годах. В свое время Пушкин, пораженный его искусством, подарил ему несколько стихотворных автографов.

Необычное вызывает и в наши дни интерес, но, как, правило, он быстро гаснет, поскольку просто фокус не способен надолго удержать внимание. Концерты же Виноградовой длятся иногда по полтора-два часа, но зрители неохотно отпускают ее со сцены. Она не интригует сидящих в зале, но интерес к номеру от этого не ослабевает.

А началось все случайно, с куклы. Виноградова окончила вокальную студию, работала на эстраде, выступала с известными композиторами — Аверкиным, Пономаренко. С благодарностью вспоминает Ирму Петровну Яунзем, от которой многому научилась. Казалась определившейся ее артистическая судьба. Будущее было ясным и связывалось только с песней. Музыкальная одаренность, мягкий, красивый голос полюбились слушателям.

Но однажды певица увидела Кирюшу. Эту куклу сделали для одного известного артиста, а она не устроила его; Виноградова куклу купила, как говорит сейчас, «не зная, для чего», и два года Кирюша просидел в кресле, дожидаясь своего часа. Наконец он пробил! Виноградова увидела выступление вентролога и решила попробовать сама. Она говорит, что если бы ей тогда объяснили научно, подробно, как все это должно происходить, у нее ничего бы не вышло, и Кирюша остался бы безмолвно сидеть в кресле. Проработав с ним три года, актриса и сейчас утверждает, что стоит ей задуматься, каким образом рождается у нее тот или иной звук, и... ничего не получается! Но Кирюша-то ожил! И стал «работать».

Эстрадный номер сразу привлек внимание: Виноградову стали приглашать на телевидение; она удачно выступала в самых разных городах нашей страны и огромный успех имела в зарубежных поездках. Одиннадцать сборных команд Советского Союза аплодировали ей и Кирюше. На его потрепанном синем костюмчике десятки значков, среди них «За дальний поход», «Отличник милиции», эмблема Аэрофлота — все это подарки зрителей. Везде Кирюша вызывает неизменный интерес, живой отклик и даже сочувствие. Отношение зрителей к кукле само по себе не менее уникально, чем удивительный дар Виноградовой. «Как он говорит?», «Как он смеется?», «А может, это маленький магнитофон?», «А может, там внутри настоящий человек?».

На одном телевизионном концерте ведущий, задав кукле вопрос, протянул микрофон для ответа Кирюше, а не артистке. И тут нет ничего странного: настолько сильно обаяние образа. Слушая, как Виноградова о чем-то спрашивает куклу, все сразу переводят взгляд на Кирюшу: что он ответит? Хотя, по логике, тут-то и выяснять бы подоплеку фокуса: смотреть, не двигаются ли у артистки губы, не напрягаются ли мышцы шеи.

Кирюша не всегда вежлив и деликатен. Главное, он всегда естествен. Вызывающе рыжий, лупоглазый — ни в коей мере не пай-мальчик. Выступающая с ним Виноградова обуздывает его стихийную, будто «плохо управляемую» натуру, мягко, но настойчиво. Вряд ли артистка пошла этим путем намеренно. Скорее образ создавался интуитивно — его подсказал артистический талант Виноградовой.

Главное в этом номере, что своим редчайшим даром исполнительница пользуется как вспомогательным средством: именно для создания сценического образа, надо сказать, очень яркого; Кирюша завораживает живостью, непосредственностью, вызывает улыбку и восхищение: ведь он не только говорит, он и поет. И не только по-русски. Он владеет латышским, чешским, английским...

В гастрольной поездке по Индии Виноградову прекрасно принимали, но в шутку заметили, что, выступай она на сотню-другую лет раньше, у нее была бы одна дорога — на костер: за колдовство! Они с Кирюшей вели на хинди всю программу, пели знаменитую песенку из «Бродяги»; само по себе это могло показаться не только удивительным, но просто невероятным. Однако актриса говорит, что все было очень просто. И всем начинает казаться, что действительно не так уж и сложно: подумаешь, хинди... А сидящий у нее на руках несравненный Кирюша нетерпеливо дрыгает ногой и предлагает лучше поговорить о том прекрасном времени, когда у него будет сестренка Танюша...

Виноградова всерьез мечтает о маленьком вентрологическом театре, где куклы «сами» станут петь и говорить. Но пока мечты наталкиваются на множество трудностей. Первая и главная: у артистки до сих пор нет сценариев для ее выступлений. А ей давно необходим текст, написанный специально для нее, в расчете на ее данные. Сейчас у Виноградовой появился ассистент и аккомпаниатор — Анатолий Исафраилов. И она тут же решила ввести в свой номер прием мнемотехники. Насколько известно, никто из вентрологов ее не применял. Теперь Кирюша «угадывает» мысли на расстоянии. Какого труда стоило новшество исполнительнице, знает только она. Но работы не боится. Номер стал гораздо интереснее, еще больше всех завораживает «проницательный» Кирюша, для которого вроде нет невозможного.

Кирюша неожидан, необъясним. А иногда кажется, что он способен удивить даже свою создательницу... Так что же это такое, если не чудо?

Л. ЛУКЬЯНОВА

Теодор ГЛАДКОВ,
Аполлинарий СЕРГЕЕВ

Последняя Лоре

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

ГЛАВА 3

Ермолин любил поговорку, которую некогда услышал от старого эстонского рыбака на острове Сааремаа: «Гусята ходят гуськом». Он сам давно приметил, что информация, добрая или дурная — не столь важно, никогда не поступает равномерно, с регулярностью утренней газеты. Она сыплется то густо, то пусто. Так случилось и на сей раз. На другой день после того, как полковник Турищев сообщил о наличии связи между Дарьей Нурдгрен и Елизаветой Дальберг, которая является родственницей советского ученого-металлурга Сергея Аркадьевича Осокина, в Москву прилетела по семейным делам жена зарубежного представителя «Интуриста» Козлова Наталья Викторовна. По просьбе мужа она хотела встретиться с товарищами, ведущими следствие по делу о смерти советской туристки Инны Котельниковой. Козлову принял Турищев.

В результате обобщения информации, полученной ранее, и рассказа Натальи Викторовны Козловой Ермолин живо представил облик обеих неведомых ему дотоле женщин.

— Дарья Егоровна Нурдгрен — женщина лет за пятьдесят. Работает постоянно закройщицей в дамском ателье «Перфект», которое принадлежит мадам Дальберг. Поскольку Елизавета Аркадьевна Дальберг русская, у нее в салоне шьют платья, костюмы и пальто жены многих сотрудников советских учреждений: посольства, генерального консульства, торгпредства, представительств «Интуриста», «Аэрофлота» и других. Между собой советские женщины называют Елизавету Аркадьевну мадам Пудéль, с ударением на последнем слоге — на французский манер. Почему? Да потому, что когда открывается дверь салона и раздается мелодичный звон, оповещающий о том, что кто-то вошел, навстречу посетительнице выбегает красавец пудель черной масти по кличке Алкивиад. Пока посетительница и хозяйка сидят в креслах у столика с журналами мод и образцами тканей, обсуждают, что и как шить, пудель ласково бьет гостью лапой по ноге и требует, чтобы ему почесали за ухом.

Мерку снимает с заказчицы обычно Дарья Егоровна Нурдгрен, дочь бывшей прислуги Дальбергов. Мадам Дальберг знает ее с детства и называет Дашей. Между собой они говорят только по-русски. Девичья фамилия Дарьи Егоровны — Пантелеева. Она вдова, муж погиб во время войны. Детей у Нурдгрен нет, родственников тоже.

Елизавета Аркадьевна и Дарья Егоровна хорошо знают всех женщин из советской ко-

Продолжение. См. «Огонек» № 24.

лонии, знают, что им нравится, учитывают финансовые возможности, а также моду в СССР, даже в его отдельных районах. Им верят, потому что их вкус безупречен. Мадам Пудéль и Даша всех советских женщин называют по имени-отчеству, спрашивают о здоровье детей, знают адреса (готовые вещи Дарья Егоровна обычно привозит на дом). О себе почти ничего не рассказывают, кроме мод, кажется, ничем не интересуются.

Модельер Елизавета Аркадьевна изумительный. Если бы занялась этим делом раньше, а не на склоне лет, могла бы составить огромный капитал, возглавить международную фирму. Но время упущено, силы уже не те, и Елизавета Аркадьевна довольствуется тем, что название ее салона с уважением произносят во всех европейских домах мод. Не будучи миллионершей, Дальберг, однако, обладает достаточным состоянием. Шитье в «Перфекте» стоит хороших денег, а недостатка в клиентках нет.

С весны до осени, когда клиентов в салоне бывает немного, Дарья Егоровна уже много лет подряд подрабатывает в туристской фирме «Евротур» в качестве гида-переводчика. Представитель «Интуриста» в этой стране Козлов ее хорошо знает, считает организованной, пунктуальной, внимательной сотрудницей. Нурдгрен работает по преимуществу с советскими туристами. Всегда лояльна, быстро находит с ними общий язык, и они чувствуют себя в чужой стране проще, раскованнее. Несмотря на годы, она еще стройна и привлекательна. На прощальных вечерах, которые устраивает фирма для каждой туристской группы, любит потанцевать.

Никаких вопросов туристам о Советском Союзе Нурдгрен не задает. У женщин интересуется только последними русскими модами. Однажды Козлова с мужем встретили Дарью Егоровну на концерте московских артистов. Известный эстрадный певец исполнял песню «Ты позови меня, Россия». Козлова случайно бросила взгляд в сторону Дарьи Егоровны и увидела, что та плачет, даже не замечая собственных слез... В антракте Нурдгрен рассказала Козловой, что едва не разрыдалась, когда после войны впервые услышала в исполнении ленинградского оркестра Седьмую симфонию Шостаковича. Тогда же рассказала, какой радостью были для нее две поездки — в Москву и Ленинград.

В записи сообщения Козловой Ермолин отметил два момента, мелькнувшие в одной фразе: «Мне кажется, такая женщина, как Дарья Егоровна Нурдгрен, не может быть неискренней, такой скорее является ее хозяйка Елизавета Аркадьевна Дальберг. Это человек холодный, расчетливый и, по-моему, жестокий. Только эту жестокость мадам Пудéль прячет глубоко-глубоко».

Информация была интересной и важной, но сама по себе еще ничего не объясняла, а только порождала новые вопросы. Допустим, Дарья Егоровна привела Инну Котельникову и Юлию Ларионову в салон «Перфект» — в этом никакого криминала нет. Но ведь не шили же им в заведении мадам Дальберг дорогие платья просто так, за красивые глаза! Что же

я акция

нца

касается их последующего отравления, то к этой загадке следствие пока не приблизилось ни на сантиметр.

...В последующие дни капитан Анатолий Кочергин выяснил, что владелица салона дамского платья «Перфект» Елизавета Аркадьевна Дальберг и ее служащая Дарья Егоровна Нурдгрен действительно за последние три года дважды приезжали в Советский Союз. Госпожа Дальберг совместно с многими другими зарубежными фирмами привозила свои коллекции на международные выставки одежды, которые состоялись в Москве и Ленинграде.

Через Торгово-промышленную палату Кочергин разыскал администратора этих выставок, известного специалиста в области дамской моды Полину Алексеевну Шилову. Шилова прекрасно помнила обеих дам — и хозяйку и ее служащую. Хорошо знала и привезенную ими коллекцию, которую полагала интересной и перспективной. Госпожу Дальберг Полина Алексеевна охарактеризовала всего двумя словами: «старая барыня», произнесенными с очевидной антипатией. В то же время Дальберг, по ее мнению, была превосходной модельершей и хорошим организатором, с западной деловой хваткой. Еще Шилова вспомнила, что слышала от кого-то, будто госпожа Дальберг встречалась в Москве с каким-то своим родственником. Этим родственником мог быть только ученый-металлург Сергей Аркадьевич Осокин. Потому что госпожа Дальберг была урожденной Елизаветой Аркадьевной Осокиной, дочерью некогда известного горного инженера, действительного статского советника и многих Российской империи орденов кавалера, занимавшего до революции крупный пост в министерстве торговли и промышленности.

...Родная сестра Осокина. Ну и что же?

Трижды за последние дни Ермолин и Турищев вели подробный разговор, и каждый раз Григорий Павлович особый упор делал на родственные связи Осокина и Дальберг. Однако эта сторона дела, как можно было заметить, не вызывала большого интереса у Владимира Николаевича.

Осокин — крупнейший ученый в металлургической науке. Директор института, человек, занимающий еще десяток других важных постов. Удостоен высших степеней и званий, множества наград.

Во всех анкетах он указывал, что за границей у него проживает со времен революции родная сестра, но никаких связей он с ней не поддерживает. Правда, о том, что эта сестра вдруг спустя столько лет обнаружилась, Осокин, как выяснилось, никому не рассказывал. Турищев, конечно, это подчеркнул.

— Дальберг приезжала в СССР не по частному приглашению брата,— возразил Ермолин,— жила в гостинице, никаких правил нахождения в нашей стране иностранных граждан она не нарушала. Для Осокина ее приезд мог оказаться полной неожиданностью. А разыскать такого известного человека никакого труда не составляет. Ну, брата навестила сестра, пусть и иностранка...

Турищев был не только настойчив в поисках, но и неподатлив в спорах с начальством. В трудных разговорах его левая щека обычно чуть подергивалась: следствие контузии, полученной подростком, когда на его хату упала фашистская бомба. Так было и на этот раз. Полковник упрямо повторял:

— Считаю, что поиски надо начинать с Осокина. Я хотел бы еще раз заметить: он из семьи крупного царского чиновника. Сестра живет за границей. Приезжает в СССР, встречается с ним. Все это очень важно.

Логике такая версия, к сожалению, не противоречила. Но тогда следовало, что десятки лет человек жил, работал, пользовался доверием. Крупный ученый с прекрасным именем, и вдруг такое... В это Ермолин не мог и не хотел верить.

— Осокин знаком с Ларионовой или Котельниковой?— спросил он.

— Уточняю, товарищ генерал. Несколько лет назад в «Вестнике» была опубликована его статья. На рукописи, засланной в типографию, есть подписи их обеих. Факт личного знакомства отсюда прямо не вытекает. Будем проверять.

— Вот видите, Григорий Павлович... Мы всегда, всегда должны руководствоваться в работе одним из основополагающих принципов нашей деятельности — доверять советским людям, ради спокойствия коих мы трудимся, ни мыслью, ни словом, ни делом не осквернять их подозрением раньше, чем мы убедимся в их виновности. Необоснованная подозрительность опасна вообще, в данном случае в отношении известного ученого, честного, талантливого человека — в особенности. Он, вы знаете это, многое сделал для Родины. Осокин — авторитет в науке. Его, вышедшего из иной среды, чем мы с вами, ученым-то сделала Советская власть. Продолжайте изучать поведение Нурдгрен и Дальберг. Давайте договоримся так: будем работать, не спеша с выводами. Тем более что мы находимся только в начале выяснения загадочного отравления советской гражданки за границей.

Оставшись один, Владимир Николаевич подошел к окну. Далеко внизу кружили вокруг памятника Дзержинскому легковые автомобили, разворачивались маршрутные такси. Возле дверей «Детского мира», как всегда, толпились люди. Ермолин еще помнил, что когда-то на этом месте стояли старые торговые ряды, где в подвалах размещались ресторан «Иртыш», более известный под названием «Веревочка», и популярный пивной бар номер четыре. В баре, как уверяли любители, подавали лучшее в Москве бочковое пиво и раков. О пиве Ермолин вспомнил потому, что и впрямь было жарко. Термометр на стене показывал за тридцать.

Ермолин раскрыл папку, оставленную по его просьбе Турищевым, и стал рассматривать сквозь «читальные» очки фотографию госпожи Дальберг. Холодное лицо с правильными чертами. Морщин почти нет или же они умело убраны средствами косметической хирургии. Высокая прическа из серебристо-седых пышных волос. Волосы свои, не парик. Надменный взгляд, должно быть, очень красивых в молодости, умных глаз.

Дальберг... Дальберг... Фамилия показалась (и не в первый раз) Ермолину смутно знакомой, но ассоциировалась она в его памяти не с женщиной, а с мужчиной. Когда же? Стоп, стоп! Сороковой год. Таллин, столица только что образованной и вошедшей в состав СССР Эстонской Советской Социалистической Республики. Народное ликование и — угрюмое, затаившееся подполье. Бывшие белоэмигранты, их логово в небольшой двухэтажной гостинице на улице Виру, собственные эстонские фашисты, международные шпионы с консульскими патентами, журналистскими удостоверениями, визитными карточками иностранных бизнесменов. Был там какой-то Дальберг, точно. А еще жизнерадостный молодой парень, ему, Ермолину, ровесник, может, чуть постарше. То ли Риванен, то ли Ривенсон. Профессиональный разведчик. Прикрывался консульским дипломом не то Гондураса, не то Коста-Рики. Что с ним стало? Кажется, выслали. Он, Ермолин, был тогда всего лишь сержант госбезопасности, по-нынешнему лейтенант, носил в петлицах по два «кубаря», и начальство не спешило разъяснить ему подоплеку тех операций, в которых он участвовал. Тому, таллинскому, Дальбергу было лет пятьдесят, и он имел какое-то отношение к этому самому Риванену или Ривенсону. Какое именно?

А что, если посоветоваться с Никитычем? Архив архивом, а память у старика — восьмое чудо света. В Таллине он был лейтенантом государственной безопасности, по-нынешнему капитаном, и одним из руководителей ответственной операции, за успешное завершение которой и получил орден Красной Звезды. Ему, Ермолину, тоже вручили тогда его первую награду — именные часы швейцарской фирмы «Лонжин» в серебряном корпусе.

Генерал-майор Иван Никитович Петров, или просто Никитыч, как его называли за глаза многие, был ранее начальником и духовным наставником Ермолина и других молодых ребят, ходящих ныне в больших чинах. Лет пять назад он вышел на пенсию, но и по сей день сотрудники Комитета государственной безопасности нет-нет да и обращались к старому чекисту. Ермолин много лет проработал под непосредственным руководством Петрова, многое перенял от него, высоко чтил за ум, душевную чистоту, огромный опыт и посыновнему любил.

Никитыч, в свою очередь, с гордостью считал Владимира Николаевича, которого называл «филозо́ф», родным и близким человеком. Единственный сын Никитыча был когда-то другом Ермолина. Сержант государственной безопасности Владлен Петров погиб в июне 1941 года под Лиепаей при ликвидации десанта гитлеровских парашютистов.

Не заглядывая в записную книжку, Ермолин набрал номер.

— Вас слушают,— ответил Никитыч, тяжело придыхая и кашляя в трубку.

— Здравствуйте, Иван Никитович. Ермолин. Как живете-можете?

— Спасибо, неважно.

— Это почему же?

— Да понимаешь ли, всего неделю назад выписали из госпиталя. Там уж решили, что у меня четвертый инфаркт, в реанимации держали несколько дней. Теперь это, знаешь, модно. Ну, подлечили, выписали, и я тут же со стариками приятелями на рыбалку поехал. Переутомился малость. Вот и лежу, телефон под боком держу. Что-то давненько не звонил ты мне, зазнался.

— Еще как! Однако хотел бы все же подъехать. Посоветоваться нужно. Я не утомлю вас?

— Вот люди пошли! Все с оговоркой да с разрешения. Конечно, приезжай. Только ты уж извини меня, я буду лежать, а ты сидеть возле.

— Так еду!

Ермолин вызвал машину, потом вынул из шкафа аккуратно перевязанный сверток и переложил его в портфель. В свертке были подарки старику. Уже две недели (а может, три?) дожидались они своего часа и вот, наконец, дождались. И снова понадобилось срочное дело, чтобы вырваться к Никитычу, упрекнул себя Ермолин.

Петров жил в доме на проспекте Мира. В прихожей, забитой книгами, гостя приветливо встретила маленькая, сухонькая Надежда Ефимовна.

— Рада вас видеть, Володя! Шляпу повесьте сюда. Тесновато, говорите? Так ведь сами знаете, у Риты еще сынишка прибавился, пришлось книги сюда переселить. Проходите, пожалуйста. Никитыч заждался вас.

Ермолин, должно быть, оставался последним из былых сослуживцев старого генерала, который знал, но никогда не вспоминал о том, что Рита — неродная дочь Петровых. Иван Никитович и Надежда Ефимовна удочерили ее в сорок пятом, взяв из детского дома.

Накрытый клетчатым шотландским пледом, Петров лежал на застланной постели. На полу у изголовья неустойчиво громоздилась стопка книг и журналов. Морщинистое лицо старика с неожиданно блестящими карими глазами было строгим, как на старой иконе.

— Ну, вспомнил наконец! — ворчливо сказал Никитыч и протянул Ермолину худую руку.

— А я и не забывал вас, Иван Никитович. Только вот последний год по командировкам больше катаюсь. Туда-сюда... Все мы вас помним, не забываем.

— Говоришь, в командировках был? Это неплохо, неплохо. Не засиживаешься, стало быть, в генеральском кабинете. Ну, а там, конечно, все музеи обошел?

— Да почти что все.

— Молодец! А мне какой-нибудь проспектик или альбомчик привез?

— Всему свой черед,— загадочно ответил Владимир Николаевич.

— А здесь на выставке картин из собрания Хаммера был?

— Был.

— А я вот не был, болел как раз. А жаль. Надежда Ефимовна вот побывала. Рита на сносях ходила, так их без очереди пустили. Говорят, впечатляюще.

— Они правы.

— Видать, молодость свою вспомнил этот Хаммер. Молодчина старик. Одним словом — молоток.

— Так это мы, уральцы, сделали Хаммера таким разумным,— полушутя-полусерьезно заметил Ермолин.— Когда он у нас по совету

П. Белоусов. Род. 1912. ИЗ ДНЕВНИКА БЛОКАДЫ.

Б. Угаров. Род. 1922· ВОЗРОЖДЕНИЕ.

Ленина занимался восстановлением разрушенных в гражданскую войну асбестовых разработок.

— Да ну! — удивился Петров.— Не слышал. Знал о нем только по карандашам «хаммер», знатные были карандаши. Выходит, он почти твой земляк и человек, видно, неплохой.

— Похоже. Вносит свой вклад в дело разрядки. Такие, как он, прокладывают с той стороны путь к экономическому сотрудничеству. К своей выгоде, конечно, но это выгодно и нам.

— Что верно, то верно, Володя. А я, пока ты по ближним и дальним командировкам катался, звонил одному твоему боевому заместителю. «Здравствуйте,— говорю,— уважаемый Григорий Павлович. Петров говорит». «Здравствуйте,— отвечает,— простите, кто?» «Петров»,— повторяю. «Какой такой Петров?» «Да тот самый,— разъясняю,— которому вы лично при проводах его на заслуженный отдых от имени коллектива управления транзистор вручили, обняли и поцеловали на прощание». «А, это вы, Иван Никитыч,— отвечает.— Чем могу?» Хотел я его попросить оказать кое-какую помощь вдове Коли Миронова, да после такого оборота раздумал. Уж если меня он еле признал, то что ему Колина вдова? Мало ведь нас, стариков, осталось. Хорошо, что ты заехал, не о себе прошу. О себе, знаешь, никогда не просил.

— Не обижайтесь, Иван Никитович. Видно, увяз без меня Турищев в текучке.

Надежда Ефимовна внесла в спальню поднос и, располагая его на журнальном столике, наказала Ермолину:

— Это только для вас, Володя, и коньяк («А коньячок все же держит!» — улыбнулся про себя Ермолин), и кофе. Никитычу — один чай с печеньем.

— Иван Никитович жаловался тут, Надежда Ефимовна, что забыли мы вас. Так вот, примите от нас, ваших учеников-чекистов, эту скромную книжицу. Только что издана. В ней вас обоих вспоминают. Под другими именами, правда, но вы себя узнаете.

— Вот уж не ожидала! — радостно всплеснула руками Надежда Ефимовна и бережно приняла книгу от Ермолина.

— А эти альбомы — в вашу библиотечку по искусству. «Пермская деревянная скульптура» — раз. Хоть мы, пермяки, и солены уши, а все ж уральскую землю тоже украсили. Ну, а это — «Модильяни», издание ЮНЕСКО. Текст на шести языках, читайте на любом.

— Ох, и хитер же ты, Володя! Я и говорю: все вежливо, все с подходом. Нет, чтобы сразу книжки дать, не томить старика. Он, видите ли, дамы дождался. Ну, спасибо за память, если только в своей книжице не приукрасили чего.

Старик надолго закашлялся.

— Пожалуйста, угощайтесь, Володя,— заторопилась вдруг Надежда Ефимовна.

Петрова вышла, а Ермолин, сделав глоток коньяку и закусив трехцветной мармеладкой, перешел к делу.

— Хочу, Иван Никитович, потревожить вашу память. Не можете ли вы по причастности вашей к делам, с наукой связанным, припомнить такого металлурга — Сергея Аркадьевича Осокина?

— А чего его вспоминать? Я и не забывал. Это талантливый ученый, достойный всяческого уважения. Он уже перед войной среди наших специалистов по сталям считался подающим большие надежды. Редчайший случай — ему в Ленинградском политехническом за дипломный проект кандидатскую степень присудили. Познакомился с ним в связи с попытками противника добыть наши технические секреты в этой отрасли, в которой Осокин тогда работал. У него сестра проживала за границей, в Финляндии. Муж ее, некий Дальберг, имел лесные угодья на Карельском перешейке. По нашим данным, он с давних времен работал на иностранную разведку. Заметь: не на немцев, а на союзников наших по прошлой войне. Чувствуешь, как далеко смотрел? — засмеялся Иван Никитович...— Что ж,— после паузы продолжал Петров,— если тебя это интересует всерьез, то в архивных делах кое-что сказано о муже сестры Осокина. О самом Сергее Аркадьевиче я лично сохранил самые светлые воспоминания. Умнейший и обаятельнейший человек. Если увидишь его — все бывает! — передай привет от меня.

Отлично понимая, что это именно то главное, зачем приехал к нему сегодня Ермолин, Иван Никитович подробно рассказал и суть той операции в предвоенном Таллине, и о важных научно-технических разработках, имеющих оборонное значение, которыми занимался Осокин в конце сороковых — начале пятидесятых годов.

— Теперь, надо полагать, он тоже не в стороне от серьезных дел,—заключил Петров.

— Именно так, Иван Никитович. Однако я, кажется, утомил вас.

— Ну, это ты брось, вьюнош! — сердито обрезал Петров.— Да ты чего все на часы косишься? Пей лучше коньяк.

Ермолин и не думал смотреть на часы. Но Никитычу ничего не почудилось. Просто проницательный старик знал, что времени у гостя мало, и деликатно напоминал об этом сам.

— Мне и впрямь пора,— с сожалением сознался Ермолин.— А коньяк, что ж, подождет до другого раза. Теперь ваша очередь к нам в управление пожаловать. Молодых чекистов прибавилось. Грамотные, по-современному мыслящие ребята. Языки хорошо знают. Один на днях сказал мне, что не учит язык, а с великим удовольствием купается в нем. Одним словом, ребята с изюминкой. И мы, предки, это они между собой так нас называют, стараемся растить их в традициях Дзержинского и Менжинского. Вот и будете к нам приезжать и рассказывать, как работали при Феликсе Эдмундовиче и Вячеславе Рудольфовиче. А вашу первую беседу с молодыми поручу организовать Турищеву. Пусть он, сухарь, послушает.

— Согласен!

— А вдове Коли Миронова я сам позвоню, все выясню и что надо сделаю.

— За это спасибо.

Почувствовав, что гость собрался уходить, снова объявилась Надежда Ефимовна.

— Соне привет передайте, Володя. Почему она так долго к нам не заезжает?

— У нее тоже работы много в институте. Привет передам, а в следующий раз, обещаю, мы к вам вместе приедем.

— Вот и ладно...

Когда Ермолин уже был в дверях, Никитыч неожиданно окликнул его. Владимир Николаевич, держа в руках шляпу, снова вернулся в комнату.

— Что-нибудь забыли сказать, Иван Никитович?

— Мог бы уже заметить, что я еще кое-что помню,— пробурчал Петров.— Внимание твое хочу на одну личность обратить. В той истории таллинской под разными именами один парень путался. Как говорится, из молодых, да ранний. На пенсию ему, если жив, по моим подсчетам, рановато. Так что поинтересуйся им, очень советую. Ты, быть может, помнишь такого Риванена. Настоящая его фамилия — Ричардсон...

ГЛАВА 4

— Алло!

— Профессор Эминов?

— Слушаю вас.

— Здравствуй, Курбанназар!

Всех радостей земных светлей —
Возможность быть среди друзей,
Горчайшая на свете мука —
С друзьями близкая разлука.

— Здравствуй, Володя! Если бы не узнал тебя, то принял бы за дух самого Рудаки. Чем обязан?

— Ты был с визитом у меня, теперь же сам прими меня.

— Гм... Бывают экспромты и удачнее.

— Не спорю. Но мне не до жиру, быть бы живу. Нужно повидаться с тобой. И срочно.

— Тогда приезжай.

Ермолин подъехал к старинному демидовскому дворцу на Ленинском проспекте через полчаса. Дворцовое здание за последние десятилетия так часто перестраивалось внутри, просторные некогда комнаты столько раз перегораживались, что уверенно ориентироваться в их лабиринте могли только старожилы академии. Свежему человеку найти здесь нужный кабинет без проводника было нелегко. Пришлось поплутать и Владимиру Николаевичу. С тех пор как он последний раз был у Эминова, какие-то коридоры, кабинетики, лесенки, закоулочки прибавились, а какие-то вовсе исчезли. Тем не менее он все же разыскал небольшой кабинет профессора на первом этаже, выходящий широко распахнутыми окнами прямо к столетним липам Нескучного сада.

Эминов встал и поспешил навстречу гостю.

— Окно прикрыть?

— Не нужно, подышу свежим воздухом. Мой-то кабинет выходит на асфальт.

— Ну, дыши. А я попрошу Люсю сделать кофе.

Когда Эминов вернулся в кабинет, Ермолин приступил к делу.

— Слушай, профессор. Нужна твоя помощь.

Коротко стукнув в дверь, вошла Люся, секретарь Эминова. Аккуратно разлила ароматно дымящийся кофе по чашечкам, открыла коробку с крекерами и вышла. Ермолин с нескрываемым удовольствием сделал глоток, позавидовал:

— Скажи, по какому рецепту твоя Люся варит кофе?

— По рецепту своей мамы, польки по национальности. Но как именно — скрывает, словно она не моя, а твоя секретарша. На мои расспросы только смеется и говорит, что кофе должен быть похожим на поцелуй польки.

— То есть?

— То есть быть крепким, сладким и горячим...

Друзья рассмеялись. Затем Ермолин спросил:

— Ты знаком с металлургом Осокиным?

— Конечно.

— Очень нужно поговорить с ним, но так, чтобы он не чувствовал себя скованно.

— Такая возможность есть. Через два дня осокинский институт отмечает свое пятидесятилетие. Как говорится в торжественных случаях, я буду иметь честь зачитать и вручить поздравительный адрес от академии. Так и быть, возьму тебя с собой. Такой вариант тебя устроит? Я считаю, что тебе лучше сначала увидеть старика, так сказать, в окружении, а потом и разговор у вас с ним пойдет, какой надо. Человек он простой, большой умница. Общение с ним тебе доставит истинное удовольствие.

...Торжественный вечер, посвященный 50-летию института, возглавляемого с середины сороковых годов Осокиным, состоялся в большом зале НИИ. За двадцать минут до начала профессор Эминов встретил Ермолина у входа в институт, вручил затейливо оформленный пригласительный билет, провел в зал и усадил в четвертом ряду, где уже сидела его жена, работавшая в вычислительном центре этого же НИИ.

— Мне, дорогой, увы, положено находиться в президиуме. Но я тебе, в сущности, и не нужен. Вера в курсе всех институтских дел, можешь обращаться к ней за любыми справками.

Веру, жену Эминова, Ермолин тоже знал с далеких ленинградских времен. Она училась с Курбанназаром на одном факультете, но была на четыре года моложе. В сорок втором году Ермолин вывез ее, едва живую, из блокированного города, когда вылетал на несколько дней в командировку в Москву.

В институте Ермолин был впервые и с интересом разглядывал грандиозные фрески, украшавшие стены зала,— они отображали историю отечественной металлургии от времен Древней Руси и до последних экспериментов в космосе.

— Нравится? — спросила Вера Ивановна, хорошо знавшая давнее пристрастие Ермолина к изобразительному искусству.

— Идея — да, исполнение приличное, но, прямо скажем, тут потрудился не Сикейрос.

— А твой кабинет, случайно, не Ороско расписывал?

— Нет. Обыкновенный маляр из хозу. Но строго по моим указаниям в смысле колера.

— Тогда не привередничай. Корпус проек-

тировали выпускники архитектурного института, большой зал — они же. Оформляли — и стены, и потолок, и сцену — молодые строгановцы. Всем нравится. Но посмотри лучше на люстру, если остальное все не одобряешь.

Ермолин поднял голову и ахнул. Люстра была поразительной. Будто кто-то накинул на сноп света кружевную черную шаль.

— Чугунное литье? — догадался он.

— Точно. Подарок институту от металлургов Урала. Отливал знаменитый старик Скородумов. Его прадед еще на Демидовых работал.

— Здорово! Ничего не скажешь.

Между тем из бокового прохода на сцену стали выходить гуськом члены президиума. Вполголоса Вера Ивановна называла Владимиру Николаевичу фамилии министра, его заместителей, академиков, докторов наук, профессоров. Последним занял свое место за длинным столом Осокин. Ермолин легко узнал его по фотографиям в газетах. Осокин был высок, костляв, в движениях резок и размашист. Чертами крупного лица, а того более — венчиком седых волос он очень походил на знаменитого театрального режиссера Завадского. Грудь ученого украшали многочисленные награды, в том числе врученный ему накануне в Кремле орден Октябрьской Революции.

Торжественное заседание открылось. Министр тепло поздравил коллектив НИИ с «золотой» датой и кратко, но весомо охарактеризовал заслуги института и его директора перед отечественной наукой вообще, в разработке сплавов для новых, особо важных отраслей техники в частности.

Закончив речь, министр вручил Осокину адрес от коллегии министерства, выгравированный на двух скрепленных листах ослепительно сверкавшего золотистого металла. Ермолин отметил про себя, что во время этой торжественной церемонии ученый держался очень неловко, даже несколько растерянно.

Вера Ивановна шепнула Владимиру Николаевичу:

— Жаль мне его. Он давний вдовец. Здесь в зале должна быть его единственная дочь Светлана. Она очень способный инженер, только очень невезучая в личном плане.

— Почему?

— Видно, родилась такой. Девочкой осиротела. В студенческие годы у нее погиб жених, в горах сорвался, как говорят альпинисты, «улетел» со скалы. Несколько лет она не выходила замуж, а когда вышла, муж оказался подлецом. Развелась, осталась с ребенком...

— Где она работает?

— Здесь же, в институте. «Эм-эн-эс», то бишь младший научный сотрудник. Способная, заканчивает диссертацию. Тема очень серьезная. Институт вообще сейчас занят исключительно важной проблемой. Исследования пошли по двум направлениям: первое ведет сам Осокин, второе — его заместитель. Светлана как раз в лаборатории у зама.

— В чем суть этих двух направлений?

— Точно судить не могу, это не моя прямая специальность. Но между Осокиным и его замом в последнее время возникли какие-то разногласия, даже трения. Это сказывается и на отношениях Сергея Аркадьевича с дочерью, а он ее очень любит...

Между тем вечер шел своим чередом по давно устоявшемуся сценарию для всех подобных мероприятий. Профессор Эминов вручил юбилярам адрес от президиума Академии наук. Затем зачитали приветствия профессор Ключников из смежного НИИ, член-корреспондент Савченко от имени украинских коллег, Герой Социалистического Труда, знатный сталевар Киреев, доктор Гроссе из ГДР...

На столике возле президиума росла гора приветственных адресов в разноцветных сафьяновых папках и подарков. Потом два крепких парня вынесли на сцену макет Ново-Бисерского металлургического комбината, проект которого разрабатывала группа сотрудников НИИ во главе с директором.

Ермолин внимательно наблюдал за Осокиным. Тот слушал каждого очередного оратора с интересом, но несколько отрешенно, казалось, он воспринимал торжественные слова как обращенные не к коллективу его института и ему лично, а к кому-то другому. Несколько раз он недовольно морщился — когда о его заслугах говорили очень уж выспренно.

...Поток приветствий уже спадал, когда на сцену из зала поднялась высокая женщина с длинными белокурыми волосами и лицом греческой статуи. Ее стройную фигуру облегало строгое черное платье. Женщина тоже держала в руках адрес в кожаной папке малинового цвета и громадный букет из великолепных чайных роз. Она не пошла на трибуну, а сразу направилась к Осокину, что-то сказала ему, улыбаясь, вручила адрес и цветы.

Когда женщина повернулась, чтобы спуститься обратно в притихший зал, все увидели, что к ее груди приколота точно такая же чайная роза, какие она только что преподнесла смутившемуся юбиляру. И Ермолину, да и не ему одному, показалось, что высокая женщина уносит с собой не только цветок из букета, но и частицу чего-то интимного, принадлежащего лишь одному человеку в этом огромном зале — Сергею Осокину.

— Кто она? — спросил Ермолин Веру Ивановну.

— Это женщина, которая может принести Сергею Аркадьевичу лишь несчастья. Ее зовут Юлия Николаевна Ларионова...

Продолжение следует.

ДЕВУШКИ — КРАСНОФЛОТЦЫ, ОТЗОВИТЕСЬ!

Исполнилось сорок лет с тех пор, как в 1942 году на Черноморский флот пришли девушки. Был такой призыв — «Комсомолки! Флот ждет вас!». После соответствующей подготовки краснофлотцы-девушки (так нас называли) стали специалистами и были направлены в различные подразделения. Группа девушек-радисток в декабре 1942 года пришла в 3-й береговой радиоотряд Черноморского флота.

...Несли вахту не за страх, а за совесть, все получили правительственные награды. Потом — демобилизация. Шли годы. Тесная дружба, связывавшая всех, кто служил в отряде, постепенно становилась воспоминанием о далекой военной юности. Однако некоторые из нашего отряда продолжали время от времени переписываться, встречаться.

Когда в 1972 году в Севастополе была объявлена официальная встреча, откликнулись многие. С тех пор дружба снова, как в молодости, связывает нас и согревает своим теплом. В этом году состоится четвертая встреча. Но не всех, к сожалению, удалось найти. До сих пор ничего не знаем о Тане Баскаковой (теперь Татьяна Александровна Шерстюк), Жене Брагинской, Любе Гузенко, Жене Бетене, Юле Изовит, Симе Сидоровой и некоторых других.

Высылаю фотографию наших девушек. Снимались, уже получив приказ о демобилизации. Здесь, конечно, не все, но, возможно, если напечатаете снимок в журнале, девушки увидят знакомые лица, откликнутся и даже успеют на встречу этого года в конце июля в Киеве.

Н. Н. КОРШУНОВА (Черкасова), бывший старшина I статьи

Новосибирск.

ДЕНЬ, ПР

Виталий ЗАСЕЕВ

Кажется, трудности были всегда его постоянными спутниками жизни. Обездоленное военное детство на оккупированной немцами территории, похоронка на отца, полученная в канун Дня Победы, годы студенчества без лишнего рубля в кармане, защита кандидатской, а потом и докторской диссертации в условиях, близких к экстремальным... Сколько объективных причин было у него, чтобы обозлиться на весь мир, стать суровым и нетерпимым! А он, сохранив достоинство и веру в лучшие начала человека, сам протягивает теперь руку тем, кто страдает и терпит, борется и не отступает.

Ранним субботним утром спешу я на кафедру госпитальной терапии Второго Московского медицинского института, возглавляемую А. Чучалиным, чтобы продолжить начатую беседу, и мне снова, в который раз, не удается приехать раньше самого профессора. Вот и сейчас, только ступив на зеленую, прямо-таки парковую территорию больницы, я замечаю в конце аллеи его высокую фигуру. Скажи мне кто-нибудь раньше, что это идет один из ведущих терапевтов страны, член-корреспондент Академии медицинских наук, я бы усомнился. Уж больно спортивен и молод этот доктор, больно доступен и застенчив.

У входа в клинику его поджидают помощники и ассистенты, о чем-то оживленно расспрашивают, улыбаются, шутят. Чтобы мое опоздание не слишком бросалось в глаза, я решаю отстать от «команды Чучалина», замедляю шаг и присаживаюсь на скамейке возле пожилого человека. Тусклый взгляд и прерывистое дыхание выдают в нем астматика. Мой сосед с безразличием смотрит на прохожих и оживляется, только когда из-за деревьев доносится рокот приближающегося автомобиля. Увидев очередную малолитражку, он снова ссутуливается, а его взгляд делается отрешенным. Потом жажда разделить переживания одолевает его, и без предисловий он выкладывает все как есть. Оказывается, приехал он издалека, так как прослышал, что А. Чучалин вылечивает аллергию любой формы. И вот уже больше часа сидит в ожидании, когда наконец появится профессор.

— А с чего вы взяли, что его еще нет? — спрашиваю я.

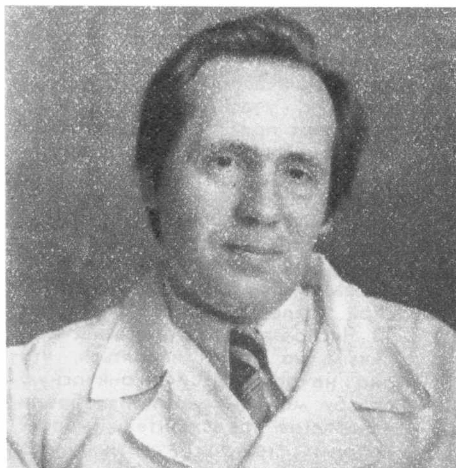
— Как с чего? — удивляется сосед.— Не может же такой человек, как Чучалин, приехать на малолитражке.

— Не может,— соглашаюсь я,— потому что всю жизнь ездит в метро и ходит пешком.— В глазах моего соседа появляется изумление, и это вконец выводит меня из равновесия: — А еще: санаториям и курортам он предпочитает таежную охоту и рыбалку,— и не очень логично продолжаю я: — а преферансу — теннис и горные лыжи... И вообще, доктор Чучалин давным-давно ведет прием в своем кабинете на шестом этаже...

Сосед с растерянностью и недоверием смотрит на меня, потом подхватывается и спешит к лифту.

«Если он ушел по этой тропе, то искать его бесполезно. Оттуда еще никто и никогда не возвращался!» — таким был «приговор» старого таежного промысловика Николая Дунаева заблудившемуся однажды в тайге Саше Чучалину. Звериная тропа, по которой ушел он накануне вечером, обрывалась у края болота, и друзья, сутки прождав его, забили тревогу. С трудом, словно иголку в стоге сена, разыскали в тайге охотника, но, как выяснилось, только

ОЖИТЫЙ ДВАЖДЫ

А. Г. Чучалин.

для того, чтобы услышать слова, которых больше всего боялись. Тайга действительно кишела зверьем: кабаны, волки, медведи попадались здесь на каждом шагу. Но не этого опасался старый зверобой. Его тревожило несметное число болот, которые, точно расчетливый хищник, подстерегали свою жертву на каждом шагу.

...Восемь дней в одиночку выходил он тогда из тайги. Без еды оставшись, без пороха и спичек, двигался вдоль ручья, то и дело успокаивая себя: если вода не стоит на месте, значит, рано или поздно приходит к людям.

Сибирские таежные реки... Вбирая в себя тысячи ручьев, они на сотни километров прокладывают свои русла через тернии тайги, годами не встречая человека. Но об этом думать ему не хотелось. Благо, в лесу было много ягод, а медведь, с которым он встретился нос к носу, даже не обратил на него внимания. Но когда на шестые сутки у него начались галлюцинации, а от охотничьего комбинезона и сапог остались одни ремни, отчаяние все чаще стало одолевать его. И хотя он знал, что оно всегда обманчивей, чем надежда, так и не смог до конца избавиться от его присутствия. И все же, несмотря ни на что, в самые критические минуты он как бы со стороны продолжал наблюдать за собой, открывая в человеческой психике неисчерпаемые запасы прочности.

Теперь, когда речь заходит о пережитом, А. Чучалин сдержанно улыбается. Больше всего, конечно, он сокрушается, что заставил поволноваться друзей. Относительно благоприобретенного опыта странствий по тайге он считает так: каждому стоит узнать однажды, что такое висящая на волоске собственная жизнь. И не ради острых ощущений, а во имя более бережного к ней отношения.

Его всегда отличала четкая жизненная позиция — стремление быть нужным людям. И если бы он мог не стать врачом, он бы им не был никогда.

— Сейчас многие охотно повторяют ставшую крылатой фразу, что будущее принадлежит медицине предупредительной,— говорит А. Чучалин.— И это так. Но пока нам еще приходится «догонять» болезни и, вступая с ними в единоборство, обнажать шпаги там, где требуется тяжелая артиллерия. А вот ее-то современной медицине подчас и недостает. Поэтому на кафедре мы стремимся чаще обращать внимание на проблемы, которые именно сегодня волнуют миллионы больных людей. И стараемся решать их, используя новейшие достижения мировой медицинской науки и техники.

В первоклассно оборудованных лабораториях, которыми он особо гордится (это его детище, его бессонные ночи и бесконечные хождения по высоким инстанциям), работает много молодежи. А. Чучалин беспредельно верит в нее и всячески поощряет самые, казалось бы, немыслимые идеи. Но для него всегда остается главным, чтобы направленные усилия если не теперь, то уже завтра наверняка принесли людям пользу, облегчили их страдания.

Грозный недуг нынешних дней — аллергия — сегодня во всем мире считается болезнью века. Сотни миллионов людей на земном шаре страдают от ее воздействия на организм, десятки миллионов задыхаются и не спят по ночам от сопутствующих ей приступов удушья. Кафедра А. Чучалина активно включается в работу над этой проблемой. Метод гемосорбции (удаление из крови больного человека токсических продуктов обмена веществ), разработанный академиком АМН Ю. Лопухиным, находит принципиально новое использование в борьбе с аллергией. Для этого молодым клиницистам приходится обращаться за помощью к физикам, химикам, математикам, и они, объединив свои усилия с наиболее талантливыми учеными института имени Патона, добиваются успеха.

В одной из лабораторий профессор знакомит меня с аспирантом кафедры Сулейманом Сулеймановым, который основой своей научной работы избрал проблему использования кальциотонина при лечении больных бронхиальной астмой с тяжелыми костными повреждениями.

— Причиной расстройства кальциевого обмена в человеческом организме могут быть не только заболевания, но и специфические методы лечения некоторых из них,— поясняет А. Чучалин.— И вот тут-то и выявляется своеобразный парадокс современной медицины, когда с помощью необходимого препарата основная болезнь приглушается, но «обнажается» другая, становящаяся порой и тяжелей и опасней первой. Так, в результате «бомбардировки» тяжелейших форм бронхиальной астмы гормональными препаратами кости больного становятся предельно хрупкими, и это приводит к неожиданным множественным переломам и травмам в самых, казалось бы, безобидных ситуациях. Так что работа, над которой трудится Сулейман Шахметович, поможет решить одну из серьезнейших проблем госпитальной терапии наших дней.

Александр Григорьевич ни словом не обмолвился о том, что метод воздействия кальциотонина на больных бронхиальной астмой с костными повреждениями впервые в мировой практике использован на его кафедре и дал положительные результаты.

Сила А. Чучалина-ученого всегда была в том, что он не признает науки для науки. В тридцать шесть лет защитив докторскую диссертацию и возглавив кафедру госпитальной терапии авторитетнейшего в стране Второго Московского медицинского института, он раз и навсегда провозгласил принцип, которому следует неукоснительно: «Каждая новая диссертация, выходящая за стены кафедры, должна иметь практическое применение в жизни». За семь лет его руководства кафедрой под началом А. Чучалина защищено двенадцать кандидатских и две докторские диссертации. И на каждую из них выдано авторское свидетельство.

«Если вы когда-нибудь будете писать о Чучалине, постарайтесь разглядеть в нем не только талантливого ученого, но и, что называется, врача от бога,— отзываясь о молодом докторе наук, говорил в беседе со мной министр здравоохранения Российской Федерации Владимир Васильевич Трофимов.— Это подлинный медик, который в общении с больным всегда остается участковым врачом с академическими знаниями и академиком с душой истинного врача».

В правоте этих слов мне не раз приходилось убеждаться, наблюдая за отношениями А. Чучалина с пациентами. Мгновенно схватывая суть сказанного, он никогда не перебивает больного. Владея современнейшим диагностическим компьютерным арсеналом, не забывает обыкновенного фонендоскопа. О его врачебной интуиции складывают легенды. Мне рассказывали, как однажды, только взглянув на рецепты больного с приступом удушья, А. Чучалин тут же установил диагноз: «У вас нет никакой астмы. Вам противопоказаны йодистые препараты, поэтому перестаньте их принимать, проведите курс дыхательной гимнастики, и через месяц вы будете здоровы». Вскоре бывший больной, который и не надеялся на выздоровление, пожаловал к А. Чучалину с цветами, но профессор к тому времени улетел на консультацию в Красноярск.

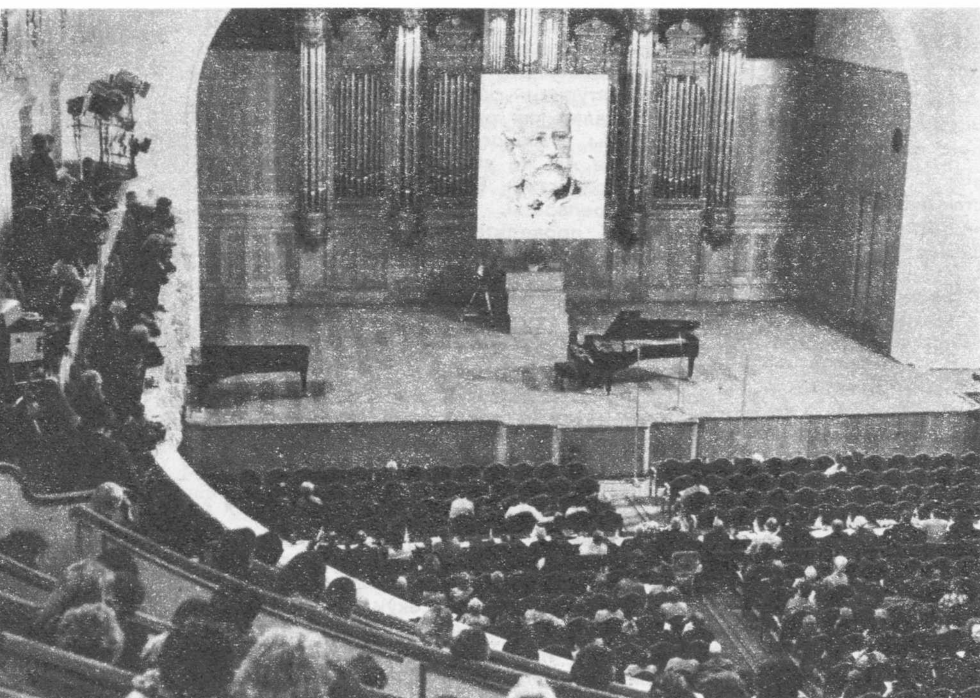
У него есть золотое правило, которое никогда не нарушается. Каждую субботу член-корреспондент Академии медицинских наук, профессор А. Чучалин ведет... амбулаторный прием. За год цифра принятых им больных всегда переваливает за тысячу(!). Проконсультировав больного, он никогда не прощается с ним навсегда.

Кто из нас не сталкивался с такими «картинками» на приеме у врача... Мельком взглянув на историю болезни, на секунду приложив к грудной клетке холодный фонендоскоп и тут же, ни слова не говоря, выписав рецепт, врач небрежно бросает через плечо: «Следующий». И пока больной одевается, уже мельком просматривает историю болезни очередного пациента. А. Чучалин, отпуская больного, никогда не забывает ему сказать: «Обязательно покажитесь еще раз через полгода». Или: «Постарайтесь приехать на повторную консультацию, мы вместе должны убедиться, что процесс выздоровления не остановился»...

Я как-то спросил профессора, есть ли для него необходимость в столь частом общении с больными. И он, не задумываясь, ответил: «Доктор нужен больным так же, как они ему, ибо не может быть врачей, «окончивших свою науку».

Предупредительность и внимание профессора к пациентам стали своеобразным эталоном для всех его сотрудников, для всего персонала терапевтического отделения 57-й московской городской клинической больницы, через которое за год проходит более семи тысяч больных. Столько же больных получают здесь квалифицированную амбулаторную помощь. К их услугам лаборатория ультразвуковой диагностики, современный ингаляторий, кабинет по исследованию механики дыхания с новейшей аппаратурой. Заслуженным авторитетом среди москвичей и приезжих пользуются аллергологический и бронхологический кабинеты, где ведут приемы лучшие специалисты кафедры госпитальной терапии: М. Алтунян, Н. Калганова, Г. Козлова и др. А доктор А. Чучалин мечтает о создании пульмонологического лечебного центра, со специальными блоками интенсивной терапии для легочных больных (один из них, первый в стране, он уже создал и открыл на базе своей клиники). И, хорошо понимая, что для этого нужны творчески одаренные специалисты, люди, влюбленные в свою профессию, он, не жалея сил, продолжает работать с молодежью. Ежегодно около сорока ординаторов проходят на кафедре А. Чучалина высококвалифицированную стажировку. Причем специально для них создана школа аллергологов и кардиологов, где изучаются самые передовые достижения как отечественной, так и зарубежной науки. Многие из них, может быть, впервые по-настоящему серьезно изучают здесь основы деонтологии — науки о врачебном долге, с тем чтобы постичь «мудрость врачевания», ради которого и выбрали они свой нелегкий путь в жизни. Для этого на кафедре проводятся ежегодно педагогические чтения по всем основным вопросам педагогики.

...Мне еще многое хочется рассказать об этом человеке, о многом его расспросить. И я начинаю новый блокнот и с нетерпением жду следующей встречи с доктором А. Чучалиным, потому что каждый день, проведенный с ним, для любого оказывается днем, прожитым дважды.

В зале идет прослушивание.

Пианистке Лидии Ориас (США) во время жеребьевки достался первый номер.

Фото А. Конькова и Ш. Алимова (ТАСС)

VII МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНКУРС

Г. ГОГОТИШВИЛИ

...Строгий, собранный садится к роялю пианист из Новой Зеландии Майкл Хаусон, и бурные пассажи насыщенного, звенящего этюда Листа сменяются нежными, прозрачными звуками музыки Шопена, порой словно угасающими под чуткими пальцами пианиста. Виртуозная, филигранно отточенная техника позволяет Майклу Хаусону «забыть» о ней, чтобы полнее выразить эмоциональный мир музыки.

Идет первый тур VII Международного конкурса имени П. И. Чайковского.

Первой из советских участников играла Нино Кереселидзе, аспирантка музыкально-педагогического института имени Гнесиных (класс Ю. Понизовкина), играла проникновенно и тонко все номера программы. И по-другому не могло быть: Нино Кереселидзе — ученица прекрасных музыкантов и педагогов — Я. Зака и Л. Тимофеевой.

Вдохновенно, точно и очень своеобразно сыграл пианист из Канады Ик Чу Мун. Он, бесспорно, талантлив и, если выдержит конкурсное напряжение и не «сорвется», то может, думается, претендовать на высокое место. Но предсказать наверняка еще ничего нельзя — конкурс только набирает силу. Конечно, неожиданности подстерегают слушателей и жюри. Вспомним блистательную, теперь уже легендарную победу Вана Клиберна на Первом конкурсе Чайковского. Неизвестный никому дотоле американский музыкант вдруг стал «звездой», и теперь уже один из международных конкурсов назван его именем. Как знать, может быть, время спустя один из будущих международных конкурсов тоже будет носить имя сегодняшнего лауреата... А пока Москва торжественно и тепло принимает гостей — музыкантов и выдающихся музыкальных деятелей из разных стран мира.

Оргкомитет конкурса создал продуманные до мелочей условия для гостей. Большая культурная программа — спектакли, концерты, экскурсии, торжественное открытие в Кремлевском Дворце съездов, лучшие концертные залы для выступлений, лучшие инструменты для репетиций (специально для конкурса оргкомитет приобрел два рояля фирмы «Стейнвей»). В отличие от прошлых конкурсов нынешний продлится месяц: так много заявок — 346 — подано на участие в московском соревновании. Количество участников свидетельствует о высоком международном авторитете конкурса у музыкантов, о художественном уровне. И действительно, наш музыкальный фестиваль дает «путевку» на лучшие концертные эстрады мира. Достаточно вспомнить лауреатов прошлых конкурсов, имена которых получили самую широкую известность: Лю Ши Кунь, В. Климов, Дж. Огдон, М. Биешу, В. Третьяков и множество других.

Многие из лауреатов прежних конкурсов сегодня участвуют в его жюри, решая судьбу молодых музыкантов. И это не только подтверждает компетентность «судей», говорит председатель оргкомитета конкурса Т. Н. Хренников, но и помогает понять молодому артисту: победа в творческом соревновании не должна стать лишь желаемым итогом для конкурсанта — это начало его артистической жизни, благоприятствующее дальнейшему творческому росту, совершенствованию, развитию.

В нынешнем конкурсе участвуют молодые исполнители сорока четырех стран. Впервые приехали музыканты из Ирака, Норвегии, Филиппин, Люксембурга, Мальты.

Пианист Шкембри Брайян с Мальты четвертый год занимается в Киевской консерватории по классу фортепиано у А. Снегирева и оперно-симфонического дирижирования у Р. Коффмана.

Японская пианистка Рейко Танака совершенствовалась под руководством советских педагогов Т. Николаевой и Ст. Нейгауза. Многие зарубежные музыканты занимались у советских педагогов — авторитет советской исполнительской школы высок. Но наставники, участвующие в жюри, не имеют права выставлять оценки своим ученикам. Таковы правила конкурса.

Советскую исполнительскую школу представляют 23 участника — шесть пианистов, двое скрипачей, двое виолончелистов.

Самая обширная группа в советской делегации — вокалисты, их 13. Число принято считать несчастливым, но будем надеяться, что оно не повлияет на конкурсную судьбу молодых артистов. Среди вокалистов представители многих оперных театров страны. Это Светлана Стрезева из Кишинева — с чистым, серебристым, редкой красоты колоратурным сопрано, Любовь Казарновская (театр имени Станиславского и Немировича-Данченко), Александр Хамерики и Паат Бурчуладзе (Тбилиси), Лидия Забиляста (Киев) и другие.

Самый «длинный» путь прошли пока пианисты — они начали соревноваться раньше остальных.

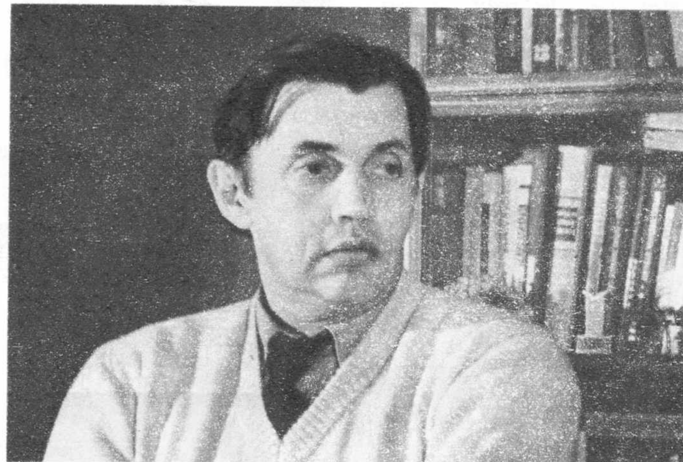
Первым среди виолончелистов прослушивался музыкант из ГДР Андреас Грегер, лауреат международного конкурса имени Пабло Казальса в Будапеште. Грегер удивительно чувствует стиль исполняемых им авторов, обладает виртуозной техникой и большой исполнительской культурой. В его руках виолончель словно обретает человеческий язык, поет — так образна игра талантливого музыканта.

Жюри предстоит тяжелая, кропотливая работа. И если на первом туре подсчет голосов проводится при тайном голосовании, то в финале голосование идет открыто — члены жюри подсчитывают количество голосов, отданных конкурсантам, обсуждают каждую кандидатуру. Председатель жюри конкурса пианистов — О. Тактакишвили, скрипачей — Л. Коган, виолончелистов — Д. Шафран, вокалистов — И. Архипова. Молодые музыканты могут быть уверены, что их искусство получит справедливую оценку, независимо от того, какую страну, какую школу они представляют. Все решат талант, мастерство, выдержка, говорит Л. Коган. Праздничная, дружелюбная атмосфера царит на конкурсе, где для людей разных национальностей есть общий язык — язык искусства. Музыка обладает властным воздействием на человеческие умы и сердца, сказал на торжественном открытии конкурса кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, министр культуры СССР П. Н. Демичев, она способствует упрочению интернациональных принципов международного творческого сотрудничества, укрепляет доверие и мир между народами.

Праздник музыки в Москве продолжается. И грустно думать, что скоро он закончится,— столько наслаждения получают слушатели от искусства талантливых молодых музыкантов.

К 50-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКОГО

Верность

Ст. ЛЕСНЕВСКИЙ

Об истоках своей судьбы и поэзии Роберт Иванович Рождественский рассказывает: «Я родился в 1932 году в Сибири, в небольшом алтайском селе Косиха, недалеко от города Барнаула.

Мой отец — кадровый военный, мать — врач.

В июне сорок первого года мои родители ушли на фронт. Так что моя судьба вполне типична для того времени. Ведь миллионы советских мальчишек и девчонок проводили тогда на фронт своих отцов, старших братьев, а иногда — матерей.

Мы жили в городе Омске. Война шла далеко от Сибири. Разрывов бомб, свиста пуль я не слышал, и все-таки воспаленное, почти осязаемое дыхание войны ощущалось ежедневно, ежечасно.

Война была в наших снах и в наших играх, в наших буднях и в наших праздниках. Война была всюду. И казалось — была всегда...

Правда и то, что павшие до сих пор смотрят на нас оттуда — из войны. Смотрят с пожелтевших фотографий. Смотрят из далеких глубин памяти, будто со дна океана. Они смотрят на нас — молодые, сильные, улыбающиеся.

Смотрят и молчат. Словно ждут ответа...»

Одно из наиболее известных произведений Роберта Рождественского — поэма «Реквием» (1961) — имеет посвящение: «Памяти наших отцов и старших братьев, памяти вечно молодых солдат и офицеров Советской Армии, павших на фронтах Великой Отечественной войны».

«Все живое — спасшим. Себя — не спасшим» — таков лейтмотив «Реквиема».

Павших и живых связывает единая судьба народа. Звучит клятва: «...то, что отцы не допели,— мы допоем! То, что отцы не построили,— мы построим!»

Весь путь поэта осеняет девиз:

Помните!
Через века,
через года,—
помните!
О тех,
кто уже не придет
никогда,—
помните!

«Реквием» Роберта Рождественского обрел новую жизнь в музыке Дмитрия Кабалевского. С начала шестидесятых годов эта поэма становится одним из особенно популярных произведений лиро-эпического жанра, посвященных Великой Отечественной войне. В «Реквиеме» программно сказалась публицистическая, гражданственная, открытая людям, романтическая муза поэта.

Помнится, как поразили своей прямотой «Стихи о моем имени», в которых Роберт Рождественский не только рассказал, что был назван родителями в честь секретаря крайкома, замечательного большевика, но и поклялся в верности Революции, ее Правде, выразив вместе со своими чувствами общие наши переживания: «Несем мы имена удивительных людей. Не уронить бы! Не запятнать бы!» Эта идейно-нравственная позиция провозглашена и во вступлении к книге Р. Рождественского «Ровеснику»: «...не изменю флагу цвета крови моей...». Такова основная духовная ценность, которую поэт бережно несет через все свои годы и книги: верность идеалам Октября.

Поэтический дебют Роберта Рождественского относится к 1950 году; в 1955 году выходит первая его книга — «Флаги весны». В 1956 году молодой поэт окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Р. Рождественский приходит к читателю в пятидесятые—шестидесятые годы вместе с целым рядом своих талантливых сверстников. Исповедь и проповедь поэта сливаются воедино на наших глазах, и складывается лирико-драматическое действо, вовлекающее поэта и читателя в непрерывный диалог — «о времени и о себе».

«Не ищите поэзии в данной главе! Не считайте ее стихами!.. Не стихи пишу — хриплым криком кричу»,— скажет впоследствии Р. Рождественский в поэме «Двести десять шагов». И это полемически заостренное утверждение — нравственный ключ к деятельному, активному слову поэта. Своеобразие лирической интонации и этической позиции Р. Рождественского — в подчеркнутом стремлении непосредственно и скорее решить жизненную, а не только стихотворную задачу, как бы минуя стадию воплощения, прорываясь над ритмом,— настолько по-человечески неотложным оказывается всегда выполнение этой задачи. Такая порывистость, стремительность, отзывчивость в сочетании с сегодняшней проблематикой пленила молодых читателей, увлеченных искренними стихами Роберта Рождественского, который по праву стал лауреатом премии Ленинского комсомола.

...Напористость плуга,
дыханье завода,
движенье
скальпеля и пера...
Мы помним о том,
что любое Сегодня —
всего лишь
завтрашнее
Вчера.

О том, как менялась тональность поэзии Р. Рождественского, красноречиво говорит сборник «Семидесятые» (1980). «Так тихо, что хочется заново жизнь начинать»,— читаем в стихотворении «Тишина». Это «тишина» раздумий, в которой зреет завещанное «зерно» памяти:

...а взошло оно
собором
возле медленной воды.
Он стоял легко и крупно,
к облакам
вздымаясь круто,
купола
светились кругло,
будто
спелые плоды.
Был
легендой он и благом.
Так стоял,
как будто плавал.
Так звенел,
как будто плакал
(словно плакала душа).
Он стоял,
сравнясь с зарею,
над холодною землею
деревянной чешуею,
будто листьями,
шурша...
Он стоял,
слезу роняя,
мир
собою
заполняя,
в землю уходя
корнями...

И маяковская «лесенка» ведет вверх, становится ступенями высоты... И от упоенного юношеского — «Пробивать! прогрызать! прорубать!» — поэт приходит к зрелому: «Все меньше — окружающей природы. Все больше — окружающей среды». Надо беречь память истории и память природы:

Но мы еще придем
просить прощенья
у этих рек,
барханов
и болот,
у самого гигантского
восхода,
у самого мельчайшего
малька...

Так поэт возвращается к простым истинам бытия. Ценность этих истин растет под знаком пережитой миром и предупреждающей о будущем трагедии Хиросимы: «В эту секунду в расплавленной мгле рухнули все представленья о зле». Но тем самым поэт снова и снова возвращается к кровной памяти о подвиге Отечества.

Масштабной думой о прошлом, нынешнем и грядущем явилась поэма Роберта Рождественского «Двести десять шагов» (1978), удостоенная Государственной премии СССР. Двести десять шагов от Кремля к Мавзолею В. И. Ленина, «двести десять весомых, державных шагов!». Более того, «двести десять шагов по Вселенной!..» Таков в своей насыщенности и напряженности этот короткий путь.

«Дай мне уверенности твоей, Красная площадь!» Поэт отрешается от будничной суеты, когда знаешь только одно: «Не успеваю. Не успеваю...» Путь к Ленину ведет поэта и к народу, Родине, к самому себе, к истории... Двести десять шагов по брусчатке Красной площади собирают человека в человеке... «Вернуться б к той черте, где я был мной»,— так в жажде совершенства говорит поэт в книге «Семидесятые». Но это и значит идти героическим путем Родины...

Три десятилетия работы в поэзии, около сорока книг стихов и поэм, множество переводов, десятки полюбившихся людям песен — таковы «штрихи к портрету» Роберта Рождественского, убежденного: «Только мало — в рифму. Надо — в душу. Рифмы рифмами. Не в этом суть...»

Суть — в ином: «Пока я помню,— я живу!»

ПРАВДА О СИОНИЗМЕ

Цезарь **СОЛОДАРЬ**

В свет вышла книга, чрезвычайно полезная и практически необходимая всем, кто стремится нести в массы правду о реакционной, антикоммунистической сущности сионизма, о его роли в системе мирового империализма. И хотя это издание прежде всего адресовано пропагандистам, ученым, журналистам, лекторам, углубленно изучающим реакционную теорию и практику сионистских центров, оно вполне доступно и массовому читателю.

В подзаголовке работы, написанной, составленной и отредактированной коллективом московских и украинских авторов, обозначено: «Очерки критики теории и практики сионизма». Критика эта дана с высоких, подлинно научных позиций. Не случайно первая глава посвящена ленинским оценкам раздуваемого нашими идейными противниками так называемого еврейского вопроса, ленинскому анализу двух взаимосвязанных социальных зол — сионизма и антисемитизма. Это сразу же определяет глубоко классовый подход к рассмотрению не только теорий, исповедуемых сионистами, но и сегодняшней античеловечной практики международного сионизма.

Вспоминаются слова руководителя израильских коммунистов товарища Меира Вильнера о том, что борьба против сионизма требует классового подхода, опоры на ленинские критерии. Да, именно ленинские критерии позволили авторам веско раскритиковать основанную на оголтелом расизме сионистскую политику и кровавые дела правящей Израилем сионистской верхушки.

В книге наглядно показано, почему сионизму на всех этапах выгоден антисемитизм. В наши дни, например, сионистская агентура, раздувая антисемитизм, рассчитывает завлечь граждан еврейского происхождения из других стран в Израиль — в государство, изо дня в день ведущее военные действия против палестинцев на оккупированных территориях и на земле смежных арабских стран, государство, превращенное, по существу, в военный лагерь.

Весьма снисходительно, мягко говоря, относится сегодня международный сионизм к поднимающему голову неонацизму, к учащающимся нападениям расистов в США, Великобритании, ФРГ и других западных странах на своих сограждан еврейского происхождения — не богатеев, разумеется, а трудящихся, бедноту, безработных. На этом зловещем фоне, воскрешающем в памяти человечества кощунственные контакты сионистских лидеров с гитлеровцами в годы второй мировой войны, несказанно волнует каждого советского патриота приведенный в книге исторический факт:

«В разгар гражданской войны, 25 июля 1918 г., когда контрреволюция пыталась раздувать антисемитизм и в захваченных ею районах учиняла кровавые еврейские погромы, по инициативе В. И. Ленина Совет народных комиссаров принял декрет, поставивший антисемитизм вне закона и объявивший его «гибелью для дела рабочей и крестьянской революции». Этот декрет был отредактирован Лениным, который добавил к нему следующие слова: «Совнарком предписывает всем Совдепам принять решительные меры к пресечению в корне антисемитского движения».

В развитие этих великих принципов весь мир услышал с трибуны XXVI съезда ленинской партии слова из Отчетного доклада Центрального Комитета КПСС съезду: «КПСС боролась и всегда будет решительно бороться против таких чуждых природе социализма проявлений, как шовинизм или национализм, против любых националистических вывихов, будь то, скажем, антисемитизм или сионизм».

Вникнув в ленинские высказывания, в выдержки из партийных документов и выступлений товарища Л. И. Брежнева, ознакомившись с приведенными в книге жизненными фактами, читатель вместе с авторами закономерно приходит к выводу:

«Главным оплотом борьбы коммунистов, всего прогрессивного человечества против любых форм и проявлений расизма и шовинизма, включая фашизм, неофашизм, является Советский Союз. Советским людям чужды и отвратительны бредовые идеи о превосходстве одних народов над другими, о национальной или расовой исключительности».

Полную научную и, я бы сказал, жизненную несостоятельность концепций сионизма, в том числе непрестанной болтовни его эмиссаров о «всемирной еврейской нации», раскрывает вторая глава книги. Она воочию показывает, что усердно прислуживающий капиталистическим монополиям сионизм «является идеологией и политикой крупной еврейской буржуазии и направлен на разжигание национальной розни между трудящимися, на укрепление господства людей одной нации над другими».

Не могу, естественно, коснуться всех разделов многообразной книги. Но должен выделить главу «Сионистское лобби в США». Ведь лидеры сионистских лоббистов в первую голову пытаются диктовать руководителям США, особенно экстремистской администрации Рейгана, как потрафлять милитаристским акциям Израиля, как наращивать поставки ему оружия, как срывать попытки Совета Безопасности ООН призвать к ответу Израиль за зверства на оккупированных арабских землях. А ведь эти зверства сродни гитлеровским, они свидетельствуют о растущем влиянии профашистских элементов в сионистской среде.

Много новых впечатляющих фактов найдет читатель в главе, посвященной сионистской пропаганде на службе империализма. Эта глава показывает, насколько проникнуты махровым антисоветизмом излияния сионистских проповедников. Они вынашивают и пропагандируют несбыточные планы раскола и раздробления Советского Союза, нанесения коварного удара по самому драгоценному завоеванию социализма — подлинно ленинской дружбе советских народов. Еще в 1976 году один из тель-авивских журнальчиков разболтал о таких планах. Признавая, что разделить Советский Союз «не в наших силах», сионистский автор тем не менее воинственно призывал своих единомышленников: «Но в наших силах помочь этому вопросу стать поближе к центру мировой дипломатии, в наших силах объяснить многим, как в Америке, так и в Европе, что их представление о единой России — не только неверно, но и пагубно для них самих».

Книгу завершает глава о том, как в наши дни коммунистические и рабочие партии с ленинских позиций активно борются с расистско-шовинистической идеологией и террористической практикой современного международного сионизма. Главу завершает выдержка из статьи члена Политбюро ЦК Компартии США Джона Питтмана и секретаря ЦК Компартии Израиля Захи Каркаби, ярко демонстрирующая, как братские партии подходят к борьбе с сионизмом с позиций пролетарского интернационализма:

«Чтобы в максимальной степени нейтрализовать, обезвредить сионизм, необходима постоянная, неустанная борьба с ним по всем линиям — идеологической, политической, экономической и дипломатической. Борьба против сионизма — это неотъемлемая составная часть борьбы за жизненные интересы всего прогрессивного человечества, за укрепление всеобщего мира и международной безопасности. Это также и борьба за классовые интересы международного пролетариата, за демократию и социализм».

Вот как по-ленински понимают существо борьбы с идеологическим ядом сионизма и его расистскими делами коммунисты стран, чьи правители в тесном контакте стремятся навязать свое господство ближневосточному региону.

В работах, созданных большим авторским коллективом, обычно ощущается некоторая разностильность, различие в манере изложения, несовпадения в композиционном построении материала. Редакционной коллегии книги «Сионизм в системе империализма» (Л. Беренштейну, Л. Дадиани, С. Сергееву, Ю. Римаренко, А. Сазонову) в значительной мере удалось избежать этого и привести все разделы к единому, можно сказать, стилевому, аналитическому и композиционному знаменателю. Конечно, не все разделы написаны одинаково динамично, не все главы в равной степени насыщены новым фактическим материалом. Но книга от первой до последней страницы наступательна, убедительна, научно обоснована.

Она насущно необходима советским читателям. Особенно сейчас, когда администрация США цинично берет под защиту любую разбойничью акцию израильских правителей, когда международный сионизм, подобно бегинской клике, превращает терроризм в основной метод своей деятельности, когда перед борющимися за свои человеческие права и свою землю палестинцами стоят особенно тяжелые испытания.

«Сионизм в системе империализма». Киев. Издательство политической литературы Украины. 1981.

Неопознанный объект

Виктор ГАСТЕЛЛО

ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Прораб Мочкин после вчерашних именин прогуливался по пустырю среди древних развалин недостроенной столовой. Денек был хоть куда... Травка зеленела, солнышко блестело. Большие жирные лопухи нагло забивали руины пищеблока. Это была его, Мочкина, давно заброшенная незавершенка.

Вдруг трава на лужайке зашевелилась и сама по себе легла как подкошенная. Мочкин потряс головой, трава не поднималась.

«Не надо бы вчера в конце пить на брудершафт с этой козой,— мрачно подумал он,— только жену Дусю обидел... Опять же посошок на лестничной клетке».

Над примятой травой, как мираж в пустыне, неожиданно возник огромный, похожий на кастрюлю аппарат. Мочкин не на шутку испугался за свое здоровье, жена Дуся ему такое предсказывала. Он потер глаза, подергал себя за уши. Но гигантская «кастрюля» не хотела исчезать... Потом часть корпуса раздвинулась, медленно выползла похожая на самолетный трап лестница, и сошли трое... Люди как люди, только одеты красиво.

Мочкин успокоился, со здоровьем было все в порядке, комиссией его не удивишь, а что в кастрюле прибыла, так, может, у них с транспортом плохо. На всякий случай он припас несколько объективных трудностей.

— Здравствуйте,— вежливо сказал на вид самый главный, и все трое щелкнули какими-то переключателями.

— Добро пожаловать,— с достоинством ответил Мочкин,— рад, что вы приземлились у нас, это не первый случай, но сразу хочу сказать...

— Мы долго выбирали, где перекусить,— радостно перебил его самый молоденький,— для посадки лучшего места не найти.

— Есть места и получше,— еле слышно проворчал Мочкин,— вон соседи, пятый год баню строят.

— Мы — пришельцы,— снова выпалил молоденький.

— Никак, из треста?— захолодал Мочкин.

— Инопланетяне, — пояснил главный и ткнул в небо пальцем.

Внезапно Мочкин увидел, что у пришельцев было не наше выражение на лице.

— Родные вы мои,— искренне обрадовался он,— значит, вы не комиссия?

— Нет, мы экспедиция, оттуда...

— Митинг будем устраивать? — деловито осведомился Мочкин.— А то мигом сбегаю за Дусей, и народ поднимем.

— Не надо народ, поговорим так.

— Граждане хорошие, тогда предъявите документы,— бдительно потребовал Мочкин,— никак, находитесь на территории стройки. Только отвернись, раствор прут, доски тащат.

— Нам раствор не нужен,— серьезно сказал главный.— Из документов — есть лоции, карта вселенной, бортовой журнал...

— Не густо,— засомневался Мочкин,— тогда давайте характеристики с работы.

— Что такое характеристика?

— Это документ, в котором тебя хвалят.

— А если не за что?

— Как это не за что,— не на шутку возмутился Мочкин,— ну чудаки, если покопать, всегда найдется.

— Мы все хорошие,— сказал весело молоденький.

— Ладно, граждане, с вами все ясно, в такую даль и без характеристик, пойдем в милицию, там разберутся, хорошие вы или наоборот.

— Ми-ли-ция,— произнес молоденький,— как красиво звучит!

— Это для кого как! — пояснил Мочкин.— Кое-кто вздрагивает.

— Не надо милицию... Мы хотим... Как у вас называется, когда без оркестра?

— С неофициальным визитом?

— Еще тише.

— Вы, часом, не с луны свалились?

— Нет, мы из туманности Гудрон.

— Гудрон нам тоже, бывает, не подвозят,— вздохнул Мочкин.— Что же у вас вместо «летающих тарелок» пошли «летающие кастрюли»? — полюбопытствовал он.

— Точно, кастрюли,— подхватил шутку молоденький,— и сели около столовой.

— Рано сели,— проворчал Мочкин,— тут с кастрюлями пока делать нечего.

— Почему это нечего?—посерьезнел старший.— Наш компьютер выдал информацию, что столовая сдана еще в прошлом году!

Мочкин потупился.

— Фирменное блюдо—борщ «Горячие денечки»! — обиделся молоденький.— В газете написано!

— Поторопились в газете с борщом...— виновато сказал Мочкин.— Когда акт о приемке подписывали — борщ тетя Дуся из дому принесла.

— Как это у них на земле называется? — Старший сделал вращательное движение рукой около глаз и посмотрел на молоденького вопросительно.

— Оч-ко-вти-ра-тель-ство, — по слогам произнес молоденький.

— Наказание?

Молоденький щелкнул переключателем, прислушался к какому-то попискиванию и выпалил:

— Битье кнутом на площади.

— Да вы что!—возмутился Мочкин.— Это вам не средние века! У нас больше строгача не дают!

Инопланетяне переглянулись.

— Наказание словом. Такая запись... — сказал молоденький.

— Каленым железом на лбу?

Мочкин похолодел.

— На бумаге,— разъяснил молоденький.— У некоторых столько строгачей, что никакого лба не хватит.

— А! Время теряем! — рассердился главный.—Зацементировать.

От страха Мочкин потерял сознание. Когда он открыл глаза, пришельцы садились в свою кастрюлю.

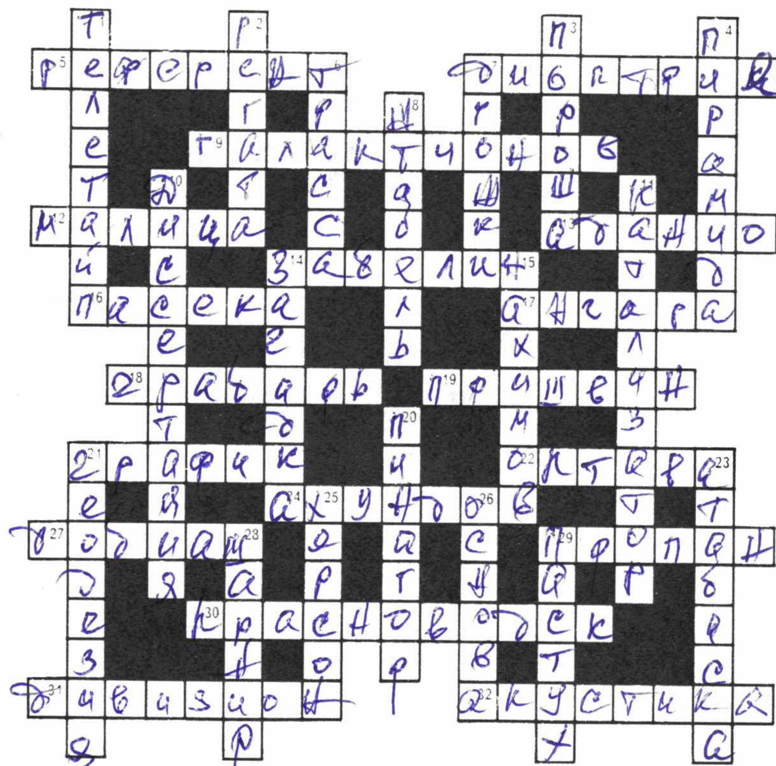
— Скорее, скорее,— торопил главный.— Нам надо в баню успеть: космическую пыль смыть.

— Будете садиться в форме шайки? — крикнул Мочкин, решив пропадать, так с треском.— Оставьте что-нибудь на память, ведь не поверят в тресте, что были.

— Покажите примятую траву,— веско бросил главный, последним поднимаясь по трапу.

«Так, может, здесь конь валялся!» — крикнул Мочкин и проснулся.

Лужайка имела первозданный вид, как будто на ней и конь не валялся.

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Консультант по определенным вопросам. 7. Единица измерения оптической силы линзы. 9. Русский график, мастер резцовой гравюры, литографии XIX века. 12. Одежда оленеводов. 13. Медленный темп в музыке. 14. Действующее лицо пьесы Н. Ф. Погодина «Кремлевские куранты». 16. Пчеловодное хозяйство. 17. Приток Енисея. 18. Народный художник СССР, искусствовед, академик. 19. Советский писатель, автор повести «Журавлиная родина». 21. Календарный план выпуска продукции предприятием. 22. Музыкальный интервал. 24. Азербайджанский писатель-демократ, просветитель. 27. Чехооловацкий композитор. 29. Насыщенный углеводород, газ. 30. Областной центр в Туркмении. 31. Подразделение артиллерийского полка. 32. Учение о звуке.

По вертикали: 1. Приемно-передающий буквопечатающий аппарат. 2. Соревнования на спортивных судах. 3. Стихотворение С. А. Есенина. 4. Многогранник. 6. Маршрут полетов транспортных самолетов. 7. Легкий открытый рессорный экипаж. 8. Сложенный в определенном порядке строительный материал. 10. Научно-исследовательская работа. 11. Вещество, изменяющее скорость химической реакции. 14. Краткое иносказание. 15. Флотоводец, руководитель героической обороны Севастополя в 1854—1855 годах. 20. Промысловая морская рыба. 21. Наука об определении формы и размеров Земли. 23. Озеро в Канаде. 25. Порт в устье Днепра. 26. Параллельные нити в ткани. 28. Подвижное соединение деталей, конструкций. 29. Басня И. А. Крылова.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 24

По горизонтали: 7. Насырова. 8. Селекция. 9. Бакуриани. 10. Сурьма. 12. Карони. 14. Трепанг. 16. «Канитель». 17. Торговля. 18. Доктрина. 21. Уранинит. 23. Графика. 24. Яровая. 26. Вяхирь. 27. Раневская. 28. Питомник. 29. Ихневмон.

По вертикали: 1. Борьба. 2. Ученик. 3. «Катерина». 4. Карусель. 5. Аспирант. 6. «Дискобол». 11. Миниатюра. 13. Автотипия. 14. Тренинг. 15. Гармала. 19. Орфоэпия. 20. Арабеска. 21. Ушинский. 22. Ихтиолог. 25. Яремча. 26. Вязель.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Выпускники Рижского хореографического училища Ольга Ярославцева и Эрленд Зиеминьш. (См. в номере материал «На доброй янтарной земле».)

Фото А. Бочинина

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Сванетия.

Фото А. Чарквиани (г. Кутаиси)

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 31.05.82. Подписано к печати 15.06.82. А 00378. Формат 70 × 108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 1572. Заказ № 2471.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ВАШЕ СЛОВО, СЕНЬОР МЯЧ!

Барселона. Стадион «Ноу Камп». Торжественное открытие XII чемпионата мира по футболу.

Футбольные мячи, которыми играют на первенстве мира в Испании, носят имя танго, но ритм игры, предложенный сильнейшими командами мира, скорее можно сравнить с ритмом фламенко — одного из самых экспансивных танцев Испании.

Футбольный мяч всегда был в Испании уважаемой персоной, а в эти дни он стал чуть ли не национальной эмблемой, его можно увидеть на плакатах, на стенах стадионов и гостиниц.

В Мадриде, Барселоне, Севилье, Малаге и еще десяти городах Испании не осталось ни одного свободного балкона с объявлением «Сдается в аренду на период чемпионата». Наиболее сообразительные болельщики привезли спальные мешки. Предусмотрительность будет вознаграждена: ночами они станут лежать в очереди за билетами.

В Испании молчат гитары. Тон музыке задает трель судейской сирены.

На фасаде Дворца конгрессов полощутся на ветру и трещат автоматическими очередями двадцать четыре флага стран — участниц первенства мира. Сравнение треска щелкающих полотнищ с автоматной очередью невольно приходит на ум, когда видишь молодцеватых десантников с автоматами, коим поручено охранять штаб-квартиру прессы от отчаявшихся получить аккредитацию журналистов. У солдат настолько решительный вид, что закрадывается мысль: не дан ли им приказ стрелять в наиболее назойливых корреспондентов без предупреждения?

7500 журналистов будут освещать это грандиозное зрелище. 3750 представляют печать, 3 тысячи — телевидение и радио, 750 фотографов выйдут на кромку футбольного поля, чтобы осуществить требование болельщиков; остановить мгновение.

Последний финальный свисток судьи прозвучит в воскресенье 11 июля и подведет итог футбольному времени. Участники первенства затратят на игру 4680 минут. Только тогда мы узнаем, кому из 23 претендентов на королевский трон футбола удастся сорвать корону с головы Аргентины.

Каждому уже сегодня хочется знать имя чемпиона мира. С особым вниманием болельщики ловят слова из-за кулис футбольного театра. Мнения футбольных специалистов расходятся не так уж сильно.

Вот что говорит знаменитый итальянский футболист Ривера: «По-моему, победителем будет Бразилия. Второе место займет ФРГ, а третье будет у Испании. У бразильцев изощренный стиль игры, чувство слитности всех игроков в одно целое. Их тактика богата воображением».

Игрок сборной Англии Фрэнсис думает примерно так же: «Инстинкт требует, чтобы я назвал Англию, но подлинными фаворитами я считаю футболистов ФРГ при условии что травмы перестанут преследовать эту команду. Второй фаворит — Бразилия».

Хосе Эмилия Сантамария — тренер сборной Испании убежден, что их команда на этот раз не даст себя никому одурачить: «Мы попали в хорошую подгруппу. Мы хотим добраться до финала».

Голландец Неескенс, обладатель серебряных медалей двух чемпионатов мира: «С такими игроками, как Руммениге, Брайтнер и Шумахер, немцы могут рассчитывать на успех. Помимо всего, они прекрасные техники, умные тактики и обладают сильной волей к победе».

А что думают сами футболисты ФРГ? Послушаем Руммениге: «Если мы преодолеем полосу невезения и никто из наших игроков не будет травмирован, мы выйдем в финал, а там, я надеюсь, обыграем бразильцев со счетом 2 : 1».

Сборная команда Бразилии еще до начала чемпионата довела кое-кого до инфаркта. Бразильцы провели тренировочный матч с одним испанским клубом, который зовется «Майрена», дали соперникам своего вратаря и двух защитников и даже после этого забили 26 безответных мячей».

Когда пишутся эти строки, чемпионат мира уже полностью вступил в свои права, и знатоки заняты теперь не прогнозами, а учетом забитых голов и прочими совершенно реальными статистическими данными. В журналистские досье легли первые из этих данных. Вот они:

Аргентина — Бельгия — 0 : 1 (0 : 0), Барселона, 13 июня, 22 градуса, 90 000 зрителей.

Виго. Италия — Польша — 0 : 0, 24 градуса, 30 000 зрителей.

Севилья. Бразилия — СССР — 2 : 1 (0 : 1), 42 градуса, 70 000 зрителей.

Нетрудно догадаться, что нас особенно взволновала третья строка из этого досье. Матч Бразилия — СССР сразу отодвинул все другие события — и яркое, красочное открытие чемпионата, и неожиданный проигрыш чемпионов мира — аргентинцев — на задний план. Встречу советских футболистов с трехкратными чемпионами мира все ждали с огромным интересом, и, что скрывать, подавляющее большинство наблюдателей склонялось к тому, что бразильцы победят. Так оно и случилось, но вряд ли кто-нибудь мог предполагать, что матч пройдет в такой обоюдоравной борьбе и потребует от бразильских виртуозов всех их сил, всего их мастерства. С первой же игры советская сборная зарекомендовала себя с самой лучшей стороны, и нам теперь остается ждать результатов ее двух следующих выступлений в VI группе. Только две победы — над новозеландскими и шотландскими футболистами — откроют команде СССР путь в число двенадцати лучших.

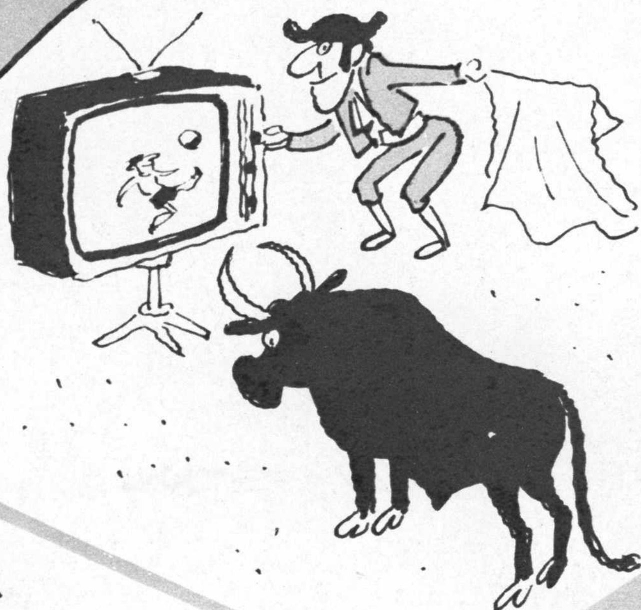
Играют футболисты Бразилии и СССР.
Телефото АП — ТАСС

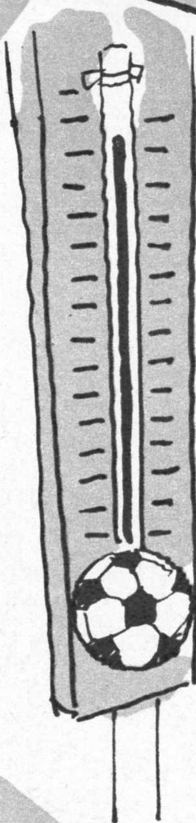

Борис КОРОЛЕВ, Альгис ЧЕКУОЛИС,
корреспонденты АПН.
Специально для «Огонька».

Барселона — Севилья.

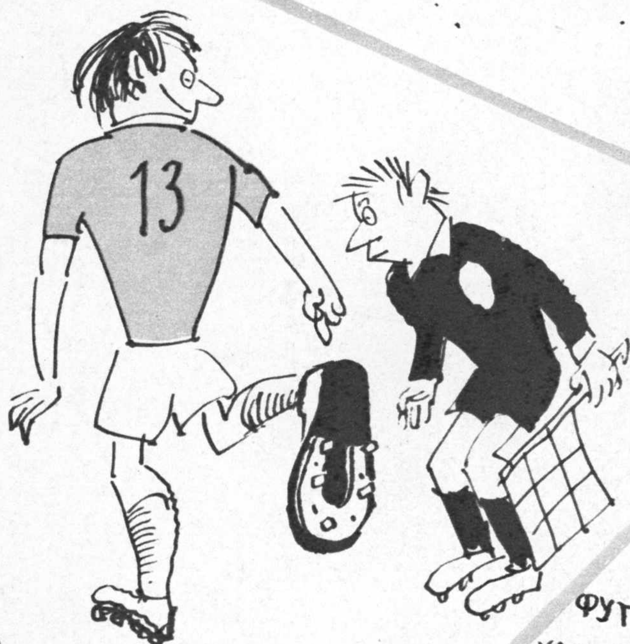
Нашли общий язык.

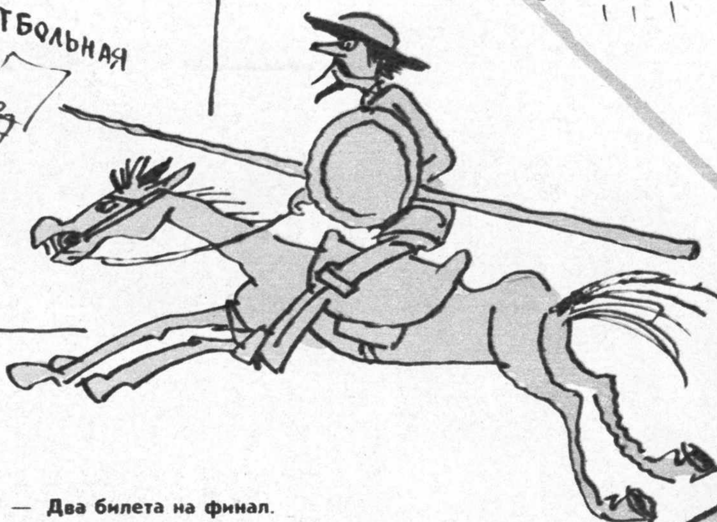

Ну и жарко!

—А эта подкова на счастье.

— Два билета на финал.

— Одиннадцатиметровый удар я беру на себя.

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663